

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Люльчак Александр Сергеевич

Эволюция пропаганды в кемалистской Турции 1920–1930-х гг.

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Шлыков Павел Вячеславович

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Кемалистская пропаганда во время Освободительной войны 1919–1922	
гг.....	24
1.1. Идеологическая и ресурсная предтеча кемалистской пропаганды: османская пропаганда начала XX в.	25
1.1.1. Идеологические нарративы османской пропаганды	26
1.1.2. Практика османской пропаганды в период войн и революций.....	34
1.2. Кемалистская пропаганда в годы Освободительной войны 1919–1922 гг... .	40
1.3. Антикемалистская пропаганда стамбульских властей	49
Глава 2. Внутренние вызовы кемалистской пропаганды середины 1920-х – начала 1930-х гг.	62
2.1. Противостояние кемалистов и сторонников Прогрессивной республиканской партии через призму пропаганды	63
2.1.1. Пример оппозиционной кемалистам печати: Абдурахман Велид Эбуззийя и газета “Tevhîd-i Efkâr”	64
2.1.2. Пример борьбы кемалистов против оппозиции на страницах газет: восстание шейха Саида 1925 г.	71
2.2. Начало становления «высокого кемализма» во второй половине 1920-х гг... .	76
2.2.1. «Речь» Мустафы Кемаля и ее значение для турецкой пропаганды конца 1920-х гг.	77
2.2.2. Языковая реформа в Турции. Реформа алфавита	86
2.2.3. Радио как инструмент кемалистской пропаганды, сопряженный с печатью на примере журнала “Telsiz”	98

2.3. От взаимопомощи к конфронтации. Борьба кемалистской пропаганды со сторонниками Свободной республиканской партии	102
2.3.1. Пропаганда Свободной республиканской партии, как антипод правительенным средствам массовой информации	103
2.3.2. Реакция кемалистской прессы на деятельность Свободной республиканской партии	109
Глава 3. Развитие кемалистской пропаганды в 1930-е гг.	122
3.1. Идеологический базис кемалистской пропаганды 1930-х гг.	123
3.1.1. Основные идеологические постулаты программ Народно-республиканской партии 1930-х гг.	124
3.1.2. Левый кемализм и журнал “Kadro”	130
3.1.3. Правый кемализм и его проявление в виде ультранационализма и антисемитизма	137
3.2. Старые и новые инструменты кемалистской пропаганды в 1930-е гг.	147
3.2.1. Кино, как экспериментальное средство кемалистской пропаганды 1930-х гг.	147
3.2.2. Печатная иллюстрированная турецкая пропаганда 1930-х гг.	153
3.2.2.1. Журнал “La Turquie Kemaliste”, как образец кемалистской «внешней» пропаганды.....	153
3.2.2.2. Журнал “Yedi Gün”	162
3.3. Примеры использования кемалистской пропаганды в эпоху «высокого кемализма»	168
3.3.1. Реакция турецкой пропаганды на итало-эфиопскую войну 1935–1936 гг. через юмористическую призму	169
3.3.2. Инструментализация пропаганды во внешней политике Турции на примере визита Реза-шаха Пехлеви в Турцию в 1934 г.	177

3.3.3. Авиационная тема и ее использование турецкой пропагандой во второй половине 1930-х гг.	184
3.3.4. Кемалистская пропаганда и конструирование истории.....	193
3.3.5. Смерть Мустафы Кемаля Ататюрка в зеркале кемалистской пропаганды. 200	
Заключение	215
Список использованных источников и литературы	222

Введение

В известной книге «Пропаганда» американский специалист по PR-технологиям Эдвард Бернейс охарактеризовал современную пропаганду как «последовательную и продолжительную деятельность по созданию или трактовке событий с целью повлиять на отношение масс к тому или иному предприятию, идее или части населения»¹. Зародившись еще на заре человечества, пропаганда превратилась к XX в. в мощное оружие влияния на массы и инструмент создания нарративов, соответствующих интересам политических режимов, корпораций или групп давления. Необходимость контроля населения через распространение «правильных» идей не обошла стороной кемалистскую Турцию. После победы в Освободительной войне 1919–1922 гг. кемалисты считали своей первоочередной задачей закрепить успех путем проведения комплексных радикальных реформ, направленных на трансформацию общества из старого «османского» и «мусульманского» в новое «турецкое».

Подобные преобразования было трудно осуществить без активной пропагандистской работы. На протяжении 1920–1930-х гг. власти Турецкой Республики активно использовали пропаганду для привлечения внимания жителей страны к реформам и их популяризации. Идеологические конструкты, пропагандистские инструменты, а также примеры их использования вызывают особый интерес в рамках данной диссертационной работы, которая исследует основные тренды турецкой пропаганды первых двух десятилетий республиканского периода истории Турции. В центре внимания – проблема развития методов воздействия на общественное мнение в Турецкой Республике, а также вопрос эффективности использования пропаганды кемалистами и их оппонентами.

Диссертационная работа находится в русле исследований, целью которых является анализ информационных кампаний, использования инструментария

¹ Бернейс Э. Пропаганда. Пер. с англ. Е. Паранхевич. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 24.

продвижения взглядов кемалистов и эволюции пропаганды на протяжении двух первых десятилетий существования Турецкой Республики. Несмотря на широкую представленность данной темы в российской и зарубежной историографии, ряд общих вопросов, связанных с развитием пропаганды в Турции, остаются недостаточно глубоко исследованными. Так, практически не освещена роль, которую играла агитация в общественно-политическом развитии страны в период реформ и социальных преобразований. В связи с этим остро встает вопрос о механизмах контроля общественного мнения, а также идеологической составляющей пропагандистских кампаний, которые были характерны для исследуемого периода.

Научная актуальность диссертации определяется активной разработкой темы пропаганды в общественно-политической жизни Турции в первой половине XX в. В кемалистской Турции агитация использовалась в качестве основного орудия для распространения идей, установок, мыслей и мнений среди населения. При помощи идеологии национализма пропаганда формировалась не только имидж «нового» общества, но также и изображения «Другого», «Чужого», «Врага» и других элементов, которые преподносились в качестве антипода новому государству, новому порядку и новой идее. Тем самым изучение турецкой пропаганды 1920–1930-х гг. способно внести существенный вклад в изучение особенностей формирования национальной идентичности и влияния политической культуры на восприятие внешнего мира.

Также научная актуальность заключается в активной разработке новых подходов к изучению пропагандистских инструментов, в частности, изучении визуальных методов пропаганды. Так, начавшийся с 1990-х гг. «визуальный поворот»² в социальных науках стал объектом исследовательского интереса в данной работе, поскольку карикатуры и рисунки, использовавшиеся в рамках пропагандистских кампаний кемалистов, отражают настроения, царившие в

² Одним из первых, кто ввел в широкий научный оборот понятие «визуальный поворот» в процессе отображения «природы вещей», стал американский исследователь У. Д. Т. Митчелл. В известной работе «Пикториальный поворот» он показывал, что необходимо изучение социальной роли изображений, их места в системе общественной коммуникации. Mitchell W.J.T. The Pictorial Turn // ArtForum – 1992. – № 5. – Р. 89-94.

проправительственных кругах. Теория «визуального поворота» важна для анализа «контента доминирующих в актуальной медиасфере публикаций»³. В последнее время изучение отдельных элементов пропаганды говорит о все возрастающей заинтересованности в научной среде к тематике пропагандистских кампаний. Такие исследования появляются как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе, что придает данной тенденции международный характер.

Новизна диссертационной работы заключается в том, что она является первым комплексным исследованием, посвященным изучению кемалистской и анти-кемалистской пропаганды в Турции 1920–1930-х гг., включающим в себя анализ различных механизмов, идеологем и конкретных случаев ее применения. Диссертация построена на анализе широкого круга источников, в частности ведущих периодических изданий 1920–1930-х гг. (“Cumhuriyet” (Республика), “Akşam” (Вечер), “Hakimiyet-i Milliye” (Национальный суверенитет) и других), мемуарной литературы, художественных произведений и партийных документов. В работе доказана преемственность кемалистской и османской пропаганды. В ходе исследования продемонстрированы факторы, определявшие течение пропагандистских кампаний, с помощью новых методологических приемов для изучения тенденций, характерных для первых лет республиканской эпохи в истории Турции. В частности, использование исторической имагологии, а также «визуальной истории» и «перекрестной истории» позволило шире и более детально рассмотреть использовавшиеся кемалистами и оппозицией пропагандистские методы. В диссертации доказано, что пропаганда, характерная для кемалистской Турции 1920-х и 1930-х гг., имела четкие идеологические установки, которые использовались при разработке пропагандистских кампаний.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что она демонстрирует эволюционный процесс, происходивший в турецкой пропаганде в первые годы Турецкой Республики. Данный сюжет практически не изучался ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Тем самым,

³ Симакова С.И. Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – №10 (420). – С. 225–226.

работа закладывает фундамент для будущих исследований источников, идеологии, механизмов и практик турецкой пропаганды. Данные, собранные в ходе исследования, могут послужить основой для дальнейшего изучения пропаганды в Турецкой Республике. Материалы диссертации могут найти применение в разработке учебных курсов, программ и пособий по истории Турции в высших учебных заведениях востоковедного профиля и на исторических факультетах российских университетов.

Объектом диссертационного исследования является турецкая пропаганда 1920–1930-х гг., состоявшая как из проправительственных, так и из антикемалистских нарративов. **Предметом** исследования выступила эволюция турецкой пропаганды и ее основные черты в 1920–1930-е гг.

Ключевым понятием в подходе автора к изучению инструментов формирования общественного мнения является многообразность, которая заключается в использовании источниковедческих и историко-описательных подходов с элементами анализа. Подавляющее большинство работ, посвященных тематике турецкой пропаганды, концентрируется лишь на некоторых ее аспектах, не пытаясь рассмотреть весь комплекс пропагандистских идей и механизмов в своем единстве. Тем самым вне поля зрения остается значительный пласт, который мог бы дать более полную картину происходившей эволюции турецкой пропаганды – как официальной, так и оппозиционной – на протяжении 1920–1930-х гг.

Целью диссертации является определение основных черт эволюции пропаганды в Турции на протяжении первых десятилетий республиканской эпохи – в 1920–1930-е гг. Для достижения этой цели были поставлены следующие **исследовательские задачи**:

- определить степень преемственности кемалистской идеологии по отношению к идеологическим парадигмам османского периода;
- выявить динамику развития турецкой пропаганды на протяжении Освободительной войны 1919–1922 гг.;

- определить факторы, повлиявшие на создание различных нарративов турецкой пропаганды как в проправительственном, так и в оппозиционном дискурсах;
- установить специфику продуцирования пропаганды в идеологическом плане, а также инструменты ее распространения, характерные для 1920–1930-х гг.;
- выявить основные черты кемалистской пропаганды в период ее информационного доминирования в 1930-х гг. с точки зрения использования инструментария в практическом плане.

Хронологические рамки диссертации охватывают период 1920–1930-х гг. Нижняя граница – это период Освободительной войны (1919–1922), когда проходили боевые действия против интервентов и зарождение кемалистской пропаганды, которая стала важным козырем в руках кемалистов в информационной войне. Верхняя граница исследования – 1938 г., год смерти первого президента Турции Мустафы Кемаля Ататюрка (1881–1938), с именем которого связано становление республиканского строя в стране и национальной идеологии – кемализма. В ряде случаев возникала необходимость в обращении к более раннему периоду времени для выявления определенного континуума в идеологической трансформации, которую пережила османская, а затем турецкая пропаганда в эпоху войн и революций.

Географические рамки исследования не ограничиваются только Турецкой Республикой (хотя именно она и стоит в центре данного исследования). Для изучения влияния турецкой пропаганды на мировое общественное мнение в исследовании были частично рассмотрены такие страны, как Советский Союз, Новая Зеландия и другие.

Методологическая база и методы исследования. Многомерный и неоднородный характер пропаганды как предмета исследования предполагает использование комплексной методологии в исследовании пропагандистских тенденций кемалистской Турции 1920–1930-х гг. Прежде всего, речь идет о

методологии истории⁴ с опорой на классические методы, а также на некоторые новейшие тенденции в развитии исторической науки, появившиеся на рубеже ХХ–XXI вв. Необходимо выделить широко распространенное в западной научной мысли направление «исследований пропаганды» (“propaganda studies”), суть которого заключается в понимании пропаганды в качестве «преднамеренного использования организованных коммуникаций для воздействия на аудиторию или зрительские аудитории и достижения политических или иных целей»⁵.

Важнейшую часть методологической базы диссертации формирует имагология, ставящая в качестве приоритета изучение «образа чужого» в событийно-историческом контексте. Несмотря на свои литературоведческие корни⁶, деконструкция образов и символов с позиции имагологии актуальна и в анализе визуальных материалов. На протяжении первых десятилетий XXI в. значительно пополнялось количество статей и работ по имагологии. В ряду значимых теоретиков имагологии стоит упомянуть монографию Э. О’Салливан и А. Иммель, которые сформировали основные методологические рамки этого научного направления. Разграничивая круг имагологических проблем четырьмя вопросами («Кто видит изображение?», «Что изображено?» «Как изображено?», «Почему изображено таким образом?»)⁷, О’Салливан и Иммель выделяли основные векторы изучения не только литературных образов и символов, но и визуальных образов.

⁴ Согласно Б.Г. Могильницкому методология истории «обнимает предмет истории, его преломляющиеся в исторической действительности основные понятия, диалектику общего и особенного в историческом процессе и в историческом познании, она изучает соотношение истории и современности, социальные функции исторической науки», что полностью отвечает запросу данного исследования. Могильницкий Б.Г. Методология истории // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. С. 272.

⁵ Briant E.L., Jones M.O. A century of propaganda studies: from pen and sword to surveillant smartphone // Critical Studies in Media Communication. – 2025. – № 42 (1). – Р. 64.

⁶ Впервые понятие «имагология» встречается в работах французской школы сравнительно-исторического литературоведения в начале XX в., а именно в работах Поля ван Тигема, Фернана Бальденшпергера и Поля Азара. Считается, что само понятие «имагология» впервые использовалось в работе видного американского журналиста начала XX в. Уолтера Липпмана «Общественное мнение». См.: Lippmann W. Public Opinion. With a New Introduction by Michael Curtis. New Brunswick: Transaction Publishers, 1991. Однако этот факт из книги «Власть и образ: очерки потестарной имагологии» не соответствует реальности. Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5.

⁷ O’Sullivan E., Immel A. Sameness and Difference in Children’s Books: An Introduction // Imagining Sameness and Difference in Children’s Literature: From Enlightenment to the Present Day / Ed. E. O’Sullivan, A. Immel. London: Palgrave McMillan, 2017. Р. 1-28.

Исследование пропаганды подразумевает собой использование междисциплинарного подхода, а также требует задействовать широкий инструментарий других методов. Прежде всего, среди исторических методов исследований необходимо выделить историко-генетический, суть которого заключается в сочетании показа изменений и движения «с фиксированием пределов качественной устойчивости изучаемой реальности»⁸, что соотносится с темой диссертации: выявление причинно-следственных связей при изучении эволюции турецкой пропаганды в 1920–1930-е гг. в ходе исторического развития.

В работе также применялся сравнительно-исторический метод, нацеленный на «выявление общего и особенного на основе сопоставления исторических объектов или явлений»⁹. Данный метод использовался в контексте сравнения нарративов кемалистских и оппозиционных печатных изданий. Также сравнительно-исторический метод нашел свое применение в компаративном анализе турецких пропагандистских установок в 1920-е и 1930-е гг. с советскими и западными идеологическими приемами. Применение данного метода в работе обусловлено использованием обширной источниковой базы, состоящей из газет и журналов, издававшихся в Турции, СССР, Европе, и в других странах, что позволяет рассмотреть турецкую пропаганду в контексте аналогичных тенденций и течений, происходивших во всем мире в период Интербеллума.

Для установления особенностей функционирования турецкой пропаганды был взят на вооружение метод изучения «случаев» (или «кейсов»), суть которого заключена в том, что объектом научного исследования «выступает один или несколько случаев», а в задачи исследования входит «их детальное описание, изучение и интерпретация с целью понимания и анализа исторических процессов, протекающих в обществе»¹⁰. В настоящей работе анализ случаев необходим для понимания того, как в той или иной ситуации реагировала турецкая пропаганда,

⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 185.

⁹ Мазур Л.Н. Сравнительно-исторический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. С. 438.

¹⁰ Мазур Л.Н. Кейс-стади // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. С. 216.

какие методы и приемы использовались, и как тот или иной случай отражался на общей динамике развития пропагандистских тенденций в Турции в тот период.

В работе также были задействованы новейшие методы, связанные с междисциплинарным подходом. В частности, дискурсивный анализ, в основе которого лежит «представление о дискурсе как сложном коммуникативном явлении, включающем акт создания определенного текста, а также зависимость речевого произведения от различных экстралингвистических факторов знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего»¹¹. Применение дискурс-анализа в исторической работе оправдано тем, что турецкие медиа, при передаче той или иной идеологической установки населению страны, прибегали к определенному нарративу для нужного правительству объяснения преобразований, происходивших в стране.

Турецкая пропаганда не ограничивалась печатью. Карикатурные изображения активно использовались во время освещения того или иного события, поэтому в данной работе применялась «визуальная история» (англ. “Visual History”), то есть «рассказ о прошлом в изображении»¹², который позволяет, по мнению Д. Блейхмар и В.Р. Шварц, «одновременно сжиматься и расширяться, делая одни вещи более близкими, а другие – более отдаленными»¹³.

Учитывая, что в работе анализируется не только турецкая пропаганда, но и пропагандистские практики ряда других государств (СССР, Новой Зеландии), исследование выходит за сугубо национальные рамки и приобретает международное измерение. Это позволяет частично применить в данной диссертации подход, «перекрестной истории» (фр. “*histoire croisée*”), разработанный М. Вернером и М. Циммерманом¹⁴ и базирующийся на идее о том, что важно не только сравнение, но и момент рецепции и взаимовлияния. Данная

¹¹ Поршнева О.С. Дискурсивный анализ // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. С. 92.

¹² Bleichmar D., Schwartz V.R. Visual History: The Past in Pictures // Representations. – 2019. – № 145 (1). – P. 3.

¹³ Ibid. P. 25.

¹⁴ Werner M., Zimmermann B. Penser l'*histoire croisée*: entre empirie et réflexivité // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2003. – № 1. – P. 7–36; Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. – 2006. – № 45 (1). – P. 30–50.

методология применена в вопросе изучения попыток влияния турецкой пропаганды на мировой информационный поток.

Формирование **источниковой базы** диссертации в полной мере определялось поставленным исследовательским задачам, включая стремление всесторонне отразить комплексность и многоуровневость турецкой пропаганды 1920–1930-х гг.

Наиболее важную группу источников формируют *турецкие периодические издания* 1920–1930-х гг., которые типологически подразделяются на две категории: проправительственную прессу и оппозиционные издания. Подобная классификация позволяет более четко отразить многообразие пропагандистских идей в Турции, а также выявить различия в методах и подходах между кемалистами и их оппонентами. К первой категории – *кемалистским изданиям* – можно отнести такие газеты, как “Cumhuriyet” (Республика), “Akşam” (Вечер), “Hakimiyet-i Milliye” (Национальный суверенитет, с 1934 г. “Ulus” – Народ), “Vakit” (Время), “Milliyet” (Нация), “Tan” (Рассвет), юмористические журналы “Karagöz” (Черноглазый) и “Akbaba” (Гриф), а также журналы “Telsiz” (Беспроводной), “La Turquie Kemaliste” (Кемалистская Турция) и “Yedi Gün” (Семь дней). Вторая подгруппа – *оппозиционная пресса* – представлена такими газетами, как “Serbes Cumhuriyet” (Свободная республика), “Tevhîd-i Efkâr” (Единство идей), а также журналом “Aydede” (Луна).

Поиск архивных номеров газет позволил выявить базы данных, в которых издания 1920-х и 1930-х гг. содержатся в электронном виде. Прежде всего, это проект Стамбульского университета «Взгляд на историю через газеты» (Gazeteden Tarihe Bakış Projesi)¹⁵, в рамках которого были оцифрованы многие периодические издания, выходившие в 1930-е гг., в частности, уже упоминавшиеся “Cumhuriyet”, “Akşam”, “Vakit”, “Tan”. Сайт представляет собой грамотно оформленную картотеку, где выпуск каждой газеты распределен по годам, что значительно облегчает поиск материалов. Удобным представляется также и возможность

¹⁵ Gazeteden Tarihe Bakış Projesi. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nek.istanbul.edu.tr/ekos/GAZETE/> (дата обращения: 29.10.2022).

скачивания газет, а также поиска по ключевым словам. Все это значительно упростило работу с источниками и сделало их более доступными для исследователей. Вместе с тем на данном сайте отсутствует периодика 1920-х гг. Представлены лишь несколько изданий (среди которых “Cumhuriyet”), вышедших в 1929 г., однако основная часть газетных материалов датируется 1930-ми гг.

Второй базой данных, где были найдены не только кемалистские, но и оппозиционные издания, стал сайт «Газетный архив» (Gaste Arşivi)¹⁶, на котором опубликованы оцифрованные выпуски некоторых газет 1920-х и 1930-х гг., в частности, “Cumhuriyet”, “Hakimiyet-i Milliye”, а также оппозиционные газеты и журналы “Serbes Cumhuriyet” и “Aydede”. Несмотря на ограниченное количество журналов, сайт представляет собой ценный ресурс, где можно обнаружить газеты на османском языке – то, чего лишен проект «Взгляд на историю через газеты».

Еще одним ресурсом, откуда бралась периодика, стала электронная библиотека университета Бонна¹⁷. В ней оцифрованы некоторые турецкие юмористические издания, такие как журнал “Karagöz”, и ряд публицистических, таких как “Atsız Mecmuası” (Журнал Атсыза) и “Kadro” (Кадр). Последний из них представляет собой один из важнейших печатных органов для изучения механизмов кемалистской пропаганды начала 1930-х гг. Несмотря на относительно скромную представленность периодики, сайт электронной библиотеки университета Бонна позволяет рассмотреть важные с точки зрения идеологий издания, причем не только кемалистски ориентированные (“Kadro”), но и праворадикальные (“Atsız Mecmuası”) журналы.

Использование перечисленных электронных архивов периодики 1920–1930-х гг. помогло сформировать значительный пласт газет и журналов, достаточный для решения поставленных исследовательских задач по анализу пропаганды Турецкой Республики 1920–1930-х гг.

Отдельной группой источников выступили *документальные киноленты*,

¹⁶ Gaste Arşivi. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gastearsivi.com/> (дата обращения: 30.10.2022).

¹⁷ Universität Bonn. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/topic/view/3085789?max=100> (дата обращения: 29.10.2022).

произведенные в кемалистской Турции. Особое внимание заслуживает безымянная хроника, выпущенная студией “Fox Movietone News” в 1930 г., которая не только показывала обыденную жизнь турецкого общества, но и запечатлела встречу Мустафы Кемаль-паши с американским послом в Турции Джозефом Грю¹⁸. Данный фильм хранится на сайте “YouTube”, где можно ознакомиться с двумя его копиями – цветным и черно-белым. Другим важным источником для изучения кинопропаганды того времени стал снятый в 1934 г. советскими режиссерами С. Юткевичем и Л. Арнштамом¹⁹ фильм «Анкара – сердце Турции»²⁰, в котором нашли свое отображение идеи «Новой Турции». К сожалению, других документальных фильмов, которые бы дополнительно проиллюстрировали работу непосредственно турецкой кинопропаганды, нет. Существует также проблема отсутствия записей турецкого радио, хотя они могли бы стать ценным источником для исследования радиопропаганды. Причина этого заключается в том, что по прошествию некоторого времени пластинки с радиопередачами 1930-х гг. либо использовались для записи новых эфиров, либо, как сетовала турецкая исследовательница М. Ахыска, применялись в качестве настенных часов или просто выбрасывались²¹.

К следующей группе источников относятся *мемуары*, содержащие сведения о кемалистской пропаганде и транслируемых в ней идеях. Найденные в сети Интернет воспоминания непосредственных участников политической событий Турции 1920-1930-х гг., таких как турецкого писателя и журналиста Зии Шакира [Соку] (1883–1959)²² и одного из ведущих деятелей Освободительной войны 1919–1922 гг., а также соорганизатора оппозиционной кемалистам Прогрессивной

¹⁸ Atatürk Fransızca Konuşuyor (4K Renkli, Net Ses ve Görüntülerle...). YouTube. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H1aXmQ2cd4w> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁹ Горячок К.Л. “Анкара – сердце Турции” Сергея Юткевича и Лео Арнштама: сценарий, замысел и история создания // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2021. – № 4. – С. 104.

²⁰ Анкара – сердце Турции // ВК Видео [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-49466084_456243667 (дата обращения: 20.02.2023).

²¹ Ahiska M. Occidentalism in Turkey Questions of Modernity and National Identity in Turkish Radio Broadcasting. – London: I.B. Tauris. – 2010. – P. 31–32.

²² Şakir [Soku] Z. 1914-1918 Cihan Harbini Nasıl İdare Ettik? İstanbul: Muallim Fuat Güçüyener Anadolu Türk Kitap Deposu, 1944. 328 s.

республиканской партии Кязыма Карабекира (1882–1948)²³, позволили не только увидеть внутреннюю мотивацию основных действующих лиц турецкой политической жизни, но и рассмотреть роль, которую играла идеология в принятии тех или иных политических решений. В частности, мемуары Карабекира и Шакира, которые поддерживали младотурецкий режим, выясвили подробности деятельности пропаганды поздней Османской империи.

Особняком от всех источников, связанных с публицистикой и мемуарной литературой, стоит знаменитая 36-часовая «Речь» (Nutuk) Мустафы Кемаля Ататюрка²⁴, произнесенная с 15 по 20 октября 1927 г. на II съезде Народно-республиканской партии. «Речь» представляет собой ценный и важный источник для изучения всего периода Освободительной войны 1919–1922 гг., а также первых лет Турецкой Республики, так как является субъективной оценкой самого Кемаля. Текст «Речи» был широко растиражирован в печатном виде и выдержал большое число переизданий.

Отдельным пластом источников являются *произведения художественной литературы*, с помощью которых также изучаются идеологические составляющие кемалистской пропаганды времен Освободительной войны 1919–1922 гг. Сочинения таких писателей, как Зия Гёкальп (1876–1924)²⁵, Омер Сейфеттин (1884–1920)²⁶ и Шефкет Сюрейя Айдемир (1897–1976)²⁷ позволяют выявить идеологический базис тех идей, которые были воплощены на практике кемалистами в ходе пропагандистских кампаний 1920–1930-х гг.

Дополнительными источниками стали партийные документы Народно-

²³ Karabekir K. Birinci Cihan Harbine Nasıl Girdik, vol. 2. Istanbul: Emre, 1994. 464 s; Karabekir K. İstiklal Harbimiz, İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1960. 1171 s.

²⁴ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayımları, 2015. 1136 s.

²⁵ Напр.: Gökalp Z. “Millet ve Vatan”. S. 303. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908-1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad War and Collapse: World War I and the Ottoman State. University of Utah Press, 2016. P. 238.

²⁶ Напр.: Seyfettin Ö. “Türklük Mefkuresi,” S. 83-85. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908-1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad War and Collapse: World War I and the Ottoman State. University of Utah Press, 2016. P. 238.

²⁷ Aydemir Ş.S. Aydemir Suyu Arayan Adam, S. 48-49. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908-1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad War and Collapse: World War I and the Ottoman State. University of Utah Press, 2016. P. 235; Aydemir Ş.S. İlkinci Adam. Birinci Cilt (1884-1938). İstanbul, Remzi Kitabevi, 2011. 448 s.

республиканской партии, в частности программы партии²⁸, принятые после III съезда 1931 г.²⁹ и IV съезда 1935 г.³⁰ Данные материалы позволяют проследить, как на государственном уровне принимались те или иные решения о внедрении в государственную идеологию новых идеологических постулатов. Эти документы хранятся в электронном архиве библиотеки Великого национального собрания Турции³¹.

Многообразие источниковой базы позволило изучить различные аспекты пропаганды как механизма воздействия на массы, разнообразие ее инструментария, характер реакции на разные вызовы и создание благоприятного информационного поля.

Степень разработанности проблемы. Комплекс пропаганды как политического, социального и культурного феномена, а также характер поставленных задач предопределили многообразие и широту использованной научной литературы, которую можно подразделить на несколько групп.

В первую группу стоит отнести работы, которые связаны с изучением пропаганды или ее элементов с теоретической точки зрения и охватывают мировой опыт ведения пропагандистских кампаний. Этот раздел включает в себя научные исследования, не только рассматривающие пропаганду и связанную с ней идеологию в качестве отдельно взятого элемента³², но также и изучающие механизмы, которые являлись частью той или иной пропагандистской системы.

²⁸ Cumhuriyet Halk Firkası nizamnamesi ve programı. Ankara: T.B.M.M. Matbaası. 1931. 39 s.

²⁹ C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, İctima Zaman Cetveli. İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. 287 s.

³⁰ CHP programı. Ankara, Ulus Basımevi. 1935. 68 s.

³¹ TBMM Kütüphanesi Açık Erişim Sistemi. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/home> (дата обращения: 23.06.2023).

³² Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881—1914 гг. М.: РГГУ, 2012; «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России: монография / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2021; Barsotti E.M. Race and Risorgimento: An unexplored chapter of Italian history // Journal of Modern Italian Studies. — 2020. — № 25 (3). — P. 273–294; Bytwerk R.L. Julius Streicher. N.Y.: Cooper Square, 2001; Dawson A.S. “Wild Indians,” “Mexican Gentlemen,” and the Lessons Learned in the Casa del Estudiante Indígena, 1926–1932. // The Americas. — 2001. — № 57 (3). — P. 329–361; Ledeen M.A. Italian fascism and youth // Journal of Contemporary History. — 1969. — № 4 (3). — P. 137–154; Pittard E. Race and History. N.Y.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. ltd., 1926; Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda During the First World War // The Historical Journal. — 1975. — № 18. — P. 119–146; Schembs K. Fascist youth organizations and propaganda in a transnational perspective: Balilla and Gioventù italiana del Littorio all'estero in Argentina (1922–1955) // Amnis [Online]. — 2013. — № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/amnis/2021> (дата обращения: 15.05.2024); Schoenhals L. Mexico Experiments in Rural and Primary Education: 1921–1930 // Hispanic American Historical Review. — 1964. — № 44 (1). P. 22–43; Staudenmaier P. Racial Ideology between Fascist Italy and Nazi Germany: Julius Evola and the Aryan Myth, 1933–43 // Journal of Contemporary History. — 2020. — № 55 (3). — P. 473–491.

Это труды, посвященные карикатурам³³ как источникам истории той или иной страны, работы, связанные с изучением газет³⁴, журналов³⁵, радио³⁶, телевидения (которое начало внедряться в арсенал пропаганды как раз в 1930-е гг.)³⁷, а также других пропагандистских инструментов³⁸. Применение этого пластика научной литературы позволило определить место, которое занимала турецкая пропаганда в 1920-е и 1930-е гг.

Ко второй группе относятся научные труды, которые концентрируются на изучении идеологических элементов турецкой пропаганды 1920-х и 1930-х гг. В турецкой научной литературе присутствует несколько фундаментальных работ, посвященных идеологической составляющей республиканской Турции³⁹, однако

³³ Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>; El Rafaie E. Multiliteracies: How Readers Interpret Political Cartoons // VisualCommunication. – 2009. – № 8 (2). – Р. 184–185.

³⁴ Глазов А. А. Журнал Sol y Luna: интеллектуальное издание аргентинских католических националистов в 1938–1943 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028357-1-1/>; Bytwerk R.L. Julius Streicher and the Early History of “Der Stürmer,” 1923–1933 // Journalism History. – 1978. – № 5 (3). – Р. 74–79.

³⁵ Arthur Ciciliato Franzolin J. Die Wehrmacht, organe de propagande des forces armées allemandes, et sa représentation de l'ennemi soviétique (1936–1944) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2020. – № 135–136. – Р. 48–55; Aslangul-Rallo C. Signal (1940–1945): propagande “universelle” ou adaptation à des publics hétérogènes: L'exemple de la version francophone // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2020. – № 135–136. – Р. 56–67; Aslangul-Rallo C., Camarade H., Zunino B. La presse illustrée allemande: émergence, évolutions et perspectives de recherche (1880–1945) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2020. – № 135–136. – Р. 3–7; Card H. The Tate Modern's USSR In Construction // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2007. – № 8 (1). – Р. 149–152; Dallimore J., Heffernan E. “The USSR in construction”: A basic research guide for teachers and students // Teaching History. – 2020. – № 54 (3). – Р. 26–34; Goetgheluck E. Die NS-Frauen-Warte: l'image des femmes comme outil de propagande (1941–1944) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2020. – № 135–136. – Р. 38–47; Matthewson A. Satirising imperial anxiety in Victorian Britain: Representing Japan in Punch Magazine, 1852–1893 // Contemporary Japan. – 2021. – № 33 (2). – Р. 201–224; Nuhoğlu M., Boyraz B., Dolunay A., İlhan M. Der Adler Örnekleminde Nasional Sosyalist Almanya'da Süreli Yayınlarında Propaganda // Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. – 2015. – № 8 (40). – С. 292–299; Tranca A. The Illustrated Press and the Writing of History: The Recueils of L'Illustration in 1848 // Dix-Neuf. – 2017. – № 21 (4). – Р. 280–296; Wolf E. When Photographs Speak, To Whom Do They Talk? The Origins and Audience of SSSR na stroike (USSR in Construction) // Left History. – 1999. – № 6. – Р. 53–82.

³⁶ Heyer P. America under Attack: A Reassessment of Orson Welles' 1938 War of the Worlds Broadcast // Canadian Journal of Communication. – 2003. – № 28 (2). – Р. 149–165.

³⁷ Голядкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 191 с; Harris T. John Reith and the BBC 1922–1939: Building an Empire of the Air? // Revue Française de Civilisation Britannique. – 2021. – № 26 (1). – Р. 1–16; Heins L. The “experiential community”: early German television and media theory // Screen. – 2011. – № 52 (1). – Р. 46–62; Hoff P. German Television (1935–1944) as subject and medium of National Socialist Propaganda // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 1990. – № 10 (2). – Р. 227–240.

³⁸ Медяков А.С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.09. М., 2020; McMeekin S. The Berlin–Baghdad Express: the Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power. Cambridge, M: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 496 р.

³⁹ Bozdoğan S. Modernism and Nation Building. Turkish Architectural Culture in the Early Republic. Washington DC: University of Washington Press, 2001. 367 p; Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce 4. cilt: Milliyetçilik. İstanbul: İletişim Yayınları. 2003. 1024 s.

исследования, которое могло бы связать идеологию и пропаганду в единое целое, нет. Тем не менее существуют отдельные научные публикации, связанные с идеологическим становлением пантюркизма⁴⁰, турецкого национализма⁴¹, принятием решений о создании основы кемалистской идеологии в виде «шести стрел» в 1930-е гг.⁴². В научной литературе есть исследования, посвященные характеристике кемализма 1930-х гг., среди которых выделяются работы Сонера Чагаптая, который ввел в оборот термин «высокий кемализм»⁴³.

Третья группа научной литературы, использованной в данной работе, представляет из себя труды по исследованию пропагандистского инструментария. В частности, сюда вошли научные труды, посвященные кампаниям, которые проходили во времена поздней Османской империи и Турецкой Республики⁴⁴. Сюда также входят исследования, которые рассматривают кемалистские⁴⁵ и оппозиционные⁴⁶ печатные изданиям на протяжении первых двух десятилетий

⁴⁰ Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – № 11 (2). – P. 14–26.

⁴¹ Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 275–293; İnan A. Atatürk ve Tarih Tezi // Belleten. – 1939. – № 3. – S. 243–246; Tachau F. Language and Politics: Turkish Language Reform // The Review of Politics. – 1964. – № 26 (2). – P. 191–204; Yılmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey's 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – № 43 (4). – P. 677–697.

⁴² Belge M. Trapped in its own history // Index on Censorship. – 1995. – № 24 (1). – P. 127–134; Deriu D. Picturing modern Ankara: New Turkey in Western imagination // The Journal of Architecture. – 2013. – № 18 (4). – P. 497–527; Mazıcı N. 1930'a Kadar Basının Durumu ve 1931 Matbuat Kanunu // Atatürk Yolu Dergisi. – 1996. – № 5 (18). – S. 131–154; Necdet Aysal N., Ökte S.K. Tek Parti Döneminde Cumhuriyet Halk Partisi Üçüncü Büyük Kongresi (10–18 Mayıs 1931) // The Journal of Academic Social Science. – 2016. – № 30. – S. 39–71.

⁴³ Çağaptay S. Reconfiguring the Turkish nation in the 1930s. // Nationalism and Ethnic Politics. – 2002. – № 8 (2). – P. 67–82; Türkeş M. The ideology of the Kadro [cadre] movement: a patriotic leftist movement in Turkey // Middle Eastern Studies. – 1998. – № 34 (4). – P. 92–119.

⁴⁴ Абидулин А.М. К вопросу об историографии Османской религиозно-политической пропаганды и проекте строительства Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.) // Тюркологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 89–106; Гатауллина Л. «Да будет дарована великая победа мусульманской армии и ее союзникам!» (Газета «Эль-Джихад» как средство пропаганды панисламизма среди татарских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1/2. – С. 37–45; Гатауллина Л.Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива министерства иностранных дел Германии) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки/ – 2010. – № 3 (2). – С. 109–115; Çanlı M.I. Dünya Savaşında Propaganda Amaçlı Yayınlanan Dergi: Cihan-ı İslâm // Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 3 (4). – S. 79–111; Koroğlu E. Ottoman Propaganda and Turkish Identity. L.: I.B. Tauris & Company, 2007. 244 p; Özkaya Y. Türk ve Dünya Basınında Çanakkale Savaşları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1996. – № 12. – S. 295–313.

⁴⁵ Erkek M.S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. Yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2, Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, Ankara, 2014. S. 705–718; Şalli H. Bölgesel Kurtuluştan Milli Mücadele'ye Edirne'nin Sesi: Trakya Paşaeli Gazetesi // Karadeniz Araştırmaları. – 2021. – № 18 (72). – S. 875–904; Süer R. Mehmed Fazullah es-Sivasi'nin el-İtidal fi Mhabettü'l-al Adlı Mesnevisi // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 2016. – № 1. – S. 309–364.

⁴⁶ Atay T., Ulusoy Nalcioğlu B., Gezgin S. Medyanın Aydınlanması ve Entelektüellerin Sorumluluğu: “Yüzellilikler / 150'lilikler” ve Hatay'da Yerel Basın // Etkileşim. – 2019. – № 3. – S. 64–74; Giz A. Kurtuluş Savaşı'na karşı çıkan gazete

республиканской Турции⁴⁷, случаи их применения⁴⁸, кинопропаганду⁴⁹, а также радиопропаганду⁵⁰ тех лет. Все это позволяет более рельефно выявить общие тенденции в отношении механизмов пропаганды и их применения.

Четвертый пласт работ посвящен общей истории Турции. Эти публикации важны для более полного понимания тех процессов, которые происходили на территории Турции с конца XIX в. до 1938 г. – год смерти Мустафы Кемаля Ататюрка. Здесь собраны труды, посвящённые исследованию османского

// Yıllarboyu. – Eylül 1978. – № 6; Malkoç E. Türk Basınından bir Süreç iki Perspectif: Londra Konferansını Anadolu'da Yeni Gün ve Alemdar'ın Sayfalarından Karşılaştırmalı okumak // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2022. – № 6 (100). – S. 1–26; Sarf Ç. İstanbul'daki Milli Mücadele Karşıtı Basın. Yüksek Lisans Ödevi. Ankara, 2010.

⁴⁷ Alkan R. Die “Türkische Post”: Türkiye'de Bir Nazi-Propaganda Gazetesi ve Matbuat Umum Müdürlüğü // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – 2019. – № 42 (1). – S. 200–208; Dağlı E. İstanbul'da bir Alman Gazetesi Türkische Post // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 59. – S. 511–532; Korkmaz T. Cumhuriyetin Kuruluş Dönemi'nde Resmi İdeoloji ve Türk Tarih Tezi'ne Alternatif Bir Yaklaşım: Atsız Mecmua // Akademik Hassasiyetler. – 2023. – № 10. – S. 642–669; Kuzgun M. An Assessment on the Contribution of Şevket Süreyya Aydemir to the Establishment of Kemalist Ideology and his Writings in the Kadro Journal // History Studies. – 2018. – № 10 (2). S. 95–112; Lamprou A. The journal İnkılâp and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). P. 32–47; Nereid C.T. Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “Yedigün”, 1933–9 // Journal of Contemporary History – 2012. – № 47 (3). – P. 483–504; Odabaşı H.Y. Hakimiyet-i Milliye Gazetesinde Bolşevizm Algısı ve İslam Dünyasına Bakış (1920–1921) // İstanbul Arel Üniversitesi İletişim Çalışmaları Dergisi. – 2017. № 4 (7). – S. 33–55; Önder M. Milli Mücadele'nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 285–302.

⁴⁸ Akyüz K. Türk Oacakları // Belleten, 1986. № 50. S. 201–228; Aslan S. “Citizen, Speak Turkish!”: A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics, 2007. № 13 (2). P. 245–272; Atakuman Ç. Cradle or crucible: Anatolia and archaeology in the early years of the Turkish Republic (1923–1938) // Journal of Social Archaeology. – 2008. – № 8 (2). – P. 214–235; Dimdik Emeksiz P. Akbaba Dergisinde Yayımlanmış Hüseyin Cahit Yalçın Karikatürleri Hakkında Bir Araştırma // The Journal of Academic Social Science Studies. – 2020. – № 80. – S. 245–259; Doğar M. “Complete Neutrality” or “Controlled Enmity”? The Role of the Turkish Press during the Italo-Ethiopian War of 1935–36 // Turkish Historical Review. – 2020. – № 10 (02–03). – P. 213–251; Durukan A., Uraz U. Cumhuriyetin kültür kurumu olarak Halkevi Binaları // İTÜ Dergisi Seri A: Mimarlık, Planlama, Tasarım. – 2008. – № 7 (1). – S. 38–49; Güven E., Yılmazata M. Milli İnkılâp and the Thrace Incidents of 1934 // Journal of Modern Jewish Studies. – 2014. – № 13 (2). – P. 190–211; Karpat K.H. The People's Houses in Turkey: Establishment and Growth // Middle East Journal. – 1963. – № 17 (1/2). – P. 55–67; Lamprou A. Nationalist Mobilization and State–Society Relations: The People's Houses' Campaign for Turkish in Izmir, June–July 1934 // Middle Eastern Studies. – 2013. – № 49 (5). – P. 824–839; Landau J.M. The First Turkish Language Congress // The Earliest Stage of Language Planning: The “First Congress” Phenomenon. / ed. J.A. Fishman. Berlin: Mouton, De Gruyter. 1993. P. 271–292; Lewis G. The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford: Oxford University Press. 1999. 190 p; Taşdemir S. Ayvalık Türk Ocağı ve Etkinlikleri // Türkçük Bilimi Araştırmaları. – 2010. – № 28. – S. 341–362.

⁴⁹ Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 108–110; Boyar E., Fleet K. “Mak[ing] Turkey and the Turkish Revolution Known to Foreign Nations Without Any Expense”: Propaganda Films in the Early Turkish Republic // Oriente Moderno. – 2005. – № 85 (1). – P. 117–132; İltaşlan S. Türkiye'de Televizyon Yayıncılığının Kuruluşu Üzerine Temel Tartışmalar: Kalkınma, Eğitim ve Milli Güvenlik // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. – 2014. – № 69 (3). – S. 481–510.

⁵⁰ Akagündüz Ü. Radyoculumuzun Cumhuriyet'in ilk yıllarındaki serüveni ve telsiz mecmuası // Kebikeç İnsan Bilimleri İçin Kaynak Araştırmaları Dergisi. – 2014. – № 37. – S. 359–386; Deniz Ü. İstanbul Radyosu'nun İlk Dönemindeki (1927) Müzik Yayınları // Eurasian Journal of Music and Dance. – 2019. – № 14. – S. 63–88; Kocababaşoğlu U. Şirket Telsizinden Devlet Radyosuna: TRT Öncesi Dönemde Radyonun Tarihsel Gelişimi ve Türk Siyasal Hayatı İçindeki Yeri. İstanbul: İletişim Yayımları, 2010. 528 s.

периода⁵¹, деятельности участников национально-освободительного движения⁵², а также Турецкой Республики 1920-х и 1930-х годов⁵³.

В целом, приведенная в трех блоках научная литература, несмотря на ее обширность и многоохватность, показывает важность и необходимость углубленного анализа основных пропагандистских тенденций в Турции в первые два десятилетия существования республики.

Структура работы строится по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Использование проблемно-хронологического принципа обусловлено необходимостью проследить за эволюционными тенденциями, характерными как для кемалистской, так и для анти-кемалистской пропаганды на протяжении 1920–

⁵¹ Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Издательство «Наука», 1971. 328 с; Aydin Varol F.B. Türk Modernleşmesinde Jön Türkler ve Hüseyin Cahit Yalçın’ın Gazeteci ve Siyasi Kimliği // Erciyes İletişim Dergisi. – 2023. – № 10 (1). – S. 205–221; Fortna B.C. Learning to Read in the Late Ottoman Empire and the Early Turkish Republic. L.: Palgrave Macmillan, 2012. 247 p; Levend A.S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Eylemleri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1960. 498 s; Semiz Y. 18 Mart 1915 Çanakkale Deniz Savaşı: Sebepleri, Gelişimi ve Sonuçları // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2003. – № 14. – S. 221–247; Yalçın O. Osmanlı İmparatorluğu Dönemi Türk Askeri Havacılığı // Bilig. – 2021. – № 96. – S. 147–176; Yalçınkaya A., Kardaş A. Meşrutiyet Dönemi Osmanlı Aydınlarının Hurufat Ve Dil Meselesi Hakkındaki Bakışları // Tarih Ve Gelecek Dergisi. – 2023. – № 9 (2). – S. 420–442.

⁵² Akbulut D.A. Muhamafaza-i Mukaddesat ve Müdafaa-i Hukuk Cemiyeti Erzurum Merkezi Hey’etiyesi. Atatürk Ansiklopedisi. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/bilgi/muhamafaza-i-mukaddesat-ve-mudafaa-i-hukuk-cemiyeti-erzurum-merkezi-heyetiyesi/> (дата обращения: 30.07.2024); Altan B., Akbaş M., Çağlayan E. Kürtistan Teâli Cemiyeti’nin Şubeleri ve Bağlı Kuruluşları // Akademik Tarih Ve Düşünce Dergisi. – 2018. – № 6 (1). – S. 313–339; Baycan N. Mareşal Fevzi Çakmak // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1989. – № 6 (16). – S. 177–206; Demiryürek M. Kıbrıs’ta Bir 150’lik: Sait Molla (1925–1930) // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2003. – № 19 (57). – S. 1211–1238; İhsanoğlu E. Teâlî-i İslâm Cemiyeti // İslâm Ansiklopedisi. 40. Cilt. 2011. S. 207–208; Köylü M., Cankut A. Millî Mücadele Döneminde Bir Mandacı: “Halide Edip (Adıvar)” // Toros Üniversitesi İİSBF Sosyal Bilimler Dergisi. – 2022. – № 9 (17). – S. 14–27; Şen İ. Vilayat-ı Şarkîye Müdafaa-i Hukuk-ı Millîye Cemiyeti Erzurum Şubesi’nin Kuruluşu Ve Atatürk’ün Cemiyete Katkıları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2000. – № 16 (47). – S. 537–559; Ünalp F.R. Türk İstiklal Harbinde Batı Cephesi Tayyare Bölgeleri // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2022. – № 105. – S. 55–100; Yılmaz A.Y. Millî Mücadele Döneminde Cemiyetlerden Bazıları ve Kuruluş Nedenleri // Turkish Studies-Social Sciences. – 2020. – № 15 (6). – S. 3257–3272.

⁵³ Akgül L.H. Rıza Han’ın (Rıza Şah Pehlevi) Türkiye Ziyareti // Yakın Dönem Türkiye Araştırmaları. – 2012. – № 7. – S. 1–42; Cagaptay S. Race, Assimilation and Kemalism: Turkish Nationalism and the Minorities in the 1930s // Middle Eastern Studies. – 2004. – № 40 (3). – P. 86–101; Demiryürek M. İngiliz Muhibbler Cemiyeti Hakkında Bazı Notlar ve Belgeler // Atatürk Yolu Dergisi. – 2006. – № 10 (37). – S. 77–101; Güçlü Y. Turkey’s entrance into the League of Nations // Middle Eastern Studies. – 2003. – № 39 (1). – P. 186–206; Kılıç M. Büyük Nutuk’un Cumhuriyet Tarihindeki Yeri ve Önemi // Türk Dünyası Araştırmaları. – 2019. – № 121 (238). – S. 113–136; Sürütü B. İlk bölümme: Terrakiperver Cumhuriyet Fırkası’nın doğuşu // Turkish Business Journal. – 2022. – № 3 (6). – S. 1–28; Turkish Foreign Policy, 1919–2006. Facts and Analyses with Documents / ed. Baskın Oran. Salt Lake City: The University of Utah Press. 2010. 968 p; Uludağ M. The First Visit of a British Monarch to Turkey: Edward VIII // Journal of Anglo-Turkish Relations. – 2023. – № 4. – P. 55–75; Zürcher E.J. The Progressive Republican Party of 1924–25: Reactionaries, Conservatives, or Moderates? // European Journal of Turkish Studies. – 2021. – № 33 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/7676> (дата обращения: 02.06.2023); Zürcher E.J. The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement, 1905–1926. Leiden: E.J. Brill, 1984. 198 p; Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. L. and N.Y.: I.B. Tauris, 2017. 480 p.

1930-х гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Идейное становление кемалистской пропаганды произошло еще в период Освободительной войны 1919–1922 гг., когда сторонники Мустафы Кемаля активно использовали пропагандистские инструменты для мобилизации общества на борьбу с внешними и внутренними врагами.
2. Борьба с внутренним врагом в 1919–1922 гг. стала лишь одним из направлений информационных баталий. Как столкновение с Прогрессивной республиканской партией в середине 1920-х гг., так и конфронтация со Свободной республиканской партией в 1930 г. нашли свое отражение в формировании кемалистского пропагандистского дискурса.
3. После победы в Освободительной войне кемалистам в 1920-е гг. удалось монополизировать информационное поле в Турции, что дало возможность реализовать в печати все свои основные идеи.
4. В 1930-е гг. кемалистская пропаганда не только укрепляла свои инструменты, при помощи которых распространяла идеи, но также активно внедряла новые технологии, включая радио и кино.

Степень достоверности результатов данного исследования определяется широкой источниковой и историографической базой, а также апробацией основных положений диссертации. Они были изложены автором в 6 публикациях в журналах, индексируемых ведущими системами цитирования: 5 в Web of Science, Scopus и RSCI, а также 6 публикаций в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. «Всеобщая история».

Положения работы были также представлены автором в докладах на российских конференциях: на Международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2022» (Москва, 2022), научной конференции «Ломоносовские чтения» (Москва, 2023), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2023» (Москва, 2023), XXXII Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток (Санкт-Петербург, 2023), конференции «Балканские войны 1912–1913 гг.: далекие

предпосылки и долгое эхо» (Москва, 2023), научной конференции «Ломоносовские чтения» (Москва, 2024), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2024» (Москва, 2024), Международной научной конференция «Россия между Западом и Востоком: международные отношения в многополярном мире» (Москва, 2024), XXXIII Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток (Санкт-Петербург, 2025).

Глава 1. Кемалистская пропаганда во время Освободительной войны 1919–1922 гг.

Кемалистская пропаганда появилась во время Освободительной войны 1919–1922 гг. и после завершения конфликта стала основным рупором власти. Ее идеологемы, использованные сторонниками Мустафы Кемаля во время войны, зародились еще в поздней Османской империи (*н. 1.1*), чья пропаганда до 1919 г. располагала надлежащей идеальной основой для мобилизации масс и донесения идей гражданам. К началу Первой мировой войны Порта имела в своем арсенале современные на тот момент времени инструменты для ведения информационной войны. Несмотря на неудачи в военном плане Османская империя смогла выработать механизмы пропаганды в нужном и необходимом для себя ключе. В частности, османские газеты и памфлеты во время Балканских войн 1912–1913 гг. и в начальный период Первой мировой войны до 1916 г. публиковали победные реляции и выставляли турок в качестве жертв агрессии⁵⁴.

Тем не менее для совершенствования пропагандистского базиса необходимо было использование пропаганды в мирное время, однако этого не произошло ввиду нестабильного политического фона, который наблюдался на территории Османской империи с 1911 г., когда началась итalo-османская война. Во время Первой мировой войны проявился идеологический дисбаланс османской пропаганды, так как правительство рассчитывало на использование как пантюркистских, так и панисламистских идей.

В условиях идеологического вакуума, который наступил после поражения Порты в Первой мировой войне, нужно было объединить разрозненные массы в деле избавления от внешних угроз. Именно в этот момент и возникла кемалистская

⁵⁴ Подробнее о победных настроениях османских СМИ во время Балканских войн см.: Люльчак А.С. Воображая неминуемую победу: имагологический анализ османской карикатуры начала Первой Балканской войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 17–27. Особого внимания заслуживает памфлет Ахмеда Джевада «Красно-черная книга», где дается описание жертв среди мусульманского населения во время Балканских войн. Cevad A. Kırmızı siyah kitabı: 1328 faciası (1912–1913 Balkan Savaşı). İstanbul: Pınar Yayıncılık, 2013.

пропаганда (п. 1.2), базовым тезисом которой стала идея освобождения нации от оккупантов. Тем не менее во время Освободительной войны кемалисты не обладали единой идеологической основой. Лишь к концу войны они избавились от штампов пантюркизма и начали переориентацию своей пропаганды на национализм, который послужил основой для дальнейшего закрепления кемализма, как основной (и единственной) турецкой идеологии.

Несмотря на привлекательность идей кемалистов и консолидацию национально-освободительного движения вокруг фигуры Мустафы Кемаля, в Турции существовала также и соперничавшая с ними стамбульская пропаганда, которая была на стороне султана-халифа и выступала за сотрудничество со странами Антанты (п. 1.3).

1.1. Идеологическая и ресурсная предтеча кемалистской пропаганды: османская пропаганда начала XX в.

В вопросе применения пропаганды Османская империя значительно отставала как от своих врагов – стран Антанты, так и от своих союзников – Германской империи и Австро-Венгрии. Османская пропаганда, опиравшаяся на четыре идеологемы – османизм, пантюркизм, панисламизм и национализм⁵⁵ (1.1.1) – не могла всецело сосредоточиться на чем-то одном и использовала каждую из идеологий в нужное для правительства время. Несмотря на все еще встречавшиеся отсылки к османизму, младотурки значительно ушли от своих изначальных постулатов⁵⁶. Ввиду архаичности и недееспособности османизма в условиях постоянных войн, османское правительство акцентировало свое внимание на

⁵⁵ Некоторые исследователи, такие как Лю Жонгмин и Шу Мен, в ряд османских идеологем вместо национализма используют термин «паннационализм», который являлся своеобразным развитием османизма, но под непосредственным влиянием панисламизма и пантюркизма. Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – № 11 (2). – P. 20.

⁵⁶ Подробнее об идеологической основе младотурецкого движения см.: Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Издательство «Наука», 1971. 328 с.

пантюркизме, панисламизме и зарождавшиеся националистические настроения в обществе.

Для османской пропаганды характерна не только идеологическая дисперсия, но и наличие современного на тот момент инструментария (1.1.2). Ошибочно считать, что ее техническая оснащенность уступала уровню союзников по Тройственному союзу либо противников из числа держав Антанты. Несмотря на наличие у османской пропаганды таких инструментов ведения пропагандистской войны, как военные журналы, юмористические карикатуры и памфлеты, ее трудно назвать прорывной. Такие важные для противостояния средства, как агитационные плакаты и открытки, в её арсенале отсутствовали, в то время как в европейских странах они получали повсеместное распространение⁵⁷.

1.1.1. Идеологические нарративы османской пропаганды

В начале XX в. османская идеология представляла собой смесь из трех компонентов, позволявшую в нужных обстоятельствах использовать определенные идеологические нарративы. Османизм, пантюркизм и панисламизм после прихода к власти младотурок в 1908 г. стали доминирующими идеологемами в информационном поле, каждая из которых имела свою собственную специфику.

Многонациональная и многоконфессиональная политическая элита Османской империи признавала идеологию османизма как единственную, способную разобраться со всеми проблемами государства. Османизм являлся своеобразным «зонтом» для многочисленных идеологических течений, которые привлекали не только тюркистов или панисламистов, но и тех, кто поддерживал национальные меньшинства (армян, греков, арабов и др.) Все они считали, что будущее за единой многонациональной империей. Османизм был разделен на две

⁵⁷ Подробнее об использовании открыток в качестве средства пропаганды в Германской империи во время Первой мировой войны см.: Медяков А.С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.09. – М., 2020.

идеологические ветви – иттихадистскую и инкорпорационистскую⁵⁸. Последняя играла важную роль в немусульманских общинах и политических элитах нетурецких народностей после 1908 г. из-за снятия ограничений на политическую активность миллетов.

Несмотря на то, что иттихадисты и «объединители» были ярыми сторонниками единства и неделимости империи, была и существенная разница между двумя группами. Иттихадисты основывали свою идею создания османской нации на единении всех граждан без религиозных и этнических различий, в то время как «объединители» считали, что необходимо интегрировать все миллеты и народности не в османскую нацию, а в государство путем создания таких государственных институтов, как парламент. Османизм должен был стать скрепой для объединения всех народностей в единый организм – османскую нацию, способную укрепить Порту⁵⁹.

Впрочем, идеология османизма была обречена стать второстепенной уже в первые годы правления младотурок. Учитывая то, как иттихадисты использовали гибрид османизма с панисламизмом и пантюркизмом, стоит сказать о некотором отходе первого на второй план. Проблемы сосуществования национальных меньшинств в составе Османской империи не были решены, что также говорило не в пользу идей османизма. Младотурки стали искать политические течения, способные заменить османизм. Одной из идеологем стал «паннационализм»⁶⁰.

Во время Балканских войн началось зарождение «паннационализма», который на протяжении Первой мировой войны развивался и переродился в националистическую идеологию, которую кемалисты взяли на вооружение во время Освободительной войны 1919–22 гг. Несмотря на кажущуюся монолитность идей националистов, в их лагере, как и в лагере османистов, имелось два течения.

⁵⁸ Данное разделение, предложенное турецким исследователем Белюлем Озканом, можно считать наиболее точным вариантом классификации османизма. Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. University of Utah Press, 2016. P. 223. В настоящей диссертации употреблено синонимичное «инкорпорационистам» русское слово «объединители».

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Данный термин впервые употреблен Лю Жонгмином и Шу Меном, которые описывали паннационализм, как смесь османизма, пантюркизма и панисламизма. Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – № 11 (2). – P. 20.

Первые были ближе к идеяным пантюркистам и пропагандировали создание единого «Турана», то есть государства, в котором живут все тюркоязычные народности мира, от Алтая до Эгейского моря. Вторая группа состояла из приверженцев идей создания не общетюркского, а исключительно турецкого государства, в котором смогли бы жить именно турки и не существовало бы в этом государстве никакой другой нации, кроме турецкой. Данный тезис не просто роднил националистов времен Османской империи с кемалистами, но показывал преемственность идеологий. Так, к первой группе (пантюркистской) можно отнести видных османских писателей и политиков Юсуфа Акчуру (1876–1935) и Ахмета Агаоглу (1869–1939), а ко второй – будущего министра иностранных дел и именитого турецкого историка Фуада Кёпрюлю (1890–1966). Среди паннационалистов были также и идеологи с неопределенной позицией, которые перемещались из одного лагеря в другой. Так, Зия Гёкальп, с одной стороны, активно распространял идеи Турана и писал о них литературные произведения⁶¹, с другой – подчеркивал невозможность объединения всех тюрок в составе одного государства.

Именно Гёкальп выступил популяризатором среди жителей империи «идеи Турана», которая играла своего рода роль заветной цели для пантюркистов в финальные годы существования османского государства. Он давал такое определение родине для всех тюрок в поэме «Туран», опубликованной в журнале “*Genç Kalemler*” (Молодые перья) в 1911 г.: «Родина для тюрок – это не Турция, не Туркестан. Их родина – это широкая и вечная земля – Туран» (*Vatan ne Türkiye'dir Türkler'e, ne Türkistan; Vatan, büyük ve müebbet bir ülkedir: Turan*)⁶².

Значительные территориальные потери после Балканских войн, а также полное поражение османской армии стали одними из причин разочарования интеллигенции в османизме и в постепенном повороте к пантюклизму. Идея создания Турана считалась своего рода «панaceaей» от будущих территориальных

⁶¹ Например, поэма Зии Гёкальпа «Туран».

⁶² Gökalp Z. Turan. S. 68. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. University of Utah Press, 2016. P. 235.

лишений. Психологическое состояние интеллектуальной элиты того времени отражено турецким писателем Шефкетом Сюрейя Айдемиром, который писал о том, что Анатолия слишком мала для того, чтобы воплотить все мечты юношей, бежавших из Румелии. Они мечтали о стране «от Дуная до Кавказа, от Африки и до границ с Индией»⁶³.

Известная турецкая писательница Халиде Эдип [Адывар] (1882–1964) также подхватила идеи Турана и использовала ее в своих произведениях. Её роман-утопия “Yeni Turan” (Новый Туран) стал одним из основных литературных произведений, наряду с поэмой «Туран» Зии Гекальпа, в которых отражены идеалы пантюркизма и которые оказали сильное влияние на турецкую общественность. Халиде Эдип симпатизировала идеям пантюркизма, подразумевала Новый Туран не просто как государственную и этническую общность, но как развитую страну с мощной промышленностью, железными дорогами и университетами⁶⁴.

Несмотря на внешне цельный пласт пантюркистских идей нельзя утверждать, что последователи этой идеологии сохраняли ей верность. Так, Зия Гёкальп во время Первой мировой войны несколько изменил свою риторику и отошел от пантюркистских идей, используя тезис о необходимости единства арабов и турок на исламской основе: «Османское государство может быть переименовано в турецко-арабское». Согласно концепции Гёкальпа, османская государственность охватывала три различных культурных пространства («родины»), среди которых выделялись тюркоязычная территория (Туран), арабские регионы и исламская общность, представлявшая собой совокупность всех верующих мусульман⁶⁵. В том же ключе размышлял и турецкий писатель Омер Сейфеттин (1884–1920), который определял три типа «отчизны» для тюрок – национальную, религиозную (населенную мусульманами) и физическую (то есть Турцию, в которую входит вся

⁶³ Aydemir Ş. S. Suyu Arayan Adam. S. 48–49. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. University of Utah Press, 2016. P. 235.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Gökalp Z. Millet ve Vatan. S. 303. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. University of Utah Press, 2016. P. 238.

Османская империя). Турки и арабы имели общую религиозную родину и основной задачей этих двух наций – освобождение оккупированных врагом ее частей⁶⁶.

Данную перемену риторики легко объяснить. Ввиду того, что население османского государства состояло не только из турок, но и из других народностей, включая арабов, необходимо было мобилизовать и их на борьбу против врагов Порты. Арабы считались вторым по величине этносом империи, поэтому их поддержка была необходима для иттихадистов, вследствие чего риторика даже такого пантюркиста, как Зии Гёкальпа, модифицировалась и сосуществовала с другой ведущей идеологией того времени – панисламизмом.

Идеология панисламского единства существовала в Османской империи и до Первой мировой войны. Пик ее распространения пришелся на время правления Абдулхамида II, который взял на вооружение панисламские идеи и активно продвигал их⁶⁷. После младотурецкой революции 1908 г., несмотря на выдвижение на первый план других идеологий – османизма и национализма, панисламизм продолжал находиться в центре политической мысли того времени. Многие известные мыслители высказывали свои идеи относительно этой религиозно-политической доктрины. Так, поэт, педагог и религиозный просветитель Мехмед Акиф Эрсой (1873–1936) (в будущем автор гимна Турецкой Республики) в статье «Исламское единение и национализм» сетовал на то, что «несмотря на то, что ислам подразумевает собой единение всех верующих, религия разделилась. Произошло то, о чем говорил пророк Мухаммад: разделение приведет к истреблению мусульман неверными». Османский интеллектуал верил в то, что разлад в исламе был вызван, с одной стороны, христианским национализмом, с другой – вторжением врагов из Европы, которые нацелились на уничтожение «нашей

⁶⁶ Seyfettin Ö. Türkük Mefkuresi. S. 83–85. Цит. по: Özkan B. Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918 // War and Collapse: World War I and the Ottoman State / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. University of Utah Press, 2016. P. 238.

⁶⁷ Как, например, в случае со строительством Хиджазской железной дороги, где на «богоугодное дело» было собрано достаточно большое количество денег. Абидулин А.М. К вопросу об историографии Османской религиозно-политической пропаганды и проекте строительства Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.) // Тюркологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 89–106.

страны» (memleketimiz) и призывал «немедленно объединиться против врагов, иначе султанат будет в большой опасности»⁶⁸.

Анализируя необходимость ислама для османской идеологии, известный турецкий журналист Джеляль Нури (1877–1939) утверждал, что единство мусульман существует и что оно должно войти в более широкую практику подобно тому, как стали популярными панславянизм, панлатинизм и пангерманизм. Панисламизм, как полагал Нури, будет сильнее, чем другие подобные единения, так как единство основано на постуатах ислама и на исламских понятиях братства и общих ценностей: «Мусульмане играют схожую музыку, но им нужен единый дирижер для оркестра. Ислам – это великая сила: это прошлое, настоящее и будущее, и он должен стать связью, соединяющей мусульман вне зависимости от правительства, экономики и языков». Тем самым, мусульмане должны «не скрывать своих идей об исламском единении, но демонстрировать их открыто»⁶⁹. Исламское единство, по убеждению Джеляля Нури, предполагало наличие четырех ключевых компонентов: халифат, выступающий в качестве легитимной политической основы развития исламского мира; хадж, выполняющий не только сакральную роль, но также способствующий укреплению социальных связей и политического взаимодействия среди верующих; образование, направленное на распространение идей исламского единства; религиозная литература, которая должна «пробиваться в сердца мусульман» по всему миру и, тем самым, способствовать расширению влияния исламской религии на глобальном уровне.

Причиной такой поддержки панисламизма со стороны Нури была, по его собственному мнению, необходимость дать отпор христианской и европейской агрессии: «Панисламизм не означает увеличение территории Османской империи для того, чтобы объединить всех мусульман в единое государство, но означает

⁶⁸ Landau J.M. The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. P. 76–77. Цит. по: Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – №11 (2). – P. 22–23.

⁶⁹ Landau J. M. The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. P. 82. Цит. по: Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – №11 (2). – P. 24.

сохранение единства в сердцах мусульман и надежду на общее для всех мусульман будущее...»⁷⁰.

Все три идеологемы – османизм, панисламизм и национализм – оказывали влияние на младотурок, однако говорить о доминировании той или иной парадигмы в нарративе младотурок не приходится. Иттихадисты использовали в своих пропагандистских кампаниях не одну, а сразу три идеологии, тем самым создавая идеологическую диффузию в информационном пространстве.

Важную роль в активизации пропагандистской деятельности в Османской империи и распространении идеологии панисламизма сыграла Германия. Взяв на вооружение идеи единства мусульман, она стала использовать их не только для укрепления союза с османским государством⁷¹, но и для завоевания симпатий мусульманских общин в странах-противниках, включая Российскую империю и Великобританию. Во время Первой мировой войны именно Германская империя и, в частности, Макс фон Оппенгейм (1860–1946) стали продвигать панисламский нарратив. В ноябре 1914 г. было создано «Бюро восточных новостей» (Nachrichtenstelle für den Orient) под руководством фон Оппенгейма, целями которого стала поддержка волнений в мусульманских владениях Британии, а именно в Британской Индии, Египте, Афганистане и в колониальных владениях Персидского залива. Результатом его деятельности можно считать попытки восстаний в 1915 и 1916 гг. в Иране, Афганистане.

Довольно активно распространение германского влияния происходило среди военнопленных. Так в Вайнбергском лагере для военнопленных, располагавшемся приблизительно на 20 км южнее Берлина, где содержались в основном татары, а также некоторое количество башкир, казахов и азербайджанцев⁷², были

⁷⁰ Landau J. M. The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. P. 82–83. Цит. по: Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2017. – №11 (2). – P. 24.

⁷¹ Во время своего посещения Османской империи в 1898 г. император Вильгельм II, говоря о своем пребывании в Иерусалиме, сказал, что «если бы я прибыл сюда, не будучи adeptом ни одной из религий, я бы точно перешел бы в магометанство (ислам)» McMeekin S. The Berlin–Baghdad Express: the Ottoman Empire and Germany’s Bid for World Power. Cambridge, MA, 2010. P. 16.

⁷² Гатауллина Л.Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива министерства иностранных дел Германии) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (2). – С. 109–115.

организованы специальные условия для улучшения имиджа Германии и её союзников: пленным предоставлялись хорошее питание и одежда, в каждом лагере были своя библиотека и специально оборудованные учебные классы, издавались газеты на татарском и русском языках⁷³. Недалеко от Вайнбергского лагеря, около городка Вюнсдорф, было сооружено ещё одно заведение для мусульманских военнопленных – Лагерь полумесяца (Halbmondlager), где были собраны преимущественно мусульмане из британской и французской армий, а также отдельно от них были размещены индийцы-немусульмане⁷⁴.

Тем не менее эффективность немецких усилий по работе с мусульманским населением была весьма скромной. Масштабных выступлений на подконтрольных странам Антанты территориях инициировать не удалось, равно как не получилось собрать более-менее крупные военные формирования из числа бывших военнопленных мусульман. К слову, пленные даже оказывали сопротивление немцам и османским муфтиям при попытке формирования военных отрядов. В конце 1915 г. в Вайнбергском лагере начались волнения, связанные с созданием татарского корпуса, дело доходило до стычек с немецкими солдатами⁷⁵. В итоге к январю 1916 г. численность так называемого «татарского» корпуса не превышала 1 тыс. человек⁷⁶, а среди татарских военнопленных преобладали прорусские настроения, то есть массового вступления в ряды татарских добровольцев, как ожидалось, не было.

Впрочем, османская пропагандистская деятельность не находилась исключительно под контролем Германии. Безусловно, Берлин помогал Стамбулу в распространении панисламистских идей среди военнопленных: обеспечивал каналы влияния на государства Антанты, однако Османская империя сама располагала собственными инструментами пропаганды, которые были ориентированы прежде всего на внутреннюю мобилизацию населения. Речь идет о

⁷³ Гатауллина Л. «Да будет дарована великая победа мусульманской армии и ее союзникам!» (Газета «Эль-Джихад» как средство пропаганды панисламизма среди татарских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1/2. – С. 37–45.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

газетах и журналах, которые служили иногда единственными средствами для трансляции той или иной идеи.

1.1.2. Практика османской пропаганды в период войн и революций

С приходом младотурок к власти в 1908 г. Османская империя имела в своем распоряжении газеты, карикатуры и фотографии в качестве средств для ведения пропагандистской войны. В годы Балканских войн (1912–1913) получили распространение литературные агитационные произведения, которые использовали яркие образы для мобилизации масс. Помимо литературной пропаганды Османская империя использовала газеты, журналы, а также карикатуры и фотографии, публикуемые в газетах, как инструмент пропаганды для воплощения лозунга «Все для фронта!».

Встает вопрос об эффективности османской пропаганды и о том, как «внутренняя аудитория» ее воспринимала. В качестве одного из основных «виновников» того, почему османский механизм распространения идей не смог полностью завоевать расположение аудитории, можно назвать стоявших у власти младотурок. Вмешательство государства в манипулирование общественным мнением было для Первой мировой войны явлением повседневным и нормальным. В Германии и Великобритании создавались государственные учреждения для ведения пропагандистских кампаний⁷⁷. В Османской империи единая система пропаганды так и не была создана. Турецкий исследователь Эрол Кёрглу подчеркивает, что индикатором неспособности младотурок сформировать эффективную структуру информационного воздействия на массы в годы Первой мировой войны являлось отсутствие её критического осмысления со стороны националистически настроенных авторов в ходе Освободительной войны 1919–1922 гг. Таким образом, сам факт их молчания относительно недостатков

⁷⁷ Подробнее см.: Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda During the First World War // The Historical Journal. – 1975. – № 18. – Р. 119–146.

пропагандистской машины служит косвенным свидетельством слабости самой пропаганды, поскольку полноценная пропагандистская деятельность предполагает наличие контрреакций и дискуссий вокруг нее⁷⁸.

На время Первой мировой войны в Османской империи была введена жесткая цензура⁷⁹, реакция на которую была неоднозначной. В своих воспоминаниях будущий герой Освободительной войны, а в 1914 г. глава отдела разведки при генштабе османской армии Кязым-паша (Карабекир, 1882–1948) привел любопытный разговор с Исмаилом Джанбулатом⁸⁰, на тот момент высокопоставленным чиновником в министерстве внутренних дел Османской империи. Джанбулат настаивал на необходимости закрыть все газеты в Османской империи, за исключением газеты “*Tanin*” (Отклик), которая была рупором младотурецкой пропаганды, так как существовало опасение, что другие газеты могут распространять антивоенные идеи. На эту идею Карабекир, а также военный министр Османской империи Энвер-паша отреагировали отрицательно⁸¹.

Данный случай четко демонстрировал отсутствие возможности применить и использовать сильную централизованную пропаганду, основанную на единых механизмах и единой идеологии. Тем не менее если рассматривать детально историю османской пропаганды, а также то, какие механизмы использовались для навязывания той или иной идеологемы, можно увидеть некоторую ошибочность суждений Кязыма Карабекира. С 1913 г. младотурки стали играть более активную роль на пропагандистском поле. Они поддерживали движение «Турецкий очаг» (*Türk Ocağı*)⁸². Тот факт, что оно смогло организовать отделения и ячейки по всей Анатолии, говорило о заинтересованности младотурок в развитии организации и в использовании их идей на практике. Пантюркистская, равно как и панисламистская пропагандистские кампании активизировались одновременно и начали интенсивно

⁷⁸ Köroğlu E. Ottoman Propaganda and Turkish Identity. L.: I.B. Tauris & Company, 2007. P. 11.

⁷⁹ Ibid. P. 11–12.

⁸⁰ Исмаил Джанбулат (1880–1926) – турецкий политик, член Великого национального собрания Турции (ВНСТ) 2-го созыва, член Прогрессивной республиканской партии. Казнен по обвинению в Измирском заговоре в 1926 г.

⁸¹ Karabekir K. Birinci Cihan Harbine Nasıl Girdik, vol. 2. İstanbul: Emre, 1994. S. 166–170.

⁸² Üstel F. İmparatorluktan Ulus-Devlete Türk Milliyetciliği: Türk Ocakları (1912–1931). İstanbul: İletişim, 1997. S. 74–75. Цит. по: Köroğlu E. Ottoman Propaganda and Turkish Identity. L.: I.B. Tauris & Company, 2007. P. 64.

разворачиваться в августе 1914 г. Впрочем, дело ограничивалось написанием патриотических рассказов и памфлетов, которые были рассчитаны исключительно на образованную публику.

В плане организации работы пропаганды младотурки руководствовались в основном утопическими мыслями о необходимости реализовывать идеи как можно быстрее и как можно тщательнее. Данный тезис подтверждался воспоминаниями непосредственных участников политических событий того времени. В книге Зии Шакира «Как мы действовали во время мировой войны 1914–1918?» (1914–1918 Cihan Harbini Nasıl İdare Ettik?)⁸³ описываются клубы партии «Единение и прогресс», где собирались вместе партийные чины, чтобы обсудить злободневные проблемы и разъяснить представителями народных масс основные направления политики партии. Одним из ярких примеров подобного взаимодействия является выступление одного из членов «Единения и прогресса» в 1914 г., когда он, развернув перед аудиторией географическую карту, представил свою концепцию территориальной экспансии: «Вот кавказская граница... Мы должны начать продвижение отсюда, пересечь Иран, а потом разделиться и пойти по двум направлениям: правый фланг пойдет на Афганистан, а левый фланг пойдет на Туран... Туран будет завоеван быстро. И после этого наши силы вновь объединятся, со скоростью молнии пересекут Гималаи и войдут в Индию...»⁸⁴.

Вторил Шакиру и Кязым-паша, который описывал фанатизм и преданность младотурок своему делу и своим идеалам. Так в одном из разговоров с Хикмет-беем, на тот момент главой секретариата партии «Единение и прогресс», он высказал озабоченность, что несмотря на нейтральный статус Османской империи, в газетах публиковались статьи, в которых авторы агитировали за войну. Хикмет-бей, с «веселым выражением лица» отдал Карабекиру документ и попросил его прочитать. Документ представлял собой отрывок из сочинения Мухийддина Араби «Генеалогия крови» (Şeceretü'n-Numaniye), в котором содержались предсказания

⁸³ Şakir [Soku] Z. 1914-1918 Cihan Harbini Nasıl İdare Ettik? İstanbul: Muallim Fuat Güçüyener Anadolu Türk Kitap Deposu, 1944. S. 69.

⁸⁴ Ibid. S. 69–70.

на год 1330/1914. В этом отрывке говорилось о германо-османском союзе, и о том, что «мусульмане» скоро поднимут восстание против Российской империи и через два года Турция и вся Азия будут покорены. С нескрываемым энтузиазмом Хикмет-бей рассказал о том, что в библиотеке Эдирне есть книга «Последовательность царств» (*Tevali'ül-Mülük*), наполненная предсказаниями, многие из которых уже сбылись. Данную пропаганду осуществлял не только Хикмет-бей. Многие члены «Единения и прогресса» распространяли подобного рода слухи среди партийной элиты и всех жителей страны. В конце беседы раздосадованный Хикмет-бей сказал Карабекиру: «Что я могу поделать? Ведь именно этого они и хотят!», возможно подразумевая под словом «они» простое население, которое с охотой верило в древние предсказания⁸⁵.

Таким образом, становится очевидным, что османская пропаганда периода Первой мировой войны была адресована преимущественно узкому кругу младотурок, что резко контрастировало с аналогичными кампаниями ведущих европейских держав той эпохи. Если Британия, Германия и Россия целенаправленно разрабатывали агитационные материалы, адресованные не только интеллектуальным элитам, но и широким слоям населения, то пропаганда Османской империи характеризовалась как ограниченная. Вместе с тем нельзя игнорировать отдельные достижения османских пропагандистов того времени. Пропаганда смогла создать, помимо произведений литературы, специализированные военные издания, а также газеты, публиковавшие контент, строго соответствующий официальной государственной идеологии.

В период первой мировой войны на страницах таких изданий, как “*Harb Mescuası*” (Военный журнал) и “*Cihan-ı İslâm*” (Вселенная ислама) османская пропаганда транслировала своим читателям идеи как пантюркизма, так и панисламизма. В частности, одной из основных целей журнала “*Cihan-ı İslâm*” являлось распространение панисламских идей как в Османской империи, так и за ее пределами. Характер этого периодического издания указывал на то, что

⁸⁵ Karabekir K. Birinci Cihan Harbine Nasıl Girdik, vol. 2. Istanbul: Emre, 1994. S. 220–227.

правительство контролировало ход редакционного процесса, а также распространение журнала. Члены «Особой организации»⁸⁶ (Teşkilat-ı Mahsus), которые находились во главе издания⁸⁷, старались привести риторику журнала в полное соответствие с панисламистской пропагандой младотурок. С началом Первой мировой войны целью издания стало противодействие британской пропаганде и информационная атака на Великобританию, так как Индия – родина Шефкета Али абу ас-Саида аль-Араби, владельца журнала – была под властью англичан. Риторическая линия “Cihan-ı İslam” приобрела отчетливо выраженный антибританский характер⁸⁸, окончательно сформировавшись осенью 1914 г. и усиливаясь вплоть до конца 1915 г. Эволюция позиции издания объясняется комплексом факторов: наряду с поддерживающей пропагандой в пользу индийских мусульман, существенную роль играли непосредственные боевые столкновения с британской армией в Галлиполи и Ираке, а также активизация антибританской деятельности самой «Особой организации».

“Harb Mescuasi”, издававшийся с ноября 1915 г. по июнь 1918 гг., стал одним из основных инструментов османской военной пропаганды, который использовался для создания позитивного имиджа империи и ее военных и гражданских возможностей. Используя широко распространенные во время Первой мировой войны образы павших офицеров, правителей, а также изображения военных действий, “Harb Mescuasi” вписывался в применявшуюся тогда османскую пропаганду, основа которой зиждилась на нескольких идеологемах, в том числе и на пантюркизме. Печатая стихи знаменитых османских поэтов начала XX в. (таких, как Зия Гёкальп и Мехмед Эмин Юрдакул⁸⁹), редакция

⁸⁶ В частности, стоит выделить Юсуфа Шетван-бэя (1868–1949), депутата Меджис-и Мебусан от округа Бенгази, который состоял на службе в «Особой организации» и был вторым по значимости человеком в редакции журнала «Вселенная ислама». Çanlı M. I. Dünya Savaşında Propaganda Amaçlı Yayınlanan Dergi: Cihan-ı İslam // Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 3 (4). – S. 84.

⁸⁷ Ibid. S. 86.

⁸⁸ Ibid. S. 98–100.

⁸⁹ Стоит обратить внимание на стихотворение Мехмеда Эмина Юрдакула «Приветствие войску» (Orduya Selam) из № 4 от 1915 г., можно заметить некоторые отсылки к пантюркизму, как, например, в строчке «Ты меч бога» (Sen Tanrıının kılıcısın), в которой Аллах называется не своим традиционным эпитетом “Allah”, а более тюркским “Tanrı”. Также, в стихотворении есть и смешение пантюркистских и панисламских идей, как, например, присутствие косвенной отсылки к Турану и к распространению ислама до самого Китая, как, например, в строчке

газеты апеллировала не только к исламским и проосманским идеям, но также к пантюркистским и националистическим настроениям общественности. Помимо идеологического базиса “*Harb Mecmuası*” также использовал образы Энвер-паши для создания позитивного образа правителя и командующего, которому не чужды идеи об инновациях. Тем самым, путем распространения этих фотографий, создавался как бы кульп Энвер-паши на данной стадии.

Многие издания, в том числе и “*Cihan-ı İslâm*” и “*Harb Mecmuası*”, показывали способность османских пропагандистов самостоятельно генерировать собственные идеи без вмешательства извне. Тем не менее для османской пропаганды времен Первой мировой войны характерно именно смешение двух сторон пропаганды – внешней, навязанной извне, и внутренней, сгенерированной правительством и задействованными в механизме распространения идеей людьми.

Османская пропаганда характеризовалась использованием различных идеологических концепций. Пантюркизм, панисламизм и национализм активно применялись в зависимости от издания и были необходимы для выработки общественного мобилизационного потенциала, то есть возможности сплотить общество перед лицом врага. Ввиду идеологической какофонии, которая образовалась в османской пропаганде, пропаганду никак нельзя назвать цельной и следующей единому фарватеру. Данный опыт окажется полезным для вырабатывания идей кемалистской пропаганды, которая после Освободительной войны 1919–1922 гг. станет основной в турецком информационном поле.

Впрочем, идеологическая какофония была использована еще один раз в истории Турции для борьбы с внешним агрессором. Освободительная война стала тем самым информационным полем боя, на котором были доведены до ума, а затем отточены все те пропагандистские инструменты, которые станут основой кемалистской пропаганды 1920 – 1930-х гг. В пропагандистской войне против стран Антанты, а также против стамбульского правительства кемалисты использовали все доступные тогда механизмы мобилизации масс и начали

«У тебя отсюда и до Китая/Есть в каждом михрабе единоверец» (Senin burdan Çin'e kadar/Her mihrabda duâcın var). *Harb Mecmuası*. 1915. № 4. S. 52–53.

вытасчивать свой собственный идеинный базис, который отсутствовал во время Первой мировой войны.

1.2. Кемалистская пропаганда в годы Освободительной войны 1919–1922 гг.

Пропаганда сторонников Кемаль-паши отличалась целенаправленностью и сосредоточением пропагандистских кампаний исключительно на использовании двух инструментов – прессы и карикатур. С одной стороны, это можно расценить как отход от популярного во время Первой мировой войны использования военных журналов, или же фотографий в качестве пропагандистского оружия, но, с другой стороны, переход к этой тактике был оправдан. Для того чтобы мобилизовать людей на борьбу с врагом, кемалистам необходимы были простые и понятные каждому инструменты и идеи, чтобы информация о национальной борьбе дошла до каждого человека, который жил в Анатолии. Если же человек был необразованным и читать не умел, то на помощь приходила карикатура, которая простым языком показывала, что именно Кемаль-паша является тем самым лидером, который сможет освободить Анатолию от врагов и установить справедливость.

Газетная пропаганда кемалистов выделялась тем, что не отвергала предыдущие идеологемы, использовавшиеся в Османской империи, а инкорпорировала элементы всех трех основных – османизма, панисламизма и пантюркизма – в единую пропагандистскую кампанию, основная цель которой – мобилизовать общественность вокруг единого лидера – Мустафы Кемаль-паши – и начать борьбу против интервентов: Греции, Британии, Франции. Анализируя симпатизирующие Кемалю газеты того времени, можно увидеть идеологические направления, по которым развивалась кемалистская пропаганда. Такие газеты, как, например, “Türk Dünyası” (Тюркский мир) не только агитировали за кемалистов, но также поднимали на своих страницах вопросы пантюркизма. Турецкий политик

Казым Нами [Дуру] писал о нескольких базовых идеях пантюркизма – «народности», «туркзиме» и «национализме». Народность для Казыма Нами была тождественна национализму. «Мы не знаем турок, [турецкий] народ. Что бы мы ни говорили о нем, как бы мы о нем ни рассуждаем, мы не имеем понятия о нем ничего»⁹⁰, – сетовал Казым Нами. В целом данная риторика соответствовала кемалистскому духу. Кемалисты также акцентировали внимание именно на народной составляющей освободительного движения. Народ, уставший от бесконечных войн и засилья иностранцев, должен пойти против них, восстановить справедливость. Идея народа как опоры Турции также находила свое отражение в публикациях газеты “*Türk Dünyası*”. Как подчеркивал Казым Нами в одной из колонок, основополагающим принципом формирования национальной идентичности выступает свобода, рассматриваемая как ключевой элемент достижения единой и целостной тюркской общности⁹¹.

Впрочем, нельзя говорить о том, что газета во всем соглашалась с кемалистами. Так, сама идея тюркской целостности не совпадала с целями национально-освободительного движения. Казым Нами демонстрировал необходимость единения с тюркскими народностями Центральной Азии уже после достижения свободы для турецкого народа, что этот шаг в будущем необходим для создания единой страны, объединенной не только общей этнической принадлежностью, но и языком, культурой и религией⁹². Сравнивая турецкий народ с тюркскими, Казым Нами уподоблял их отношениям между родителем и детьми⁹³, где отец – это тюркский народ⁹⁴, а дети – это различные тюркоязычные этносы, разбросанные от Енисея до Эгейского моря.

⁹⁰ Nami K. Türk Nedir? *Türk Dünyası*, 23 Ağustos 1335. Цит. по: Erkek M.S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. Yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 2014. S. 713.

⁹¹ Nami K. Mefkuremiz: Milliyetçilik-Halkçılık. *Türk Dünyası*, 21 Ağustos 1335. Цит. по: Erkek M. S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. Yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 2014. S. 713.

⁹² Nami K. Türkük-Turancılık. *Türk Dünyası*, 20 Eylül 1335. Цит. по: Erkek M. S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. Yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 2014. S. 715.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Скорее всего, Казым Нами имел в виду «туркотов», которые являлись основой населения первого Тюркского каганата.

В целом рассматривать данную газету в рамках кемалистской пропаганды довольно трудно, так как идеологически “Türk Dünyası” больше тяготел к пантюркистским идеям иттихадистов, нежели чем к кемалистским национальным идеологемам. Тем не менее на страницах издания ее главный редактор Казым Нами-бей поднимал вопросы схожие с идеями Анкарского правительства – о центральной роли народа в жизни государства и необходимости свободы для турецкого народа. Ключевой являлась и дальнейшая судьба Казыма Нами, который после разгрома газеты в 1920 г. не остался в Стамбуле, а уехал в Анкару, где известный врач и писатель Рыза Нур (1879–1942) предложил ему работать на кемалистов. В ответ на высказывание Казыма Нами: «Спасибо большое, но я иттихадист» Рыза Нур ответил: «Сейчас тут нет ни иттихадистов, ни иттиляфистов. Есть родина, которая ждет от нас службы и жертв»⁹⁵. Тем самым Рыза Нур показывал, что в Анкаре нет идеологических противоречий, так как там собрались лишь те, кому было не все равно на то, что происходило в Анатолии.

Параллельно, в Анкаре происходило создание собственных печатных изданий, которые должны были доносить официальную позицию кемалистов и правдиво рассказывать о событиях, происходивших в лагере Анкарского правительства. Для лучшего понимания того, как работала кемалистская газетная пропаганда, необходимо рассмотреть газету “Hakimiyet-i Milliye” (Национальный суверенитет), которая была исключительным продуктом кемалистской пропаганды. Идея ее создания и распространения принадлежит самому Мустафе Кемаль-паше, который лично агитировал других кемалистов читать газету, а также пожертвовал свои личные сбережения на ее выпуск. Так, в телеграмме Кязыму Карабекиру Кемаль писал о том, что начинается выпуск в Анкаре газеты “Hakimiyet-i Milliye” и что «газета – частная»⁹⁶. Подобная формулировка очень важна для понимания того, что газета во время национально-освободительного движения была не в руках государства, а в частных руках. Владельцем газеты был

⁹⁵ Erkek M. S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. Yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 2014. S. 712.

⁹⁶ Karabekir K. İstiklal Harbimiz, İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1960. S. 440.

Реджеп Зюхтю [Сойак] (1893–1963) – убежденный кемалист, впоследствии депутат Великого национального собрания Турции (ВНСТ) от Синопа и Зонгулдака. Данный факт, несмотря на формально частный статус издания, говорит о том, что газета все же контролировалась Кемаль-пашой и его ближайшим окружением.

Газета “*Hakimiyet-i Milliye*” не была первым кемалистским печатным изданием. Сразу после Сивасского конгресса, проходившего с 4 по 11 сентября 1919 г., начала выпускаться газета “*İrâde-i Milliye*” (Национальная воля), которая публиковала на своих страницах речи Кемаль-паши во время конгресса, а также протоколы заседаний. Статьи в газете печатались в основном «друзьями Ататюрка»⁹⁷, что говорит о цензуре и личном контроле за публикациями со стороны Кемаль-паши. Тем не менее газета была закрыта в 1921 г., и многие ее сотрудники переехали из Сиваса в Анкару, где стали работать в газете “*Hakimiyet-i Milliye*”. Оставшиеся сотрудники решили выпускать новую газету под названием “*Gaye-i Milliye*” (Национальная цель).

Газета “*Gaye-i Milliye*” просуществовала с марта по апрель 1921 г. и являла собой пример региональной печати кемалистов. Она не имела такого же широкого распространения, как “*Hakimiyet-i Milliye*” или “*İrâde-i Milliye*”, однако ее дискурс следовал заданной кемалистами риторике. Издание, впрочем, не обладало солидным кадровым потенциалом. Среди издававших газету можно назвать лишь несколько имен, которые были на тот момент известны читателю – главный редактор газеты Ахмед Фаик⁹⁸ и журналист Мехмед Фазлулла ас-Сиваси⁹⁹. Тем не менее остается неизвестным, являлся ли Ахмед Фаик, значившийся как главный редактор и Фаик Ахмед [Барукчу] одним и тем же лицом. В то же время факт того, что Мехмед Фазлулла ас-Сиваси печатался в газете не подлежит сомнению¹⁰⁰.

Примечательно то, каким образом была основана газета “*Hakimiyet-i Milliye*”. Для того, чтобы выпускать любое периодическое издание, нужна типография. Как

⁹⁷ Karabekir K. *İstiklal Harbimiz*, İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1960. S. 288.

⁹⁸ Фаик Ахмед Барукчу (1894–1959) – главный редактор трабзонской газеты “*İstikbal*” (Будущее), вице-премьер Турецкой Республики (1947–1949).

⁹⁹ Мехмед Фазлулла ас-Сиваси (1876–1942) – сивасский писатель, журналист.

¹⁰⁰ См. Süer R. Mehmed Fazullah es-Sivasi'nin el-İtidal fi Mhabettü'l-al Adlı Mesnevisi // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 2016. – № 1.

вспоминал участник тех событий Мазхар Мюфит Кансу¹⁰¹, получив письмо-распоряжение Кемаль-паши о предоставлении типографии, Мюфит и другие чиновники Анкарского правительства отправились к вали Анкары Яхье Галип-бeyю¹⁰². Получив в присутствии чиновников письмо, вали не скрывал своего раздражения: «Что это значит, господа, вы выпускаете газету, а бумагу предоставляет вилайет? Разве мэрия – ваше владение? Нет, господа, так не пойдет...». Данный ответ, несомненно, вызвал недоумение среди чиновников, и когда большинство из них, поникнув головой, ушли из кабинета вали, Яхья Галип рассмеялся и сказал: «Как я их напугал, а?... Не волнуйтесь, мэрия, сколько нужно бумаги, столько бумаги выделит. Можете отдавать приказы, если необходимо, сотрудникам мэрии». Таким образом, пишет Мазхар Мюфит, и началась работа над газетой¹⁰³. Данное поведение Яхья Галипа можно объяснить тем, что, вероятно, были опасения относительно того, что идея могла угаснуть из-за чиновниччьего произвола, поэтому он не стал прилюдно объявлять о своей поддержке, а объявил ее исключительно тем, кто лично был непосредственно в контакте с Кемаль-пашой. В их число входил и Мазхар Мюфит-бей.

Газета начала издаваться 10 января 1920 г. Стоит обратить внимание на то, кто издавал и печатал ее. Одним из редакторов газеты был Хаккы Бехич Байич (1886–1943) – секретарь прокемалистской Коммунистической партии Турции (*Türk Komünist Fırkası*), а главными редакторами до 1923 г. были Ахмет Агаоглу и Хамдуллах Супхи [Танрыовер]¹⁰⁴. Присутствие среди кадрового состава редакции представителей разных политических направлений подчеркивает формирование новой идеологии, которая нашла отражение именно на страницах “*Hakimiyet-i Milliye*”.

¹⁰¹ Мазхар Мюфит Кансу (1873–1948) – губернатор провинции Элязиг (1920–1923), позднее депутат ВНСТ от провинций Денизли и Артвин.

¹⁰² Яхье Галип Каргы (1874–1942) – губернатор Анкары (1919–1923), затем депутат ВНСТ от Анкары.

¹⁰³ Müfit Kansu M. Erzurum’dan Ölümüne Kadar Atatürk’le Beraber, II. Cilt, Ankara, 1968. S. 503. Цит. по: Önder M. Milli Mücadele’nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 289.

¹⁰⁴ Хамдуллах Супхи Танрыовер (1885–1966) – министр образования Турции (1920–1921, 1925), депутат ВНСТ от Стамбула, Мерсина. В 1912–1914 гг. был одним из руководителей организации «Турецкий очаг» (*Türk Ocağı*)

В газете печатались репортажи о важных событиях в Анатолии, связанных с национально-освободительным движением. В частности, широко освещались демонстрации протеста против оккупации иностранными войсками, организованные в разных частях Турции. Так, после военной оккупацией англичанами Стамбула в Конье был организован стихийный митинг против иностранной интервенции. “Hâkimiyet-i Milliye” освещала события, происходившие 13 апреля 1920 г. в Конье и приветствовала проведение подобных митингов по всей Анатолии¹⁰⁵.

Также, в газете публиковались телеграммы, которые были присланы из разных уголков Анатолии, в которых писавшие поддерживали Анкарское правительство. Так, уже в первом выпуске от 10 января 1920 г. были напечатаны коллективные обращения, направленные в редакцию из разных областей Анатолии, в которых выражался протест против взятия Мараща французскими войсками¹⁰⁶. В частности, посыпали телеграммы мэр, муфтий и представители городского населения г. Мараш¹⁰⁷. Распространяя подобные послания, газета как бы призывала читающую публику на борьбу против французской интервенции.

Публиковались и важные новости о перебежчиках, переходивших на сторону кемалистов. Так, в газете от 28 апреля 1920 г. широко освещалось известие о прибытии в Анкару 27 апреля военного министра Стамбульского правительства Мустафы Февзи Чакмака (1876–1950), будущего маршала Турции. На вокзале его лично встречал Кемаль-паша, что придавало приезду Февзи-паши особое символическое значение. Событие фиксировало переход влиятельного деятеля из стамбульских структур власти в лагерь Анкарского правительства, за что позднее в Стамбуле он был приговорен к смертной казни¹⁰⁸. Таким образом, внутренние новости в Анатолии освещались газетой исключительно в кемалистских тонах,

¹⁰⁵ Hâkimiyet-i Milliye. 13 Nisan 1920. S. 1. Цит. по: Önder M. Milli Mücadele'nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 297.

¹⁰⁶ В конце января – начале февраля 1920 г. Мараш будет освобожден от французской оккупации войсками кемалистов.

¹⁰⁷ Hâkimiyet-i Milliye. 10 Ocak 1920. S. 1. Цит. по: Önder M. Milli Mücadele'nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 293.

¹⁰⁸ Baycan N. Mareşal Fevzi Çakmak // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1989. – № 6 (16). – S. 181.

отражая настроения против стамбульского правительства и интервентов, а также роль в Освободительной войне Мустафы Кемаль-паши. Объясняется эта кемалистская направленность не только поддержкой и личной заинтересованностью в публикации газеты со стороны Кемаль-паши, но и наличием верных ему людей в ее редакции.

Помимо внутренних событий в Анатолии газета “Hakimiyet-i Milliye” регулярно информировала читателей о значимых международных событиях, происходящих за пределами Турции. В частности, в газете, особенно в период 1920–1922 гг., развернулась пропагандистская кампания в поддержку укрепления дружбы между Советской Россией и правительством ВНСТ. В большинстве своем статьи задавались вопросом «А являемся ли мы большевиками?». Ответ содержал четкое утверждение: подобно русским большевикам, кемалисты ведут активную борьбу против вооруженных сил интервентов. Подчеркивались исторические параллели: точно так же, как «сторонники Колчака, Деникина и другие приспешники Англии» потерпели поражение в гражданской войне в России, Турция тоже ожидала победы над иностранными агрессорами, включая греков¹⁰⁹. Превознося успехи Красной армии в Польше, издание выражало уверенность в грядущей победе турецкой армии над греческими силами¹¹⁰. Победа над греческой армией и полное освобождение Анатолийского региона от ее присутствия определялись газетой “Hakimiyet-i Milliye” как центральная стратегическая задача, стоящая перед кемалистским движением¹¹¹. В тексте издания нередко использовались разные коммунистические клише, характерные для большевистской печати, такие как, например, в статье от 20 июля 1920 г., где написано было следующее: «Самый большой враг – это капитализм и империализм, поработившие весь мир»¹¹².

Несмотря на дружественные отношения и тесное сотрудничество правительства ВНСТ с Советским Союзом, газета “Hakimiyet-i Milliye”

¹⁰⁹ Hâkimiyet-i Milliye. 17 Nisan 1920. S. 1.

¹¹⁰ Hâkimiyet-i Milliye. 15 Temmuz 1920. S. 1.

¹¹¹ Hâkimiyet-i Milliye. 20 Temmuz 1920. S. 1.

¹¹² Ibid.

последовательно придерживалась позиции официального руководства, резко осуждая любые попытки внедрения коммунистических идей внутри самой Анатолии. Она подчеркивала, что распространение марксизма в Турции¹¹³ имело бы «разрушительные и катастрофические» для страны последствия¹¹⁴. Эта позиция наглядно иллюстрирует, что несмотря на широкую поддержку союза с коммунистами, газета, как и кемалистское правительство, всячески старались оградить Анатолию от проникновения революционных тенденций, которые могли, по их мнению, дестабилизировать и без того хрупкое положение в стране

Таким образом, газета “Hakimiyet-i Milliye” отображала на своих страницах полный спектр кемалистской пропаганды времен национально-освободительной борьбы. Используя не только националистическую риторику, но и идеи коммунизма, издание смогло в полной мере привлечь читающую публику к борьбе за независимость Турции от иностранных интервентов. Газета не объявляла себя исключительно исламистской или же коммунистической. Наоборот, коммунизм подвергался критике на ее страницах. Распространение коммунистических идей в Турции считалось губительным для национального освобождения.

Не только “Hakimiyet-i Milliye” печаталась в Анкаре в тот период. Так, с 1 августа 1920 г. в Анкаре издавалась газета “Yeni Gün” (Новый день) под руководством известного турецкого журналиста и в дальнейшем основателя газеты “Cumhuriyet” (Республика) Юнуса Нади [Абалыоглу] (1879–1945). Также, в 1920 г. в Анкаре появилось и прокоммунистическое издание “Yeni Dünya” (Новый мир), изначально печатавшееся в Эскишехире и поддерживаемое Черкесом Этхемом (1886–1948), одним из влиятельнейших полевых командиров «Национальных вооруженных сил» (Kuva-yı Milliye). Газета была рупором большевистских идей, чему способствовало назначение на должность главного редактора Арифа Оруча (1893–1956), симпатизировавшего большевикам¹¹⁵.

¹¹³ Hâkimiyet-i Milliye. 9 Ekim 1920. S.1.

¹¹⁴ Hâkimiyet-i Milliye. 12 Ekim 1920. S.1.

¹¹⁵ Önder M. Milli Mücadele'nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 299-300.

Несмотря на то, что исламская идеология не была центральной темой публикаций, ее использование в годы национально-освободительного движения было распространено среди кемалистских газет. В “Hakimiyet-i Milliye” исламская тематика присутствовала, причем в контексте как анатолийского вопроса, так и борьбы за освобождение от интервентов. Газета поднимала тему мусульманской солидарности в борьбе с империализмом. Следуя антиимпериалистической пропаганде, кемалисты в статьях подвергали критике английское и французское управление арабами и мусульманами. Газета часто обращала внимание на то, что необходимо совместное противостояние интервенционистским силам, приводя пример Марокко, где «по полученным телеграфным сообщениям, началась борьба против европейцев», причем газета говорила не только о столкновениях в Марокко, но и в других странах Магриба¹¹⁶ и о борьбе в Ираке и Сирии. Газета апеллировала к общему прошлому трех стран (Турции, Ирака и Сирии) и заявляла, что по прошествии некоторого времени арабы якобы поняли, что «между Турцией, Сирией и Ираком есть дружественные связи»¹¹⁷. “Hakimiyet-i Milliye” также акцентировала внимание на том, что борьба должна проходить на общих принципах веры, но не стоит забывать и о национальных интересах, что необходимо объединиться не вокруг идей панисламизма, но вокруг общей идеи столкновения с европейскими интервентами¹¹⁸.

Интересно также и то, как в “Hakimiyet-i Milliye” освещалась подготовка к Всемирному Исламскому конгрессу. В номере газеты от 11 марта 1921 г. за подписью Хюсейна Рагыпа¹¹⁹ была опубликована статья о том, что в Анкаре в ближайшее время «пройдет большой Исламский конгресс»¹²⁰. Данная идея не обсуждалась до июля 1921 г., когда Кемаль-паша положительно высказался относительно проведения такого конгресса на территории Анатолии¹²¹.

¹¹⁶ Hâkimiyet-i Milliye. 7 Haziran 1921. S. 1.

¹¹⁷ Hâkimiyet-i Milliye. 17 Kasım 1920. S. 1.

¹¹⁸ Hâkimiyeti Milliye. 7 Kasım 1920. S. 1.

¹¹⁹ Вероятно, имеется в виду Хюсейн Рагып Байдур (1890–1955) – турецкий журналист, дипломат. Посол Турции в СССР (1929–1934).

¹²⁰ Hâkimiyeti Milliye. 11 Mart 1921. S. 1.

¹²¹ Odabaşı H.Y. Hakimiyet-i Milliye Gazetesinde Bolşevizm Algısı ve İslam Dünyasına Bakış (1920–1921) // İstanbul Arel Üniversitesi İletişim Çalışmaları Dergisi. – 2017. – № 4 (7). – S. 15.

Изначальной датой проведения должен был стать июль 1921 г., однако из-за напряженной обстановки на фронтах, в частности из-за греческого наступления на Эскишехир, Исламский конгресс был отменен¹²². Несмотря на аннулирование данного мероприятия, его освещение в газете “Hakimiyet-i Milliye” наглядно демонстрирует, насколько активно кемалистская пропаганда применяла в печатных публикациях исламские сюжеты в качестве объединяющего фактора.

1.3. Антикемалистская пропаганда стамбульских властей

Параллельно кемалистской пропаганде стамбульское султанское правительство также задействовало свой инструментарий для противовеса и удара по сторонникам Кемаля. Содержательная сущность султанской пропаганды выражалась в том, что поддержка кемалистов есть предательство не только сultана, но и ислама. Несмотря на доминирование кемалистов в информационном поле национально-освободительного движения, звучали также призывы не поддерживать Кемаля и его сторонников, предлагался взгляд на кемалистов как на банду авантюристов и преступников, чьей целью была дестабилизация ситуации в Анатолии. Эти тезисы были основой пропаганды из Стамбула, где находилось султанское правительство, подконтрольное силам Антанты. В качестве основных рупоров антикемалистской пропаганды использовались газета “Peyam-ı Sabah” (Новостное утро) и юмористический журнал “Aydede” (Луна).

Деятельность газеты “Peyam-ı Sabah” связана, прежде всего, с видным журналистом и политиком Али Кемалем (1869–1922) – ярким представителем иттиляфистского движения, который после Мудросского перемирия стал одной из центральных фигур султанской власти ввиду своего пребывания на посту министра внутренних дел в 1919 г. в правительстве Дамада Ферид-паши¹²³, а также из-за того,

¹²² Odabaşı H. Y. Hakimiyet-i Milliye Gazetesinde Bolşevizm Algısı ve İslam Dünyasına Bakış (1920–1921) // İstanbul Arel Üniversitesi İletişim Çalışmaları Dergisi. – 2017. – № 4 (7). – S. 15.

¹²³ Giz A. Kurtuluş Savaşı’na karşı çıkan gazete // Yıllarboyu. – Eylül 1978. – № 6. – S. 36.

что он руководил таким важным для султанского правительство органом, как печатное издание, проявлявшее редкую на фоне всеобъемлющей поддержки кемалистов лояльность по отношению к султану.

Али Кемаль и его газета “Peyam-ı Sabah” писали, что кемалисты, по сути, являются не кем иным, как иттихадистами, и что национально-освободительное движение в Анатолии – это их вторая попытка прийти к власти. Поэтому необходимо было их «раздавить»¹²⁴. В статье от 19 августа 1921 г. он спрашивал: «Чего ждать от этого движения?.. Почему мы не хотим следовать мирному плану?.. нужно не сражаться с греками, а протянуть им руку мира... В Анкарское правительство распространили свое влияние и идеи русские большевики»¹²⁵. Риторика Али Кемаля любопытна как пример прямолинейной анти-кемалистской пропаганды:

- Кемалистам нет доверия. Ими управляют не только бывшие иттихадисты, но и большевики из Москвы, что на фоне «красной угрозы» в мире должно было негативно подействовать на читающую публику.
- Борьба кемалистов бессмысленна, так как она не имеет под собой никакой четкой основы, кроме как привести во власть тех же людей, которые правили Османской империей с 1913 по 1918 гг., в позорные, по мнению Али Кемаля, годы для всей империи.
- Туркам и всей Анатолии необходимо просто принять условия Севрского мирного договора 1920 г., и именно это обеспечит мир и спокойствие на территории страны.

Тем самым Али Кемаль в своей газете не только следовал официальной политической пропаганде султанского правительства, но и сам обозначил основные линии поведения, которым стоило придерживаться при обсуждении того или иного вопроса, связанного с национально-освободительным движением. Кемалисты также объявлялись анархистами в газете от 18 января 1920 г.¹²⁶

¹²⁴ Giz A. Kurtuluş Savaşı’na karşı çıkan gazete // Yıllarboyu. – Eylül 1978. – № 6. – S. 36.

¹²⁵ Sarf Ç. İstanbul'daki Milli Mücadele Karşıtı Basın. Yüksek Lisans Ödevi. Ankara, 2010. S. 30.

¹²⁶ Sarf Ç. İstanbul'daki Milli Mücadele Karşıtı Basın. Yüksek Lisans Ödevi. Ankara, 2010. S. 31.

Правительство Кемаль-паши, по требованию газеты, должно было быть разогнано, а «все Мустафы Кемали и Али Фуаты... должны быть объявлены врагами, как первостепеннейшая опасность для страны»¹²⁷. Военные победы кемалистов ставились под сомнение, а победы греков превозносились¹²⁸. Несмотря на значительный успех армии Кемаль-паши в 1921–1922 гг. Али Кемаль не собирался сдаваться и продолжал публиковать статьи против Мустафы Кемаля и его окружения. В конце концов пропаганда кемалистов сработала лучше, чем информационная обработка, которую использовала газета “Peyam-ı Sabah” и ее редактор Али Кемаль. Идея национального единения и мысль о том, чтобы восстановить государство без вмешательства иностранцев, которые вот уже долгие годы терроризировали страну, оказались привлекательнее, чем посылы покорного подчинения и дружбы с иностранцами.

Издание прекратило свое существование 11 сентября 1922 г. ввиду того, что от “Peyam-ı Sabah” отделилась газета “Sabah” (Утро) Михран-эфенди. В своем заявлении от 11 сентября редакция нового издания заявила, что «в сложившейся ситуации», когда начинаются преследования разных оппозиционных деятелей и журналистов, «газета “Sabah” прекратила свое сотрудничество с газетой “Peyam-ı Sabah” и не может более продолжать публиковать с ней совместные выпуски»¹²⁹. Финальная точка в совместной истории изданий была поставлена 15 сентября, и именно этот день признается официальной датой закрытия газеты “Peyam-ı Sabah”.

Помимо Али Кемаля в лагере султанского правительства были и другие одиозные фигуры, которые были верны Мехмеду VI и активно призывали дружить, а не воевать с англичанами. Так, в Стамбуле в 1919 г. была основана организация “İngiliz Muhibbler Cemiyeti” (Ассоциация друзей англичан в Турции), которая призывала не к враждебному отношению, а к дружбе с англичанами, к тому, что их нужно уважать, и что именно они принесли свободу от тирании иттихадистов¹³⁰. В

¹²⁷ Giz A. Kurtuluş Savaşı’na karşı çıkan gazete // Yıllarboyu. – Eylül 1978. – № 6. – S. 36.

¹²⁸ Ibid. S. 37.

¹²⁹ Giz A. Kurtuluş Savaşı’na karşı çıkan gazete // Yıllarboyu. – Eylül 1978. – № 6. – S. 37.

¹³⁰ Подробнее о деятельности «Ассоциации друзей англичан в Турции» см.: Demiryürek M. İngiliz Muhibbler Cemiyeti Hakkında Bazı Notlar ve Belgeler // Atatürk Yolu Dergisi. – 2006. – № 10 (37). – S. 77–101.

состав данного общества входил не только Али Кемаль, но и Сайт Молла (1880–1930) – еще один ярый сторонник стамбульского правительства, издатель газеты “Türkçe İstanbul” (Стамбул по-турецки), на страницах которой отстаивал идею дружбы турок и англичан¹³¹. Именно Сайт Молла был основателем «Ассоциации друзей англичан в Турции» и активно продвигал идеи англофильства среди турок.

“Peyam-ı Sabah” была не единственной газетой в Стамбуле, которая критиковала действия кемалистов. Так, газета “Alemdar” (Знаменосец) турецкого писателя Рефи Джевата Улуная (1890–1968) не отставала от тренда, поднятого на вооружение “Peyam-ı Sabah”. Издание было основано в 1909 г. и стало известно редакционной политикой, которая была направлена против иттихадистов, а после 1919 г. и против кемалистов. Газета открыто демонстрировала оппозицию Мустафе Кемаль-паше, защищала британский мандат и пыталась склонить население к сотрудничеству с оккупантами. Среди авторов газеты были Рефик Халит (Карай), Хафиз Исмаил, Муаммар Асаф и Мустафа Сабри¹³². Так, накануне Лондонской конференции 1921 г. авторы “Alemdar” отрицали всяческую возможность создания совместной с кемалистами делегации: «В любом случае этот союз [между Стамбулом и Анкарой] невозможен»¹³³. Ставясь очернить кемалистов, газета выставляла на первый план исключительно действия представителей султанского правительства, гордо рассказывая о том, что их возглавлял великий визир Ахмет Тевфик-паша¹³⁴, а сам факт приглашения стамбульской делегации со стороны Антанты подавался как потенциально укрепляющий позиции Стамбула среди стран Антанты¹³⁵. Тем самым, со страниц газеты “Alemdar” информация подавалась исключительно с позиций стамбульского правительства. Кемалисты изображались как недостойные внимания, и союз с ними воспринимался как

¹³¹ Demiryürek M. Kıbrıs’ta Bir 150’lik: Sait Molla (1925–1930) // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2003. – № 19 (57). – S. 1214.

¹³² Malkoç E. Türk Basınından bir Süreç iki Perspectif: Londra Konferansını Anadolu’da Yeni Gün ve Alemdar’ın Sayfalarından Karşılaştırmalı okumak // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2022. – № 6 (100). – S. 3.

¹³³ Alemdar. 28 Kanun-ı Sani 1921. S. 1.

¹³⁴ Alemdar. 29 Kanun-ı Sani 1921. S. 1.

¹³⁵ Alemdar. 30 Kanun-ı Sani 1921. S. 1.

невозможный. В то же самое время связи с Антантой, по мнению журналистов, должны были лишь укрепляться и расширяться.

Усилия пропагандистов не ограничивались лишь газетами. Как и кемалисты, стамбульское правительство понимало силу карикатуры, поэтому в Стамбуле публиковались также и журналы, в которых были напечатаны карикатурные рисунки, высмеивающие Кемаль-пашу и его сторонников. В числе приверженцев сultанского правительства была редакция юмористического журнала “Aydede” (Луна). Издание, как и газета “Peyam-ı Sabah”, выходило в Стамбуле под редакцией известного турецкого писателя Рефика Халида Каая (1888–1965), бывшего директора почтовой службы Османской империи после Мудросского перемирия 1918 г. Писатель негативно отнесся к кемалистской революции, что и вылилось в создание в начале 1922 г. юмористического журнала “Aydede”. Видя успешный опыт кемалистов, которые использовали юмористические журналы и карикатуры для ведения пропагандистской войны, Стамбул хоть и с запозданием, но все же перенял этот опыт, осознав, что газеты и печатные издания прочитать может далеко не каждый, в то время как язык рисунка и яркого изображения понятен многим. Осознание данного факта и положило начало публикации журнала.

Журнал просуществовал недолго, в отличие от своих кемалистских аналогов “Karagöz” (Черноглазый), “Güleryüz” (Смеющееся лицо) и “Akbaba” (Гриф), так как был закрыт 9 ноября 1922 г. ввиду победы кемалистов. Кроме того, Рефик Халид Каай, как лицо неблагонадежное, попал в так называемый «список ста пятидесяти» (Yüzellilikler)¹³⁶, который, хоть и был подготовлен в 1924 г., но первая редакция появилась еще в 1922 г. После того как писатель и редактор “Aydede” был вынужден покинуть страну, он оставил журнал на попечение писателю Юсуфу Зии Ортачу (1895–1967), который, впрочем, в конце 1922 г. уехал из Стамбула и стал членом редакции журнала “Akbaba”. Таким образом, журнал “Aydede” окончательно прекратил свое существование.

¹³⁶ Atay T., Ulusoy Nalcioğlu B., Gezgin S. Medyanın Aydınlanması ve Entelektüellerin Sorumluluğu: “Yüzellilikler / 150’likler” ve Hatay’da Yerel Basın // Etkileşim. – 2019. – № 3. – S. 68.

Сам журнал является любопытной интерпретацией того, как воплощались идеи, высказанные в газете Али Кемаля “Peyam-ı Sabah” относительно кемализма и войны в Анатолии. Стоит отметить, что карикатуры “Aydede” не затрагивали тему важности и необходимости соблюдения Севрского мира. Греки, как и кемалисты, изображались в негативном свете, о чем свидетельствует карикатура «У бильярдного стола» от 10 августа 1922 г. (*Рисунок 1*)¹³⁷ Она вышла перед битвой при Думлупынаре, положившей конец греческой интервенции и ставшей началом «Великого наступления» (Büyük Taarruz). На карикатуре бильярдным столом выступает Анатолия, у которой стоят три фигуры – Кемаль-паша, король Греции и «хозяин стола», по виду напоминавший простого турка. Свой ход король Греции, похожий на крючок, сделал и теперь с недовольством смотрит на то, как Кемаль-паша будет реализовывать свой удар. Комментируя ситуацию, «хозяин стола» говорит: «Снова подошел к столу, но на сукне у него шанса не осталось». Это говорило о том, что, несмотря на победы прошлого года, шансов победить в этом году, по мнению редакции журнала, не было, да и положение на бильярдном столе свидетельствует об этом: два белых шара, которые символизируют, очевидно, кемалистскую армию, стоят у края борта, в противоположном от черного шара (греческой армии) направлении. Кемаль-паша собирался бить белым шаром по другому белому шару, что несколько нелогично с точки зрения «хозяина стола», так как бить необходимо по черному шару. Таким образом карикатурист подчеркивает низкую вероятность успеха военных усилий нового лидера Турции. Как бы негативно карикатурист ни относился к грекам (визуальное представление греческого монарха носит явно негативные черты), образ Кемаль-паша на карикатуре также подвергнут негативной интерпретации, однако эта критика направлена преимущественно на его действия. Кемаль здесь высмеивается не за внешний вид, как, например, в другой карикатуре, где он был изображен в гротескной форме с худым телом и толстыми ногами на пьедестале после победы при Думлупынаре¹³⁸. На карикатуре «У бильярдного стола» Кемаль-паша –

¹³⁷ Aydede. 10 Ağustos 1922. S. 1.

¹³⁸ Aydede. 31 Ağustos 1922. № 70. S. 1.

неумелый тактик, который не смог правильно рассчитать свой удар и тем самым довел до поражения свою военную авантюру.

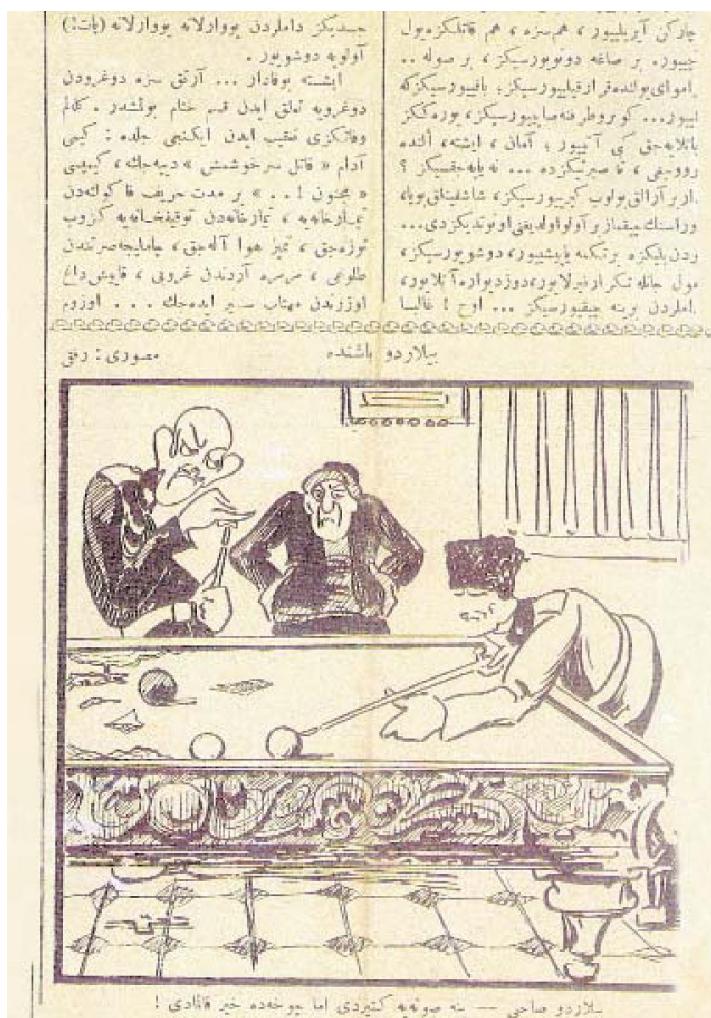

Рисунок 1. Карикатура «У бильярдного стола» журнала “Aydede” от 10 августа 1922 г. Aydede. 10 Ağustos 1922. S. 1.

В журнале “Aydede” высмеивались не только Кемаль и кемалисты, но и вообще все политические течения в Османской империи, начиная с начала XX в. Так, карикатура «Язык головных уборов» от 19 января 1922 г. иллюстрирует различные политические течения, представленные соответствующими типами головного убора. Если смотреть слева направо, то можно выявить представителей конкретных идеологических направлений: «социалиста» с феской набекрень; «иттиляфиста» с профилем, отдаленно похожим на силуэт Абдулхамида II, со слегка мятой феской. «Националиста» представлен фигурант в традиционной шапке-черкеске. «Кемалист» легко узнаваем благодаря характерным очертаниям лица Мустафы Кемаль-паши. «Нейтральный» характеризуется правильным

расположением головы и фески, а «иттихадист» отличается незначительным наклоном головы и кисточкой фески, расположенной сзади. Данная карикатура высмеивала кемалистов, демонстрируя их чужаками, которые носили головной убор, не характерный для представителей других политических течений. На карикатуре «кемалист» и «социалист» смотрели в одну точку, что должно было продемонстрировать схожесть их политических позиций. Это подтверждалось и другой карикатурой (*Рисунок 2*). На ней представлены образы Мустафы Кемаль-паши и советского дипломата С. И. Арапова, запечатленные в атмосфере доверительного общения¹³⁹. Это художественное решение направлено на утверждение идеи о тесной связи между руководством кемалистского движения и советскими коммунистами. Подобная трактовка была активно растиражирована газетой “*Peyam-ı Sabah*”, где подобные ассоциации использовались для формирования негативного образа кемалистов как агентов влияния Москвы.

Рисунок 2. Карикатура «На анкарском банкете» журнала “Aydede” от 13 марта 1922 г. Aydede. 13 Mart 1922. S. 3.

Другой темой, подвергшейся сатирическому осмыслению в журнале “*Aydede*”, стали взаимоотношения Мустафы Кемаль-паши с населением страны.

¹³⁹ Aydede. 13 Mart 1922. № 21. S. 3.

Карикатура под названием «Ответ» (*Рисунок 3*)¹⁴⁰ демонстрирует диалог между крестьянином и лидером кемалистского движения Мустафой Кемаль-пашой. Крестьянин, вооруженный вилами и курящий сигарету, язвительно парирует тезис Кемаль-паши о том, что «крестьянин – цвет нации и истинный хозяин Анатолии» словами: «О, конечно, взглянули бы вы на мою рогатину, да и поняли бы сразу, кто тут хозяин». Этот рисунок раскрывает скрытый антикемалистский потенциал крестьянства, подчеркивая способность простых жителей выступить против власти, если почувствуют несправедливость или неудовлетворенность своим положением. Подтекст карикатуры вскрывает напряженные и далеко не идиллические отношения между правительством кемалистов и сельским населением, обнажая глубинные социальные конфликты эпохи. Известный турецкий писатель Якуб Кадри Караосманоглу (1889–1974) изобразил в своем романе «Чужак» (*Yaban*) диалог между молодым интеллигентом и крестьянами, которые и не думали сражаться за Кемаль-пашу. На вопрос о том, почему они, «будучи турками» не воевали, крестьяне ответили: «А мы не турки... мы, слава Аллаху, мусульмане»¹⁴¹, тем самым показывая неоднозначность отношений крестьян-мусульман и кемалистов: из ответа крестьянина совершенно непонятно, к кому апеллировали сторонники Кемаля.

¹⁴⁰ Aydede. 9 Mart 1922. S. 3.

¹⁴¹ Kadri Karaosmanoğlu Y. *Yaban*. İstanbul: İletişim Yayıncılı, 2024. S. 116.

Рисунок 3. Карикатура «Ответ» из журнала “Aydede” от 9 марта 1922 г.

Aydede. 9 Mart 1922. S. 3.

Объектами нападок со стороны журнала “Aydede” были не только кемалисты, но и этнокофессиональные меньшинства, в том числе греки. Примером может служить карикатура «Последние рассказы прошлой недели» от 9 ноября 1922 г. уже после победы кемалистов в Освободительной войне. На иллюстрации представлена остроумная игра слов вокруг выражения «фонарное шествие» (*Fener alayı*, *Рисунок 4*)¹⁴². Верхняя часть рисунка изображает традиционное уличное мероприятие с зажженными фонарями, тогда как нижняя сцена представляет священнослужителя православной церкви, возглавляющего колонну, несущую его личные пожитки. Через ассоциацию названия района Фенер в Константинополе (месторасположение Константинопольского патриархата), авторы сатиры указывают на двусмысленность положения греческого патриарха, чьи перемещения сопровождаются многочисленной свитой и громоздким багажом.

¹⁴² Aydede. 9 Teşrin-i Sani 1922. S. 1.

Таким образом, карикатура высмеивает фигуру Константинопольского патриарха, подчеркивая ее излишнюю претенциозность и оторванность от реальности.

Рисунок 4. Карикатура «Последние рассказы прошлой недели» из журнала
“Aydede” от 9 ноября 1922 г. Aydede. 9 Kasım-i Sani 1922. S. 1.

В целом, журнал “Aydede” представлял собой попытку ответить на кемалистскую карикатурную пропаганду, которая пользовалась популярностью и была широко представлена. Несмотря на использование карикатурных образов, стамбульская пропаганда слишком поздно взяла данный инструмент на вооружение, так как в 1922 г. кемалисты одержали окончательную победу в Освободительной войне. Тем не менее она не смогла противостоять кемалистской пропаганде и применить должным образом имевшиеся на руках ресурсы. В то же

самое время нельзя говорить и о том, что стамбульское правительство не пыталось привлечь на свою сторону массы. Печатные издания Али Кемаля и Рефика Халида имели определенный отклик среди населения, поэтому кемалистские издания вынуждены были противостоять стамбульской пропаганде, используя карикатурные образы и символы для гротескного показа главных редакторов “Aydede” и “Peuyam-ı Sabah”.

Турецкая пропаганда периода войн и революций прошла через несколько этапов становления: от растерянности в период Балканских войн до уверенности в себе и обретения роли важнейшего инструмента объединения страны во время Освободительной войны 1919–1922 гг. Пропаганда пережила несколько важных для себя преобразований. Поиск «своей» идеологии при младотурках, а также создание тройной идеологической основы (пантюркизм, панисламизм и национализм) стали важными вехами для турецкой пропаганды, так как именно эти тренды и определили развитие идеологической мысли. Используя в период Первой мировой войны такие издания, как “Harb Mescuası”, “Cihan-ı İslam”, младотурки задействовали весь спектр идеологем, имевшихся на тот момент у них в арсенале. Хотя османская пропаганда была менее эффективна по сравнению с пропагандой держав Антанты, ее инструменты позволили в дальнейшем заложить основу для кемалистской пропаганды, которая, несмотря на общность проблем с младотурками, смогла выкристаллизовать свою идеологию. К 1922 г. кемалисты всё активнее продвигали идеи национального самосознания, однако для мобилизации всех жителей Анатолии на борьбу с интервентами они использовали любой доступный метод ведения пропагандистской войны, в том числе газеты и журналы.

Кемалистская пропаганда во время войны столкнулась с первым для себя вызовом: необходимостью противостоять султанскому аппарату влияния, который ратовал за заключение договоренностей с интервентами. Было видно, как разделение общества на сторонников и противников Кемаль-паша отразилось и на машине идеологического давления. Разделенное общество вынуждено было

выбирать, за кем следовать. При этом кемалисты оказались более успешными. Идея войны против иностранных интервентов, а также необходимость защиты своей страны стали основополагающим лейтмотивом кемалистской пропаганды времен Освободительной войны. В то же время идеологически она не отличалась новизной, используя апробированные еще во времена Первой мировой войны идеологемы.

Газетная пропаганда кемалистов характеризовалась неоднородностью. С одной стороны, в прессе за сторонников Кемаль-паши выступали пантюркисты, но, с другой стороны, кемалисты сами использовали не только тюркисткие, но и националистические, а также исламистские идеи. Несмотря на наличие идеологической какофонии, стоит отметить, что газеты концентрировались вокруг одной единственной фигуры, которая должна была спасти Анатолию от иностранной интервенции – Мустафы Кемаль-паши.

После основания республики в 1923 г. кемалистская пропаганда монополизировала турецкое информационное поле. Тем не менее имевшиеся на тот момент политические разногласия способствовали разделению турецкого политического общества на несколько конфликтовавших между собой партий: Народно-республиканскую партию (основанную Мустафой Кемаль-пашой и возглавляемую его верным соратником Исмет-пашой) и Прогрессивную республиканскую партию (возглавляемую Кязымом Карабекиром). После победы над султанской пропагандой кемалистская риторика вынуждена была противостоять оппозиционной печати для укрепления своих позиций и для недопущения перехода власти от кемалистов к другим политическим силам. Поэтому период второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. представлял собой пространство противоречий между кемалистами и оппозицией не только на политической арене, но и на информационном поле.

Глава 2. Внутренние вызовы кемалистской пропаганды середины 1920-х – начала 1930-х гг.

После победы в Освободительной войне 1919–1922 гг. кемалисты оказались в положении доминирующей силы внутри страны: они контролировали парламент и органы политической власти, были окружены ореолом славы освободителей от иностранной интервенции. Тем не менее практически сразу после победы над греками сторонники Мустафы Кемаль-паши вновь столкнулись с внутренней оппозицией, исходившей не от сторонников султана, а от офицеров высшего звена, еще недавно командовавших вместе с Кемалем турецкими войсками. Такие военачальники как Кязым-паша Карабекир, Рефет-паша, Али Фуад-паша и Хюсейн Рауф-бей были популярны в народе, как сторонники Гази, и именно они основали в 1924 г. Прогрессивную республиканскую партию (ПРП, *Terakkiperver Cumhuriyet Firkası*), деятельность которой могла стать препятствием в реализации реформ. Борьба с ПРП стала для кемалистского правительства важной не только с политической, но с идеологической и пропагандистской точек зрения. ПРП, в отличие от Народно-республиканской партии (НРП), выступала против реформ и не соглашалась с позицией Кемаль-паши по религиозному вопросу¹⁴³ (п. 2.1).

После подавления восстания шейха Саида и разгона Прогрессивной республиканской партии в 1925 г. кемалисты принялись за цементирование своей идеологии и усовершенствование своего пропагандистского инструментария. 36-часовая «Речь» (Nutuk) Мустафы Кемаль-паши, произнесенная с 15 по 20 октября 1927 г. перед депутатами Великого национального собрания Турции (ВНСТ), стала квинтэссенцией кемалистской пропаганды, так как именно она формировала нарративы и мифы об «уникальности» кемалистов, о том, что именно Мустафа Кемаль-паша – единственный военачальник, который смог реализовать идею

¹⁴³ Подробнее о становлении и программе ПРП см: Sürçü B. İlk bölümme: Terrakiperver Cumhuriyet Firkası'nın doğuşu // Turkish Business Journal. – 2022. – № 3(6). S. 1–28. Zürcher E.J. The Progressive Republican Party of 1924–25: Reactionaries, Conservatives, or Moderates? // European Journal of Turkish Studies. – 2021. – № 33 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/7676> (дата обращения: 02.06.2023).

национально-освободительного движения, сплотить нацию и разгромить врагов. Тем самым важность других командиров нивелировалась. Кемаль изображался единственным, кто оказался способен к ведению боевых действий против внешних интервентов. Вместе с этим, на вторую половину 1920-х гг. пришла раскрученная кемалистской пропагандой кампания по преобразованию алфавита и языка, а также начало использования радио, как инструмента пропаганды. Все это позволяет понять, какими идеологемами и инструментарием обладали кемалисты в своем арсенале к началу 1930-х гг. – периода «высокого кемализма» (*n. 2.2*).

Несмотря на становление кемалистской пропаганды к концу 1920-х гг., ей пришлось столкнуться еще раз с внутренней оппозицией, исходившей на этот раз со стороны Свободной республиканской партии (СРП, *Serbest Cumhuriyet Firkası*) Али Фетхи (Окьяра). СРП, как и ПРП до нее, выступала с позиций критиков реформ и настаивала на необходимости постепенной трансформации турецкого общества и введения рыночной экономики в Турции. Партия активно использовала свои печатные издания, в частности в арсенале у нее имелась своя собственная газета “*Serbes Cumhuriyet*” (Свободная республика), которая, как и политическая партия, просуществовала меньше года. Тем не менее риторика, которая использовалась как в оппозиционной газете, так и в проправительственных изданиях, отличалась взаимным неприятием друг друга. Устранение СРП как противоположного кемалистам «полюса» открыло дорогу к доминирующему положению кемализма в турецкой пропаганде, не оставив ни единого шанса ни одной из потенциальных оппозиционных сил для возможности формирования своей идеологической повестки, а также для окончательного создания надлежащих пропагандистских механизмов для борьбы с кемализмом (*n. 2.3*).

2.1. Противостояние кемалистов и сторонников Прогрессивной республиканской партии через призму пропаганды

При анализе истории турецкой пропаганды 1920-х гг. пример противостояния Народно-республиканской и Прогрессивной республиканской

партии является, на первый взгляд, достаточно очевидным. Упоминания о борьбе против оппозиции в «Речи» Мустафы Кемаль-паши, а также деятельность по дискредитации сторонников партии во время восстания шейха Саида и неудавшегося Измирского покушения говорили о возможностях кемалистской пропаганды противодействовать всяким неугодным им ресурсам. Тем не менее аппарат влияния Прогрессивной республиканской партии присутствовал, хоть и не так явно и очевидно, как в случае с кемалистами. Стоит выделить газету “*Tevhîd-i Efkâr*” (Единство идей) (2.1.1), занимавшего антиреспубликанскую и антикемалистскую позицию в своих статьях и редакционных колонках. На примере данной газеты можно проследить основные идеи и аргументы, которыми пользовались представители симпатизирующих ПРП изданий для того, чтобы показать несостоятельность политики кемалистов.

Впрочем, кемалистская пропаганда могла нивелировать потенциальный ущерб, который наносился ее оппонентом, и демонстрировала, как при помощи механизмов и рычагов управления прессой (2.1.2) можно было направлять пропаганду в нужное русло. В результате была организована мощная кампания по дискредитации представителей Прогрессивной республиканской партии, которая была названа одним из виновником дестабилизации обстановки в стране в 1925 г. во время восстания шейха Саида. Нarrативы, использовавшиеся кемалистской прессой при освещении данного события, демонстрируют, насколько кемалисты были уверены в своем успехе.

2.1.1. Пример оппозиционной кемалистам печати: Абдуррахман Велид Эбуззийя и газета “*Tevhîd-i Efkâr*”

Одним из наиболее активных изданий, которое противопоставляло себя кемалистам, считалась газета “*Tevhîd-i Efkâr*”, чьим владельцем и редактором был

Абдуррахман Велид Эбуззийя. Во время Освободительной войны 1919–1922 гг. он поддерживал кемалистов¹⁴⁴, однако провозглашение Турецкой Республики не принял и поддержал Прогрессивную республиканскую партию. Дальнейшая судьба главного редактора была трагической: после восстания шейха Саида в 1925 г. он был осужден Судом независимости, лишь в 1934 г. Эбуззийя смог вернуться к журналистской деятельности и скончался в 1945 г. Сама газета “Tevhîd-i Efkâr” была закрыта на следующий день после принятия так называемого закона «О поддержании порядка» (Takrir-i Sükûn Kanunu), то есть 5 марта 1925 г.

Публикации и деятельность самой газеты можно охарактеризовать как антикемалистские. Ее антиправительственная направленность проявились уже во время Лозаннских мирных переговоров, хотя до этого газета поддерживала национально-освободительное движение. Во время войны издание призывало бороться против иностранных интервентов¹⁴⁵. Так, на следующий день после подписания Лозаннского договора, который совпал с Праздником свободы 23 июля 1923 г.¹⁴⁶, а также с Курбан-байрамом, в выпуске газеты была опубликована копия мирного договора с заголовком: «Сегодня у нас праздник мира, настоящего спасения (*sic*) и Праздник независимости» (Рисунок 5)¹⁴⁷. С другой стороны, чуть ниже в тексте говорилось о том, что: «Турция сегодня увенчана короной независимости в присутствии народов. Наш народ, герой уммы Мухаммеда, заключает мир и кладет меч в ножны. Пусть Турция сядет на трон спасения перед народом, пусть это станет началом освобождения всего исламского мира»¹⁴⁸. Эта фраза показывала, что, несмотря на доминирование идей национализма, некоторые газеты продолжали использовать исламские идеи.

¹⁴⁴ Ersal A. Tevhid-i Efkâr Gazetesi Başyazarı Ebuzziya'yı Şark İstiklâl Mahkemesine Götüren Süreç // Belleten. – 2019. – № 83. – S. 337.

¹⁴⁵ Подробнее см.: Koçak M. Tevhid-i Efkâr Gazetesinin Millî Mücadele'ye bakışı (1921–1923). Yüksek Lisans Tezi. Marmara Üniversitesi Türkîyat Araştırmaları Enstitüsü, 2018.

¹⁴⁶ Праздник свободы (İyd-i Millî) – национальный османский праздник в честь возобновления действия Конституции Османской империи. Отмечался 23 июля каждый год с 1909 г. и продолжал праздноваться до 1935 г., когда, в соответствии со ст. 4 закона № 2739 от 27 мая 1935 г. этот праздник был отменен. Ulusal bayram ve genel tatiller hakkında kanun. Resmî Gazete. 1 Temmuz 1935. Sayı 3017. S. 411.

¹⁴⁷ Tevhîd-i Efkâr. 24 Temmuz 1923. S. 1.

¹⁴⁸ Tevhîd-i Efkâr. 24 Temmuz 1923. S. 1.

Рисунок 5. Первая страница газеты “Tevhid-i Efkâr” от 24 июля 1923 г. *Tevhid-i Efkâr*. 24 Temmuz 1923. S. 1.

Если изначально издание на своих страницах приветствовало подписание мирного соглашения, то в последующих выпусках все больше звучала критика в адрес правительства. Газета писала о том, что документ, хоть и был наиболее приемлемым вариантом компромисса, который мог быть достигнут в сложившихся исторических условиях, имел ряд недостатков¹⁴⁹. Подвергался критике глава турецкой делегации Исмет-паша. В редакционной статье от 10 августа 1923 г. отмечалось, что ему просто повезло, что он переехал в Анкару за три года до Лозанны, сформировал армию, одержал победы при Иненю, Сакаре и Измире. Если бы переговоры, по мнению газеты, начались сразу после побед, то в Швейцарии можно было достичь куда больших и лучших для Турции

¹⁴⁹ Tevhid-i Efkâr. 5 Ağustos 1923. S. 1.

результатов¹⁵⁰. Отмечалась и некоторая неуверенность делегации в своей работе. Так, один из журналистов утверждал, что договор мог бы быть заключен на более выгодных для правительства ВНСТ условиях, если бы турецкие власти проявили больше настойчивости во время переговоров в Лозанне по вопросу проливов¹⁵¹.

К обсуждению Лозаннского мирного договора подключился и главный редактор Велид Эбуззийя. Он отмечал трагизм договора для греков, показывая греческие амбиции в отношении Измира. По его словам, Лозанна – печальное место в греческой истории. Церемония подписания Лозаннского договора превратилась в похоронную процессию, на которой умерли великие греческие мечты¹⁵². В своей редакционной статье от 26 августа 1923 г. главный редактор рассматривал вопрос о ратификации Лозаннского договора парламентом. Утверждая, что в этих условиях лучший договор не может быть заключен, автор писал, что несмотря на его недостатки, ВНСТ рассмотрело текст договора в короткие сроки проголосовало за его ратификацию¹⁵³.

По словам Велида Эбуззийи, мир – это время строительства «здания, которое никогда не будет разрушено». Он также процитировал слова пророка Мухаммеда: «Мы вышли из маленького джихада, теперь мы вступаем в большой джихад». Велид подчеркивал, что мирное время труднее, чем военное. Во время войны руководство страны осуществляет чрезвычайные полномочия. В мирное время то, что разрушила война, исправляется, раны, нанесенные ею, залечиваются. Чтобы обеспечить людям процветание и спокойствие, правительство должно работать безостановочно. В этом случае оно должно продемонстрировать хорошее управление и действовать законно и разумно¹⁵⁴.

Участвовали в обсуждении Лозаннского мирного договора и представители так называемой «Второй группы»¹⁵⁵ во главе с Кязымом Карабекиром. Мэр

¹⁵⁰ Tevhîd-i Efkâr. 10 Ağustos 1923. S. 1.

¹⁵¹ Tevhîd-i Efkâr. 18 Ağustos 1923. S. 1.

¹⁵² Tevhîd-i Efkâr. 25 Temmuz 1923. S. 1.

¹⁵³ Tevhîd-i Efkâr. 26 Ağustos 1923. S. 1.

¹⁵⁴ Tevhîd-i Efkâr. 31 Ağustos 1923. S. 1.

¹⁵⁵ «Вторая группа» – принятый в турецкой историографии термин, обозначающий оппозицию кемалистской Народно-республиканской партии в период работы Великого национального собрания Турции в 1922–1923 гг.

Эрзурума, один из лидеров «Второй группы» в парламенте Хусейн Авни-бей кратко излагал на страницах издания свое мнение о Лозанне в интервью. После Мудросского перемирия «наш родной город был опустошен во всех отношениях, [находится] в отчаянии и лишен помощи»¹⁵⁶.

Газета систематически воспроизводила материалы зарубежных источников, освещавших события в Швейцарии, причем не только публикации западных СМИ и комментарии ряда авторов из исламской прессы. В частности, была опубликована декларация индийского мусульманского лидера Ага Хана относительно Лозаннского договора¹⁵⁷. В этом послании Ага Хан обратился к исламскому миру и заявил, что Франция и Великобритания, заключившие мир с Турцией, придерживаются идеи мирного сосуществования с мусульманской уммой¹⁵⁸. Согласно сообщениям, процитированным из индийской газеты “Bombay Chronicle”, мусульманская часть населения страны позитивно восприняло договор, подписанный Турцией¹⁵⁹.

Тем самым издание приветствовало заключение мира, как долгожданного и необходимого. На его страницах печатались поздравления от мусульман из Индии, а также перепечатывались статьи из зарубежных газет, где позитивно оценивалась роль Турции в Лозаннских переговорах. Газета, которая отреагировала на появившиеся в европейской прессе новости о восстановлении зон экономического влияния в Турции, утверждала, что страна полностью независима в использовании своих экономических ресурсов.

Когда представители «Второй группы» образовали Прогрессивную республиканскую партию 17 ноября 1924 г., Велид Эбуззийя приветствовал ее

Подробнее см.: Zürcher E.J. Cumhuriyetin İlk Yıllarında Siyasal Muhalefet Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası (1924–1925). İstanbul: İletişim Yayınları, 2021. S. 41.

¹⁵⁶ Tevhîd-i Efkâr. 29 Temmuz 1923. S. 1.

¹⁵⁷ Подробнее о халифатистском движении на Ближнем Востоке и в Индии, и о том, насколько активно оно поддерживалось см.: Кириллина С.А., Сафонова А.Л., Орлов В.В. «Имперский синдром»: концепция османского халифата на Ближнем Востоке и в Южной Азии (первая четверть XX в.) // Исторический вестник. – 2019. – Т. XXIX. – С. 216–239. Кириллина С. А., Орлов В. В., Сафонова А. Л. Халифатизм в панисламском идеином наследии: трансрегиональное измерение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020. – Выпуск 2. – С. 85–95.

¹⁵⁸ Tevhîd-i Efkâr. 31 Temmuz 1923. S. 1.

¹⁵⁹ Tevhîd-i Efkâr. 11 Ağustos 1923. S. 1.

появление и воспользовался возможностью раскритиковать НРП: «У Народной партии¹⁶⁰ есть очень важный недостаток; он заключается в том, что до сих пор она не создала и не сформулировала программу», в отличие от ПРП, которая практически сразу же после своего появления разработала свою программу¹⁶¹. Главный редактор газеты критиковал нападения на ПРП со стороны Народно-республиканской партии: «Сегодня появилась новая партия и присвоила себе название [Прогрессивной республиканской] ... но она снова не смогла понравиться этим хозяевам¹⁶². [НРП] сказала: “Мы республиканцы. Мы не можем никому отдать это название”»¹⁶³

На страницах газеты авторы, в том числе и сам Эбуззийя, дискутировали с поддерживавшими кемалистами мыслителями. Например, так он ответил на критику в адрес ПРП со стороны Ахмеда Агаоглу¹⁶⁴: «Какие права имеют те, кто, как и Агаев-бей¹⁶⁵, совершенно чужд для родины из-за своего имени, происхождения, вероисповедания и рода... Будут ли [всякие] Агаевы верными сыновьями нации, стражами республики, а Кязым Карабекир, Рауф, Али Фуат и многие другие герои [будут] считаться врагами Родины, противниками основ национальной независимости?»¹⁶⁶

Газета приветствовала назначение Фетхи-бэя 22 ноября 1924 г. премьер-министром Турции, отмечая, что его предшественник, Исмет, не отличался особыми дарованиями и подчеркивали, что оппозиционеры «знали, что Исмет-паша не сможет долго занимать свою должность»¹⁶⁷. В своей колонке Эбуззийя

¹⁶⁰ Имеется в виду Народно-республиканская партия.

¹⁶¹ *Tevhid-i Efkâr*. 18 Teşrinisani 1924. S. 1.

¹⁶² Имеется в виду правительство Народно-республиканской партии.

¹⁶³ *Tevhid-i Efkâr*. 19 Teşrinisani 1924. S. 1.

¹⁶⁴ Критика в адрес членов ПРП звучала на страницах газеты “Hâkimiyet-i Millîye”. Оценивая людей из ПРП, Агаоглу подчеркивает, что они победили благодаря Мустафе Кемаль-паше. Находясь вместе в мальтийском изгнании Рауф-бэя, Агаоглу говорил ему: «Анкара, Сивас и даже Эрзурум могут затихнуть. Но пока Мустафа Кемаль и Исмет... живут, будет успех. Верь в это!». *Hâkimiyet-i Millîye*. 20 Teşrinisani 1924. S. 1.

¹⁶⁵ Упоминание изначальной фамилии Ахмеда Агаоглу неслучайно, так как этот шаг призван был показать его чужеродность по отношению к Турции.

¹⁶⁶ *Tevhid-i Efkâr*. 19 Teşrinisani 1924. S. 1.

¹⁶⁷ *Tevhid-i Efkâr*. 23 Teşrinisani 1924. S. 1.

заявил, что «внезапная и неформальная отставка Исмет-паши вызвала недовольство и беспокойство у его сторонников»¹⁶⁸.

Идеологический базис Прогрессивной республиканской партии газета также получил освещение на страницах газеты “Tevhîd-i Efkâr”. Примечательна критика в адрес идеологии НРП, с которой выступил Велид Эбуззий в одном из выпусков газеты: «...Появился пьянящий поток [либерализма]. И это произошло быстро. Консерватизм, так называемые “черные силы”, также не предприняли ни малейших действий против этой внутренней свободы. В течение пятнадцати лет в Стамбуле он [либерализм] выступал против морали и чести (...), хотя он [либерализм] увеличивается с каждым днем... Были ли какие-либо доказательства того, что так называемый консервативный клан предпринимал какие-либо попытки [остановить либерализм]?»¹⁶⁹. Когда критики газеты говорили, что ее авторы не могли бы свободно писать свои идеи на страницах газеты, если бы не светское и либеральное правительство, Эбуззий отвечал, что «это утверждение ложно... мы категорически не согласны с тем, чтобы глава правительства говорил о свободе печати как о подачке для всех»¹⁷⁰.

Таким образом “Tevhîd-i Efkâr” представляла собой оппозиционно настроенную газету, которая поддерживала Прогрессивную республиканскую партию и выступала с критикой в адрес руководства Народно-республиканской партии. Антиправительственные настроения, которые содержались на страницах этого издания, не были направлены прямо против лидера страны Мустафы Кемаль-паши, однако она критиковала деятельность правительства Турции. Негативная оценка действий властей проявилась и во время восстания шейха Саида в 1925 г. Именно тогда наиболее четко проявилось противостояние кемалистов и оппозиционеров из ПРП, а кемалистская пропаганда смогла «приглушить» оппозиционные голоса, в частности закрыть “Tevhîd-i Efkâr”.

¹⁶⁸ Tevhid-i Efkâr. 3 Kânûnuevvel 1924. S. 1.

¹⁶⁹ Tevhid-i Efkâr. 19 Kânûnuevvel 1924. S. 1.

¹⁷⁰ Tevhid-i Efkâr. 21 Kânûnuevvel 1924. S. 1.

2.1.2. Пример борьбы кемалистов против оппозиции на страницах газет: восстание шейха Саида 1925 г.

Событием, которое сторонники жесткой линии в НРП и Кемаль-паша использовали для того, чтобы положить конец политической оппозиции в лице ПРП, стало перерастание недовольства курдов в вооруженное восстание к северу от Диярбакыра в феврале 1925 г. В пределах новых границ республики около 20% населения составляли курды, однако их автономия, которая была обещана лидерами националистов, в том числе и Мустафой Кемалем, не была упомянута в Лозаннском мирном договоре. Это, а также принятые секуляристские законы об упразднении халифата и шариатских судов 3 марта и 8 апреля 1924 г.¹⁷¹ стали большим разочарованием для курдов. В 1923 г. бывшие офицеры ополчения основали общество “Azadî” (Общество свободы), которое провело свой первый съезд в 1924 г.¹⁷² Одним из участников этого конгресса, чье выступление привлекло внимание, был шейх Саид, пользовавшийся большим влиянием среди племен заза.

Восстание, которое продолжалось до 27 апреля 1925 г., когда был взят в плен сам шейх Саид, сопровождалось политическими процессами, результатом которых стало устранение ПРП в качестве конкурирующей силы. Премьер-министр Али Фетхи обратился к лидерам оппозиции с просьбой добровольно распустить Прогрессивную республиканскую партию. В ответ на данный запрос был означен отказ со стороны представителей оппозиции, однако председатель ПРП Кязым Карабекир выразил свою поддержку политике правительства в ходе подавления восстания.

Подавление восстания широко освещалось в прессе. Оппозиционная правительству газета “Tevhîd-i Efkâr” в лице своего главного редактора Велида Эбуззийи рассматривала его как «британское подстрекательство из-за мосульского вопроса»: «Вот результат, которого британцы политически не смогли добиться,

¹⁷¹ Подробнее см.: Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М.: Квадрига, 2017. С. 116–119.

¹⁷² Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. L. and N.Y.: I.B. Tauris, 2017. P. 171.

теперь они пытаются решить его при помощи кровавых событий и убийств»¹⁷³. Заявления правительства редакция газеты воспринимала в штыки и не принимала их. Эбуззийя писал следующее: «Есть момент, который следует учитывать, а именно то, что эти движения повторялись много раз со времен конституционной власти¹⁷⁴... Так и нынешнее движение относится только к этому времени»¹⁷⁵.

По мере того, как начали появляться сообщения о восстании шейха Саида, постепенно приходило осознание серьезности ситуации. В газете “Vakit” (Время) ее главный редактор и владелец Мехмет Асим-бей (Ус) так описывал события: «Повстанческое движение... с каждым днем приобретает все большее значение. В те дни, когда это событие впервые произошло в типографии, оно выглядело как обычный бунт... Но теперь кажется, что истина совсем не такова»¹⁷⁶.

Кемалистская пропаганда использовала речи шейхов других курдских племен, чтобы показать несостоенность восстания и продемонстрировать отсутствие солидарности среди курдов. Один из таких вождей Кёроглу Шабан-ага сказал в интервью газете “Vakit”: «Шейх Саид и его свита восстали против нашего Аллаха»¹⁷⁷. Другой вождь Диаб-ага также выразил свое отношение: «Я не видел лица шейхов и не слышал их слов. Мы не хотим их видеть, но пусть наши жизни будут принесены в жертву ради нации. Клянусь, мы были удивлены, откуда взялся этот предатель»¹⁷⁸. Помимо этого поступали сообщения от таких племен, как Варто, Нусайбин, Пюлюмюр, которые осуждали восстание шейха Саида и заявляли о своей лояльности правительству¹⁷⁹.

Для радикальных мер нужен был решительный премьер-министр и Фетхи-бей 3 марта 1925 г. был смешен с поста председателя правительства. Довольно длинной редакторской колонкой (*Рисунок 6*)¹⁸⁰ отозвалась на это событие газета “Vakit”: «Фетхи Бей был отстранен от власти. Мы не должны удивляться этой

¹⁷³ Tevhid-i Efkâr. 23 Şubat 1925. S. 1.

¹⁷⁴ Имеется в виду Второй Конституционный период 1908–1918 гг.

¹⁷⁵ Tevhid-i Efkâr. 25 Şubat 1925. S. 1.

¹⁷⁶ Vakit. 25 Şubat 1925. S. 1.

¹⁷⁷ Vakit. 27 Mayıs 1925. S. 1.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Vakit. 3 Mart. 1925. S. 1.

¹⁸⁰ Vakit, 4 Mart 1925. S. 1.

отставке... Если идейные деятели, выступавшие против мятежа молодежи и жертв азана в кабинете Фетхи-бя, действительно получали информацию от газетных репортеров, то заявителю следовало подать в отставку еще до того, как он вступил во фракцию [НРП]. Говорят, что Джемиль-бей¹⁸¹, заместитель Фетхи-бя по внутренним делам, был сторонником политики насилия, в то время как глава кабинета министров, напротив, был ее противником. Как же тогда господин Фетхи смог продолжать исполнять свои обязанности с самого начала события? Почему один из них не ушел в отставку?»¹⁸²

В колонке критиковалась нерешительность кабинета министров: «Опять же, было сказано, что разногласия в кабинете Фетхи-бя были между заместителем министра внутренних дел и главой кабинета министров... кабинет Фетхи-бя еще до того, как произошел инцидент, обратился ко “Второй группе”. Как же тогда две противоположные по взглядам группы, которые придерживались идей и взглядов в совершенно иной форме и характере, могли ладить друг с другом? Здесь немного сложно понять этот момент...»¹⁸³

Впрочем, продолжал автор колонки, «если бы целью правящей Народной партии было заставить Фетхи-бя уйти в отставку, не было бы необходимости собирать фракцию... Тот факт, что несколько человек, находившихся в кабинете министров, были разделены на две отдельные группы, мог быть достаточным для ухода Фетхи-бя. Тогда я задаюсь вопросом, почему не была объявлена отставка Фетхи-бя, а была продемонстрирована необходимость поддержки со стороны Народной партии? Фетхи-бей придерживался своего собственного мнения, но он не мог защитить интересы обеих сторон от критики. У него не оставалось другого выхода, кроме как покинуть кабинет [министров]. Вопрос, который сейчас на повестке дня – это новая ситуация, которая возникнет как в Народной партии, так и в Прогрессивной республиканской партии после отставки Фетхи-бя. На сегодняшний день в Великом национальном собрании существуют две отдельные

¹⁸¹ Имеется в виду Мехмед Джемиль (Уйбадын), министр внутренних дел в 1925–1927 гг.

¹⁸² Vakit. 4 Mart 1925. S. 1.

¹⁸³ Ibid.

фракции... Они [фракции] доверяли правительству Фетхи-бея¹⁸⁴. Тем самым, газета и ее главный редактор прямо обвиняли правительство Фетхи-бея в нерешительности и в симпатиях к Прогрессивной республиканской партии.

Рисунок 6. Первая страница газеты “Vakit” от 4 марта 1925 г. с редакторской статьей по поводу деятельности Фетхи-бея в качестве премьер-министра Турции (справа). *Vakit*, 4 Mart 1925. S. 1.

В правительственном заявлении об организации Судов независимости¹⁸⁵

говорилось следующее: «Наше правительство, которое заявило о своем решении

¹⁸⁴ *Vakit*. 4 Mart 1925. S. 1.

¹⁸⁵ Суды независимости – суды, наделенные высшими полномочиями законом «о Судах независимости», принятым 11 сентября 1920 г. для расследования антиправительственных дел. В истории раннереспубликанской Турции было три периода деятельности Судов независимости: 11 сентября 1920 г. – конец 1922 г., декабрь 1923 г. – февраль 1924 г. И 7 марта 1925 г. – 7 марта 1927 г. Подробнее о судах Независимости см.: Aybars E. İstiklal Mahkemeleri. Atatürk Ansiklopedisi. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/detay/695/C4%00stiklal-Mahkemeleri> (дата обращения 10.01.2024).

сделать ставку на Суд независимости еще 31 июля, считает целесообразным немедленно организовать и ввести в действие Суд независимости в зоне боевых действий. Работа требует, чтобы даже смертные приговоры, вынесенные этим судом, были исполнены в соответствии со ст. 5 того закона [«о Судах независимости»] без одобрения ВНСТ, который объявил ситуацию чрезвычайной. Кроме того, в высшей степени важно, чтобы объявленная мобилизация была направлена на обеспечение безопасности нации и Республики, а также на обеспечение безопасности и защиты различных видов пропаганды, в целях обеспечения стабильности... в соответствии со ст. 1, решения о казни должны быть одобрены ВНСТ и должны быть разрешены к предложению Окружного суда, штаб-квартира которого находится в Анкаре»¹⁸⁶.

Уже после подавления восстания Суды независимости обратились к делу ПРП. Суд независимости Диярбакыра закрыл все отделения партии в регионе на том основании, что они имеют отношение к восстанию. Позже анкарский Суд независимости в ходе своего расследования, проведенного в отношении оппозиционной партии, установил, что ислам использовался в ее пропаганде. После этого Совет министров официально закрыл ПРП вместе со всеми ее филиалами в стране на основании полномочий, предоставленных ему законом.

В газете “Cumhuriyet” от 5 июня 1925 г. говорилось, что политическая жизнь Прогрессивной республиканской партии была прекращена и постановлением Совета министров было принято решение о закрытии партии. В этом указе было подтверждено, что «... в результате разбирательства, проводимого в суде Независимости в Анкаре, было подтверждено, что... некоторые люди, которые состояли в партии, были привлечены к ответственности»¹⁸⁷. В статье также говорилось о том, что «по той же причине в Суде независимости в Диярбакыре было объявлено, что отделения Прогрессивной республиканской партии были закрыты»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Vakit. 5 Mart 1925. S. 1.

¹⁸⁷ Cumhuriyet. 5 Haziran 1925. S. 1.

¹⁸⁸ Ibid.

Официальные власти после восстания шейха Саида и создания Судов независимости действовали решительно по отношению к оппозиции, запретив как Прогрессивную республиканскую партию, так и симпатизировавшую ей газету “Tevhîd-i Efkâr”. Все это явно демонстрировало политическую и идеологическую консолидацию, а также концентрацию пропагандистских механизмов и методов воздействия на общественное мнение в руках кемалистов. Середина 1920-х гг. стала временем формирования однопартийности, а также действенных идеологических и связанных с ними пропагандистских мер для популяризации кемалистских реформ, которые продолжали осуществляться на протяжении второй половины 1920-х гг. Для успешного взаимодействия с населением нужно было не только использовать доступные на тот момент средства и методы пропаганды, но также и задействовать новые механизмы, которые могли бы еще больше расширить охват пропагандистских кампаний.

2.2. Начало становления «высокого кемализма» во второй половине 1920-х гг.

После подавления восстания шейха Саида и раскрытия Измирского заговора НРП начала курс на консолидацию населения путем внедрения новых приемов в пропаганде. В частности, кемалисты решили сочетать реформы и пропагандистские кампании для получения большего эффекта от производимых в стране изменений. Для того, чтобы придать преобразованиям дополнительный импульс, необходимо было выкристаллизовать официальную государственную идеологию и сделать ее актуальной для событий второй половины 1920-х гг. Важной вехой стала «Речь» Мустафы Кемаль-паши (2.2.1). Она принесла свои плоды – пропагандистские кампании конца 1920-х гг. имели четкую идеологическую направленность. Это касалось, прежде всего, языковой реформы (2.2.2). На фоне все большей идеологизации во второй половине 1920-х гг. имели место поиски новых пропагандистских средств, которые должны были стать

общедоступными для всех жителей Турецкой Республики. Именно в тот период начинает получать распространение радио (2.2.3). Радиотехнологии и радиопередачи уже были популярны в странах Запада, однако в Турции путь радио был запоздалым. Тем не менее начало радиопередач в Турецкой Республике говорило о желании кемалистов диверсифицировать свой пропагандистский арсенал и задействовать как можно больше инструментов для распространения своих идей.

2.2.1. «Речь» Мустафы Кемаля и ее значение для турецкой пропаганды конца 1920-х гг.

Мустафа Кемаль-паша произносил свою знаменитую речь (Nutuk) ежедневно в период с 15 по 20 октября 1927 г., затрачивая на каждое выступление в среднем 6 часов и 5 минут¹⁸⁹. Таким образом, общая продолжительность речи составила 36 часов и 31 минуту, что говорило о ее важности для Турецкой Республики. Перед тем как зачитать «Речь», Кемаль, открывая Конгресс, заявил следующее: «...Наш Большой Конгресс, открытие которого я приветствую сегодня, является вторым... после Конгресса в Сивасе¹⁹⁰... Мы постараемся прийти к решениям, которые наиболее верны для будущего и наилучшим образом соответствуют потребностям родной страны... Господа, прежде чем мы обменяемся мыслями о будущих мерах, я считаю своим долгом сообщить о событиях прошлого и отчитаться перед нацией за нашу многолетнюю работу. Мои заявления, которые будут касаться истории девятилетнего цикла, наполненного событиями, займут много времени»¹⁹¹.

В начале «Речи» возникает ощущение полного «окружения» и безысходности ситуации с освободительным движением: враги были повсюду, в

¹⁸⁹ Kılıç M. Büyük Nutuk'un Cumhuriyet Tarihindeki Yeri ve Önemi // Türk Dünyası Araştırmaları. – 2019. – № 121 (238). – S. 119.

¹⁹⁰ Утверждение, что конгресс в Сивасе был I съездом НРП, является искусственным искажением истории. Тем самым Кемаль хотел придать Сивасскому конгрессу неделимый с НРП характер.

¹⁹¹ Hâkimiyet-i Milliye, 16 Teşrinievvel (Ekim) 1927, s. 1.

Стамбуле на престоле сидел «презренный» султан Мехмед VI Вахидеттин, «державы Антанты не уважают условий перемирия. Их армия и флот под разными предлогами находятся в Стамбуле. Аданский вилайет занят французами; Урфа, Мараш, Айнаб – англичанами. В Анталии и Конье сосредоточены итальянские войска. Английские части занимают Мерзифон и Самсун¹⁹². Иностранные офицеры и чиновники, так же как и их частная агентура, всюду развивают свою деятельность. Наконец 15 мая, то есть за четыре дня до даты, которую мы приняли за исходный пункт настоящего повествования, греческая армия с согласия держав Антанты высаживается в Измире»¹⁹³. Никаких комментариев относительно начала национально-освободительного движения Кемаль не давал. Он акцентировал внимание исключительно на дате своей высадки в Самсун, то есть 19 мая 1919 г., игнорируя инцидент, который потом станет символической отправной точкой начала движения за независимость – выстрел журналиста Хасана Тахсина, именуемый в турецкой историографии как «Первый выстрел» (*İlk Kurşun*)¹⁹⁴, тем самым Мустафа Кемаль концентрировал все внимание слушателей исключительно на своей персоне, на то, что он делал в начальный период войны.

В начале своего повествования Кемаль отрицательно обрисовывает греческую оккупацию, говоря, например, об организации «Маври Мира» (Mavri Mira, греч. «Черная дверь» или «Секретная дверь»)¹⁹⁵, созданной «при константинопольском патриархате, занималось вербовкой банд, организацией митингов и пропагандой в вилайетах. В то же время греческий Красный крест и официальная комиссия по эмигрантским делам всячески поддерживают эту работу «Маври Мира». Повсюду пополняются кадры юношеских отрядов греческих школ,

¹⁹² Любопытно отметить, что в переводе «Речи» на русский язык под редакцией известного советского историка-турколога Е. Ф. Лудшувейта вместо Самсуна упомянут «Константинополь», хотя в оригинале дается именно Самсун. Кемаль-Ататюрк М. Путь новой Турции, 1919–1927. Т. 1: Первые шаги национально-освободительного движения, 1919. М.: Государственное издательство Литиздад Н.К.И.Д., 1929. С. 5.

¹⁹³ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2015. S. 31.

¹⁹⁴ «Первый выстрел» (*İlk Kurşun*) – инцидент, произошедший 15 мая 1919 г. в Измире. Во время высадки греческих войск турецкий журналист Хасан Тахсин выстрелил в греческого знаменосца. Ответным огнем он был убит. Событие считается отправной точкой Освободительной войны 1919–1922 гг. Подробнее о «Первом выстреле» см.: Vural M. K. Belgelerin Gözünden Hasan Tahsin Ve “İlk Kurşun” Meselesine Yeniden Bakmak // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2011. – № 35 (100). – S. 377–414.

¹⁹⁵ Подробнее об организации см.: Yılmaz A. Y. Millî Mücadele Döneminde Cemiyetlerden Bazıları ve Kuruluş Nedenleri // Turkish Studies-Social Sciences. – 2020. – № 15(6). – S. 3257–3272.

руководимые “Маври Мира”, причем в них заключаются юноши старше двадцати лет»¹⁹⁶.

Впрочем, Кемаль не ограничивался критикой греческих интервентов и других иностранцев. Так, в «Речи» Мустафа Кемаль также обращал внимание на неудачи турецких организаций, которые стояли у истоков национально-освободительного движения. Упоминались организации, созданные на западе Турции (например «Фракия-Пашаэли» (Trakya-Paşaeli), обладавшая своим печатным изданием¹⁹⁷) и на Востоке страны (Кемаль говорил о «Национальное общество защиты прав Восточных провинций» (Vilayatı Şarkiye Müdafaai Hukuku Milliye Cemiyeti)¹⁹⁸, а также «Национального общества защиты прав Трабзона» (Trabzon Muhabaza-i Hukuk-ı Milliye Cemiyeti)¹⁹⁹. Несмотря на их перечисление, Кемаль не называл их организаторов и слабо отмечал их вовлеченность в дело национально-освободительного движения, ограничиваясь лишь некоторым из упоминанием и лишь одной неудачной попытки сорвать высадку греческих войск в Измире: «В ту же ночь состоялся митинг жителей Измира на еврейском кладбище для пропаганды этой идеи²⁰⁰. Однако эта попытка не дала какого-либо положительного результата, так как уже на следующий день утром произошла высадка греческих войск»²⁰¹.

Кемаль рассматривал деятельность указанных организаций, освещая провозглашаемые ими идеалы и руководящие принципы, параллельно подвергая их обстоятельному критическому разбору. Эдирнцев он критиковал за попытку создания отдельной республики, эрзрумцев – за излишнюю оптимистичность²⁰², трабзонцев – за идею автономии от центрального правительства. Попутно Мустафа

¹⁹⁶ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2015. S. 31.

¹⁹⁷ Подробнее см.: Şalli H. Bölgesel Kurtuluştan Milli Mücadele'ye Edirne'nin Sesi: Trakya Paşaeli Gazetesi // Karadeniz Araştırmaları. – 2021. – № 18 (72). – S. 875–904.

¹⁹⁸ Подробнее см.: Şen İ. Vilayat-ı Şarkiye Müdafaai-i Hukuk-ı Milliye Cemiyeti Erzurum Şubesi'nin Kuruluşu Ve Atatürk'ün Cemiyete Katkıları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2000. – № 16 (47). – S. 537-559.

¹⁹⁹ Подробнее см.: Akbulut D.A. Muhabaza-i Mukaddesat ve Müdafaai-i Hukuk Cemiyeti Erzurum Merkezi Hey'etiyesi. Atatürk Ansiklopedisi. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/bilgi/muhabaza-i-mukaddesat-ve-mudafaai-i-hukuk-cemiyeti-erzurum-merkezi-heyetiyesi/> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁰⁰ Имеется в виду протест против оккупации.

²⁰¹ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2015. S. 32.

²⁰² Ibid. S. 33.

Кемаль описывал не только турецкие организации. Упоминалась также курдская организация, целью которой было «создать курдское государство под иностранной протекцией»²⁰³, а также исламская организация в Конье²⁰⁴. Все они подверглись критике со стороны Мустафы Кемаля.

Все это делалось Кемалем для того, чтобы подчеркнуть собственную исключительную роль и компетентность и представить себя как единственного национального лидера, который мог спасти Турцию: «Можно спросить – как те, кто послал меня в Анатолию, в целях изгнания из Стамбула, могли облечь меня столь широкими полномочиями. Я спешу прибавить, что, предоставляя их мне, они не отдавали себе отчета в том, что делали»²⁰⁵.

Султана-халифа Мехмеда VI Кемаль называл не иначе как «предателем»: «Султан-халиф имел только одну заботу: найти средства для спасения своей жизни и обеспечения своего покоя. Члены его правительства испытывали то же желание. Нация, пока еще не сознавая это, была лишена главы государства и ввергнута в неизвестность и мрак; она жила в ожидании событий. Некоторые уже начинали отдавать себе отчет в ужасных размерах катастрофы и намечали, каждый по-своему, меры спасения»²⁰⁶. Военные «еще не осознавали изменения султана-халифа. Больше того, в силу внедрившихся в сознание религиозных представлений и традиций, они обычно верны трону и тому, кто его занимает. И вот, выискивая средства спасения, они, в силу укоренившихся традиционных представлений, были озабочены прежде всего сохранностью халифата и султаната, более чем собственной безопасностью. То, что страна может быть спасена без халифа и без султана, являлось идеей, которую они не были еще в состоянии постигнуть»²⁰⁷. Сами основы османского государства «были уже расшатаны... ее существование приходило к концу. Вся территория Османской империи была расчленена.

²⁰³ Подробнее см.: Altan B., Akbaş M., Çağlayan E. Kürdistan Teâli Cemiyeti'nin Şubeleri ve Bağlı Kuruluşları // Akademik Tarîh Ve Düşünce Dergisi. – 2018. – № 6 (1). – S. 313–339.

²⁰⁴ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayımları, 2015. S. 34. Подробнее об организации см.: İhsanoğlu E. Teâlî-i İslâm Cemiyeti // İslâm Ansiklopedisi 40. Cilt. 2011. S. 207–208.

²⁰⁵ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. İstanbul: Kaynak Yayımları, 2015. S. 36.

²⁰⁶ Ibid. S. 37.

²⁰⁷ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 37.

Оставался лишь один очаг, укрывавший горстку турок. И даже они – эти турки, стояли перед перспективой раздела... “Османское государство”, “независимость”, “султан–халиф”, “правительство” – все это уже превратилось лишь в слова, лишенные всякого смысла»²⁰⁸. Кемаль заявлял о необходимости принятия важного решения, а именно «создание нового турецкого государства, основанного на национальном суверенитете и пользующегося независимостью без всяких оговорок и ограничений»²⁰⁹.

В «Речи» критиковались религиозные деятели. Так, в тексте упоминался шейх Февзи-эфенди – представитель тариката Накшбандия, присутствовавший на Эрзрумском конгрессе, которого Кемаль раскритиковал следующим образом: «...разве можно было поручить работу, возложив ответственность за его [конгресса] успешное выполнение какому-либо представительному органу, который, в условиях общего развала страны, составился бы, по всей вероятности, из случайных людей, таких, как шейх Накшбенди из Эрзинджана или начальник племени Мутки, которые не имели никакого политического и военного опыта. Разве не было бы непоправимой ошибкой поручить им руководящую роль? Но, независимо от этого, переоценка в тех условиях положительной роли представительного органа была бы не чем иным, как обманом нации»²¹⁰.

Кемаль указывал на следующие итоги Эрзурумского конгресса, которые составляли «сущность моих взглядов по вопросам национально-освободительного движения Турции»: «Турция в пределах национальных границ составляет единое неделимое целое; нация должна единодушно бороться со всякой оккупацией и иностранным вмешательством». Также, если стамбульское правительство «окажется неспособным защищать независимость нации, Национальным конгрессом должно быть создано временное правительство для проведения в жизнь этих задач... Национальные силы должны быть доминирующим фактором в предстоящей борьбе, а воля нации должна быть единственным источником

²⁰⁸ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 38.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Ibid. S. 76.

суверенитета страны». Ликвидировались всякие привилегии христианам, которые могли бы «нанести ущерб нашему политическому суверенитету или нарушить социальное равновесие в стране». Также отвергались идеи «мандатной или протекторатной территории»²¹¹.

На протяжении всей «Речи» можно увидеть критику соратников по национально-освободительной борьбе. Так, например, Рефет-бей и Хюсейн Рауф показаны слабыми, неуверенными и неумелыми командирами, не до конца преданными делу национально-освободительного движения²¹². Отдельно Кемаль говорил про турецкого генерала Мерсинли Джемаль-пашу: «Отъезд в Стамбул по собственному желанию командира, который установил со мной такие отношения, никак не мог быть признан разумным актом»²¹³. Кемаль обвинил в малодушии и трусости некоторых губернаторов. Решид-паша, вали Сиваса, предлагал в телеграмме провести конгресс в Эрзеруме, так как место это было ни под чьей оккупацией²¹⁴, но Кемаль не уступил и конгресс прошел в Сивасе²¹⁵. Во время работы конгресса некоторые соратники Кемаль-паши – Рауф-бей и Бекир Сами-бей – отказались избирать Кемаля председателем Сивасского конгресса²¹⁶, что должно было продемонстрировать отсутствие единства среди соратников и наличие внутренней оппозиции²¹⁷.

Кемаль жестко критиковал Прогрессивную республиканскую партию, в частности ее программу, которую называл «работой самых коварных умов»: «Если бы учрежденная Рауф-беем и его товарищами партия приняла название “консервативной”, то в этом пожалуй можно было бы найти известный смысл... Можно ли было ожидать искренности от людей, которые установили следующий принцип: “Партия относится с уважением к религиозным мыслям и учениям”?

²¹¹ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 72–73.

²¹² Кемаль сравнивал себя с Рауфом, указывая на то, что сам он лучше бы утонул, чем стал бы пленником в Стамбуле. Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 51. Также примеры критики Хюсейна Рауфа во время национально-освободительного движения см.: Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 52.

²¹³ Ibid. S. 61.

²¹⁴ Ibid. S. 81.

²¹⁵ Ibid. S. 82.

²¹⁶ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 86.

²¹⁷ Ibid. S.87.

Разве этот принцип не был знаменем всех тех, которые веками преследовали личные цели, ловя на удочку и обманывая глупцов, фанатиков и суеверов?»²¹⁸

Кемаль приводил доказательства ретроградности и нелояльности ПРП. Основываясь на них, он давал очень жесткую и бескомпромиссную характеристику оппозиционной партии, которая «используя слова “прогресс” и “республика”» маскировали свои религиозные взгляды. Реакционность партии заключалась, по словам Кемаля, в том, что она «обратилась к нации со следующими словами: “Мы желаем восстановления халифата; мы не хотим никаких новых законов...”»²¹⁹, что было в высшей степени неверным шагом в развитии Турции по мнению турецкого президента. Мустафа Кемаль говорил о явной заговорщической деятельности партии, задавал вопрос: «Разве они [члены ПРП] не знали, что эти [реакционные] элементы организуют заговоры, стремясь вызвать в стране реакционное движение и всеобщий мятеж?»²²⁰ Под «всеобщим мятежом» президент Турции намекал на «Измирский заговор», которому дал характеристику как «совершенно недостойный» (*teşebbüs*) деятельности членов Прогрессивной республиканской партии, однако «карающая рука республиканского правосудия обрушилась на заговорщиков и освободила республику»²²¹.

После выступления Кемаля с речью перед II съездом НРП в кемалистской прессе начали появляться хвалебные отзывы о ней. В частности, на программные тезисы «Речи» отреагировал главный официоз кемалистской Турции – газета “Hakimiyet-i Milliye” статьей «Первый съезд Народно-республиканской партии сегодня в Национальном собрании будет проведен Гази, вождем народа»²²². Первая страница выпуска от 16 октября была посвящена открытию Конгресса и новостям, связанным с «Речью» (*Рисунок 7*)²²³: «Гази вчера в Национальном собрании провел большой съезд нашей партии. Он отчитался о своих действиях за 9 лет по спасению и возвращению Родины». В новостях также давалось краткое изложение «Речи».

²¹⁸ Gazi Mustafa Kemal Nutuk. S. 661.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid. S. 663.

²²¹ Ibid. S. 664.

²²² Hâkimiyet-i Milliye. 15 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

²²³ Hâkimiyet-i Milliye. 16 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

Рисунок 7. Первая полоса газеты “Hakimiyet-i Milliye” от 16 октября 1927 г.

Hâkimiyet-i Milliye. 16 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

На «Речь» откликнулись передовые турецкие мыслители и писатели того времени. Статьи таких авторов, как Махмуда Сойдана, Якуба Кадри и Ахмеда Агаоглу были опубликованы на протяжении шести дней в газете “Hakimiyet-i Milliye”. Мустафа Кемаль-паша был показан как «человек, который написал историю», что память о нем и его действиях во время Освободительной войны «будет выгравирована на бронзовых плитах истории»²²⁴. В статьях часто выражалась приверженность идеям турецкой нации о том, что республика, созданная путем объединения вокруг своего “отца”, будет жить в соответствии с принципами национального суверенитета²²⁵.

Якуб Кадри писал, что «Речь» – это «история не только Турецкой Республики, но и Народно-республиканской партии, откуда она [партия] пришла и

²²⁴ Hâkimiyet-i Milliye. 16 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1–2.

²²⁵ Hâkimiyet-i Milliye. 15 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

куда [в дальнейшем] пойдет»²²⁶. Юсуф Акчуря выпустил статью под заголовком «Он», в которой написал, что для него было большой честью видеть Мустафу Кемаль-пашу и особенно слушать его голос: «Он не спас турецкую Родину, в одиночку обрушившись на турецких врагов: он указал туркам правильный путь, показал туркам правду... Он создает новую жизнь для большей части сынов Адама, даже не только для большей части, но, возможно, для всех...»²²⁷ К всеобщему восхвалению присоединился и Махмуд Сойдан: «Ты внес свой вклад в историю Турции. И ты тот, кто написал ее и вложил в совесть нации! Ваша речь – это не просто история, она станет учебником, который покажет турецким детям национальные ценности и национальные цели будущего»²²⁸.

«Речь», прочитанная на Конгрессе НРП, освещалась в приоритетном порядке. В новостных сводках о конгрессе обычно отождествляли Мустафу Кемаль-пашу с республиканским режимом, подчеркивали, что любить Кемаля равносильно любви и принятию республиканского режима. Тем не менее не у всех тех, кто был связан с национально-освободительным движением, «Речь» Мустафы Кемаля вызвала восторг. В частности, одной из несогласных стала турецкая писательница, бывшая сторонница Кемаля, ушедшая в оппозицию к нему Халиде Эдип [Адывар], деятельность которой президент Турции раскритиковал в своей «Речи». Отповедь на ее интервью газете “Times” была дана в газете “Hakimiyet-i Milliye”: «Госпожа Халиде попыталась сфальсифицировать доверенность речи Гази в “Times”... было опубликовано заявление Халиде Эдип, искажающее речь Гази, в связи с чем директору лондонской газеты "Times" [редакцией газеты «Hakimiyet-i Milliye»] был дан ответ: "Жена доктора Аднан-бэя Халиде Эдип-ханым 21 декабря 1927 г. в газете “Times” опубликовала письмо с неточными формулировками. Мы [редакция] надеемся, что подлинные события [изложенные в «Речи»] будут поняты»²²⁹.

²²⁶ Hâkimiyet-i Milliye. 25 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

²²⁷ Hâkimiyet-i Milliye. 23 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1-2.

²²⁸ Hâkimiyet-i Millîye. 21 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

²²⁹ Hâkimiyet-i Milliye. 29 Teşrin-i Evvel 1927. S. 1.

Ведущие турецкие писатели и публицисты в едином идеологическом порыве хвалили речь, превозносили ее и, тем самым, создавали определенный культ, который станет основой идеологии 1930-х гг., эпохи «высокого кемализма». Всякая критика была недопустима, а на страницах газет ей давалась отповедь, что подтверждало консолидацию всех печатных органов Турции в деле восхваления «Речи». Единое мнение, которое транслировалось на страницах турецкой печати, отразилось и в освещении реформ, которые проводились в 1920-х гг. Так, реформа алфавита получила широкую огласку и пропагандировалась со страниц турецких газет и способствовала трансформации турецкого общества.

2.2.2. Языковая реформа в Турции. Реформа алфавита

Споры о необходимости реформы языка и алфавита в Турции восходят к периоду Танзимата. Ахмед Джевдет-паша и Муниф-паша подняли этот вопрос в 1850-х и 1860-х гг.²³⁰ Вопрос касался пригодности турецкого языка и сложности обучения чтению и письму по-турецки арабским алфавитом, в котором всего три гласные (а, и, ı) и нет букв, обозначающих гласные звуки²³¹ В 1920-х гг. турецкий алфавит все чаще становился частью идеологического проекта турецкой нации, который предшествовал дальнейшим языковым реформам и способствовал их проведению. Новый алфавит стандартизировал турецкую грамматику и орфографию. Это также облегчило процесс очищения языка (т.е. замещение арабской и персидской лексики) и способствовало распространению турецкого языка.

Главным аргументом в пользу реформы было то, что измененная система письма должна была помочь в борьбе с неграмотностью, которая рассматривалась как серьезное препятствие на пути прогресса. Конечно она была не просто

²³⁰ Подробнее о попытках преобразования времен Танзимата см.: Levend A.S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evteleri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1960.

²³¹ Подробнее см.: Yalçınkaya A., Kardaş A. Meşrutiyet Dönemi Osmanlı Aydınlarının Hurufat Ve Dil Meselesi Hakkındaki Bakışları // Tarih Ve Gelecek Dergisi. – 2023. – № 9 (2). – S. 420–442.

следствием сложности или непригодности арабской письменности для турецкого языка. Нехватка школ, методы обучения грамоте (заучивание наизусть, в частности, Корана), содержание материалов для чтения (включая позднее внедрение текстов на турецком языке в школьную систему) и разрыв между разговорным и письменным турецким языком – все это усугубляло проблему неграмотности²³², которая стала в итоге одной из главных целей сторонников реформы алфавита. Более функциональный и простой алфавит сделал бы печать удобной и дешевой, способствуя тем самым повышению грамотности и расширению читательской аудитории.

В последней крупной работе, написанной после победы кемалистов во главе с Мустафой Кемалем, Зия Гёкальп разработал «программу тюркизма», первым пунктом которой была языковая реформа. Он затронул эту тему, назвав «письменный язык Стамбула» искусственным созданием, «османским эсперанто». Гёкальп отрицал, что он когда-либо мог бы стать национальным языком турецкого народа. Он состоял из «словарей, грамматик и синтаксиса арабского, персидского и турецкого языков, собранных вместе»²³³. Он с горечью спрашивал: «Эта смесь искусственных излишеств – три разных слова для обозначения одного и того же, как минимум три грамматических правила для относительных падежей, например, и как минимум три формы определенной частицы – как это может быть естественным разговорным языком?»²³⁴ В этом отношении язык также отражал культурные особенности османского языка того времени: арабский и персидский языки считались более элегантными и утонченными, чем турецкий, из-за доминирования исламской культуры в империи. Националистическое движение, однако, было нацелено на переориентацию этой культуры на подлинно турецкую основу.

²³² В частности, об этом писал Б. Фортна в своей книге, посвященной проблемам образования в поздней Османской империи и в ранней республиканской Турции. Fortna B.C. Learning to Read in the Late Ottoman Empire and the Early Turkish Republic. London: Palgrave Macmillan, 2012.

²³³ Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. S. 106.

²³⁴ Ibid.

Гёкальп предложил сделать это в три этапа: 1) очистить язык, избавив его от «лишних» выражений и словосочетаний, взятых из арабского и персидского языков; 2) добавить «национальные выражения... которые письменный язык еще не распознает» и 3) принять такие международные выражения (в первую очередь технические термины), которые еще не были частью языка, но, вероятно, станут необходимыми, поскольку Турция займет свое законное место среди экономически и технически развитых стран²³⁵. В этом, как и во многих других отношениях, Гёкальп указал путь, по которому в последующие годы в целом следовал кемалистский режим.

Но, пожалуй, самое большое значение реформы алфавита заключалось в том, что она подготовила почву для дальнейших лингвистических изменений, которые наряду с националистической реформой истории ознаменовали апогей турецкого национализма. Всегда было трудно передавать турецкие слова и выражения традиционным арабским алфавитом. В результате «исконно турецкие слова выглядели почти как вторжение в язык общей исламской, то есть арабо-персидской, цивилизации». В этом отношении язык отражал состояние всей культуры²³⁶.

В первые годы существования республики сложился консенсус относительно необходимости языковой реформы, но вскоре появилась новая линия разлома. Предметами спора стали масштабы, глубина и пределы преобразований, а также разногласия по поводу роли государства в разработке генерального плана создания «идеального» турецкого языка. Радикалы и сторонники Гёкальпа собирались вовлечь друг друга в тотальную языковую войну на всех возможных направлениях, в том числе на своих заседаниях в Великом национальном собрании Турции. В этих дебатах кроются истоки создания Комиссии по языку (Dil Heyeti)²³⁷.

Хотя ВНСТ одобрил ее создание 20 марта 1926 г., назначение членов языкового совета было отложено, и Комиссия не могла начать свою деятельность

²³⁵ Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. S. 130–131.

²³⁶ Tachau F. Language and Politics: Turkish Language Reform // The Review of Politics. – 1964. – № 26 (2). – P. 194.

²³⁷ Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 278.

в течение следующего года²³⁸. Впервые о задержке стало известно в мае того же года, когда правительство объясняло финансовыми трудностями исключение из бюджета ассигнований на языковой совет. Решение правительства, должно быть, удивило депутатов парламента, а также общественность. Тот факт, что кабинету министров было поручено подготовить устав Комиссии и, по сути, назначить его первых членов, свидетельствовал о том, что в высших эшелонах власти Анкары к этому проекту отнеслись достаточно серьезно. Укрепление кемалистского режима и устранение его политических соперников в ходе судебных процессов 1926 г.²³⁹ породили надежды на начало новой серии кардинальных реформ в Турции.

Движение за латинизацию набирало обороты в течение оставшейся части 1926 г. и в начале 1927 г., что в итоге побудило кабинет министров обсудить этот вопрос. Правительственным декретом от 29 июня 1927 г. было утверждено положение о Комиссии по языку, подготовленное Министерством образования²⁴⁰, что являлось первым шагом к ее возрождению. После еще одной паузы 23 мая 1928 г. правительство, наконец, назначило комитет из девяти членов для «изучения метода введения латинских букв в [турецкий язык] и их применимости»²⁴¹.

Министерство образования реорганизовало Комиссию по языку, преобразовав его структуру и возложив на него новый круг задач и обязанностей. Новый устав, содержавший эти обязанности и внутренние процедуры, был утвержден правительством и президентом 5 декабря 1928 г. Согласно этому важному документу, Комиссия по языку (называемый Dil Heyeti, а не Dil Encumeni) управлялась центральным бюро (Merkezi Büro) с возможностью создания других органов управления. Центральное бюро состояло из семи членов, которые назначались непосредственно правительством²⁴².

²³⁸ Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 279.

²³⁹ Подробнее о процессах см.: Zürcher E.J. The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement, 1905–1926. Leiden: I.B. Taurus, 1984.

²⁴⁰ Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 280.

²⁴¹ Ibid.

²⁴² Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 282.

Согласно новому уставу, в задачи Комиссии по языкам входили:

- Подготовка или ввод в эксплуатацию руководства по грамматике турецкого языка для учителей, на основе которого впоследствии должны были составляться школьные учебники;
- Подготовка полного словаря турецкого языка;
- Публикация в своих бюллетенях турецких слов, которые используются [только] в народном языке или встречаются в древних текстах;
- Критика языковых новшеств, которые не соответствуют естественному развитию турецкого языка и обеспечение единообразия правописания;
- Предоставление Министерству образования информации о грамматике и пособиях для чтения;
- Проведение лингвистических и филологических исследований по турецкому языку и публикация их результатов²⁴³.

Мустафа Кемаль лично руководил пропагандистской кампанией в поддержку нового алфавита в течение нескольких месяцев, предшествовавших принятию парламентом закона об алфавите 1 ноября 1928 г. Он публично объявил о решении перейти на новый турецкий алфавит, выступая 9 августа 1928 г. с речью в Гюльхане. В последующие дни он участвовал в дебатах ученых, журналистов и политиков о новом алфавите, участвовал в заседаниях во дворце Долмабахче, на которых присутствовали члены Комиссии и некоторые ведущие писатели, поэты, журналисты, профессора, парламентарии и высокопоставленные чиновники республики, в том числе те, кто возражал против реформы. Эти встречи стали форумом для обсуждения нового алфавита, а также для достижения консенсуса. 29 августа собравшиеся в Долмабахче единогласно постановили, что «для спасения нации от неграмотности и невежества [cehalet] нет иного решения, кроме как отказаться от арабских букв, которые не подходят для ее языка, и перейти на турецкие буквы, взятые из латинского алфавита». Они также согласились с тем, что «алфавит, предложенный Комиссией, действительно является турецким

²⁴³ Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2008. – № 18 (3). – P. 283.

алфавитом. Его достаточно для удовлетворения всех потребностей турецкой общественности»²⁴⁴.

Согласно данным переписи, только 8,16% от общей численности населения Турции, составлявшего более 13 600 000 человек, были грамотны, в том числе 12,99% мужчин и 3,67% женщин²⁴⁵. В то время как перед системой образования стояла задача обучения детей новому алфавиту, правительство инициировало комплексный образовательный проект для взрослых граждан, направленный на обучение новым буквам при одновременном повышении уровня грамотности. Школы нации (Millet Mektepleri) стали значимыми факторами в деле распространения грамотности по всей Турции. Уровень грамотности населения старше семи лет вырос до 20,4% к 1935 г. (10,5% у женщин) и до 30,2% к 1945 г. (43,7% мужчин и 16,8% женщин)²⁴⁶. Школы нации были основаны в соответствии с «Положением о Школах нации» решением Совета от 11 ноября 1928 г.²⁴⁷, всего через десять дней после принятия закона парламентом, а первые из них открылись 1 января 1929 г. Их целью, как указано в Положении, было быстрое распространение грамотности в массах²⁴⁸. Оно обязывало всех граждан мужского и женского пола в возрасте от 16 до 40 лет, которые не умели читать и писать новыми буквами, посещать Школы нации. Предполагалось создать два типа курсов повышения грамотности: четырехмесячные школы для взрослых, которые никогда не учились читать и писать, и двухмесячные школы для обучения новым буквам тех, кто владел османской грамотой. Граждане, которые утверждали, что выучили новые буквы, могли быть освобождены от этих занятий, пройдя тест на грамотность.

Дополнительные меры вводились и для популяризации новой реформы. Плакат (*Рисунок 8*)²⁴⁹, изданный при помощи Народно-республиканской партии,

²⁴⁴ Yılmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey's 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – № 43 (4). – P. 680.

²⁴⁵ Ibid. P. 681.

²⁴⁶ Ibid.

²⁴⁷ Millet Mektebi Teşkilatı Talimatnamesi. Resmî Gazete, 24 Teşrinisani 1928. S. 2–12.

²⁴⁸ Ibid. S. 2.

²⁴⁹ Kurteu F. Türkiye'de Harf Devrimi: Latin Alfabetesine Geçişin Tipografik Dönüşümü. // Art-e Sanat Dergisi. – 2024. – № 17 (33). – S. 521.

подчеркивал простоту новых букв в отличие от старых, иллюстрируя, как одна буква в новом алфавите соответствует нескольким буквам и их различным формам в старом алфавите. На плакате было написано: «Старое письмо было очень сложным. Новая письменность облегчила обучение чтению и письму. Все учатся читать». Крестьянская пара, читающая газету “Hakimiyet-i Milliye”, как и другие изображения, которые часто использовались в пропагандистских материалах НРП, служили символическим приглашением всех граждан – мужчин и женщин из всех слоев общества – к освоению новой азбуки.

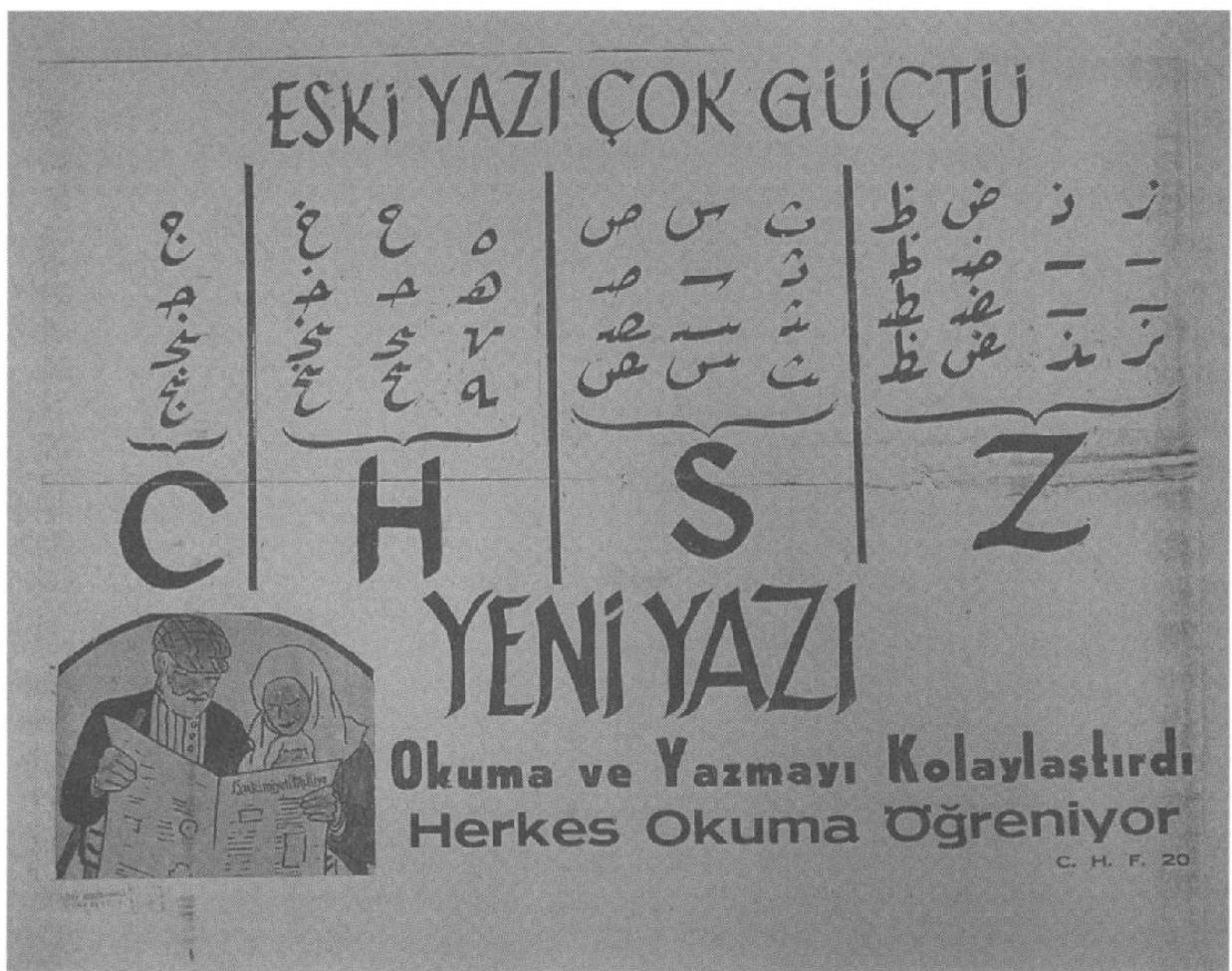

Рисунок 8. Плакат Народно-республиканской партии 1928 г. «Все учатся читать».

Основной функцией Школ нации и главной целью реформы алфавита было формирование грамотного общества. Впрочем была надежда на то, что преобразования внесут свой вклад в достижение более масштабной цели – создание национальной культуры. В дополнение к обучению грамоте на основе нового

алфавита, учебная программа Школ нации включала такие предметы, как история, география и обществознание. Более того, повышение грамотности с помощью нового алфавита, основанного на стамбульском диалекте, должно было способствовать ликвидации региональных диалектов и созданию и стандартизации общего разговорного турецкого языка²⁵⁰. Занятия также могли помочь в распространении языка среди общин, которые не говорили по-турецки. Благодаря расширению системы начального и среднего школьного образования, особенно начальных школ и школ-интернатов, все большее число молодых граждан могло воспользоваться программой национального воспитания, что для некоторых учащихся приводило к изучению национального языка. К началу 1930-х гг. умение и желание говорить по-турецки стали ключевым требованием для полного признания себя членом турецкой нации. Этот акцент на изучении турецкого языка и владении им при определении границ нации нашел выражение в речах ведущих государственных деятелей, в интеллектуальных и политических дебатах, а также на улицах в рамках кампании «Гражданин, говори по-турецки».

Для граждан, читавших прессу, появление изданий на латинице означало необходимость изучения нового алфавита с нуля. Ряд ведущих журналистов, таких как Юнус Нади из “Cumhuriyet” и Фалих Рифки (Атай) из “Hakimiyet-i Milliye” с энтузиазмом выступали за переход на латиницу²⁵¹, хотя в прессе не было единого мнения по вопросу об алфавите в годы, предшествовавшие реформе. Несколько журналистов, которые выступали против принятия латинского алфавита, даже присутствовали на последнем дне конференции в Долмабахче 29 августа, когда конгресс единогласно принял новый алфавит²⁵².

В последующие дни газеты Стамбула и Измира приступили к печати в двойном формате – как при помощи новых букв, так и на османском языке. Например, газета “Cumhuriyet” начала публиковать короткие статьи крупным

²⁵⁰ Yılmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey’s 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – № 43 (4). P. 684.

²⁵¹ Например в случае с Юнусом Нади см: Cumhuriyet, 10 Ağustos 1928. S. 1. Cumhuriyet. 19 Ağustos 1928. S. 1. Статью Фалиха Рифки о пользе нового алфавита см.: Hakimiyet-i Milliye. 10 Ağustos 1928. S. 1.

²⁵² Levend A.S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Eylemleri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayımları, 1960. S. 403.

шрифтом на первой полосе, набранные латиницей, а заголовок, дату и редакционные статьи – как османским, так и латинским шрифтом. Она также внесла свой вклад в переходный период, опубликовав «Уроки алфавита» (*Рисунок 9, 10*)²⁵³, в которых были представлены новые буквы и даны пояснения на османском языке по их чтению и написанию.

Рисунок 9, 10. Примеры «Уроков алфавита» из газеты “Cumhuriyet”. Cumhuriyet.

16 Eylül 1928. S.1. Cumhuriyet. 10 Eylül 1928. S. 1.

Впрочем, в некоторых регионах страны наблюдалось противодействие введению нового алфавита. Вот как описывал свою поездку по Турции министр внутренних дел Шюкрю Кайя в донесении премьер-министру Исмет-паше: «В Кайсери, Сивасе, Афьон-Карахисаре и других районных центрах, где я останавливался, ознакомились с [новыми] турецкими буквами. Но, похоже, они не получили широкого распространения среди населения. Помимо того, что школы в стране довольно слабые, те, кто умеет читать и писать, не могут забыть старые

²⁵³ Cumhuriyet. 16 Eylül 1928. S. 1. Cumhuriyet. 10 Eylül 1928. S. 1.

буквы. Вся переписка на арабской вязи проводится среди образованных людей...»²⁵⁴

Параллельно проходила довольно важная пропагандистская кампания, которая способствовала еще большей тюркизации языка, а именно «Гражданин, говори по-турецки!». 14 января 1928 г. Ассоциация студентов юридического факультета Стамбульского университета инициировала данное движение²⁵⁵, заявила о своей приверженности распространению турецкого языка и предложила разместить в общественных местах Стамбула таблички, напоминающие людям о необходимости говорить по-турецки. В те годы в Стамбуле проживало значительное число людей, для которых турецкий язык не был родным. Согласно национальной переписи населения 1927 г., 28% населения города говорило не по-турецки. Из 794 тыс. жителей города 92 тыс. говорили по-гречески, 45 тыс. – по-армянски, 39 тыс. – «по-испано-иудейски» (ладино), 15 тыс. – по-французски и еще 6 тыс. – по-албански. Остальные 31,3 тыс. человек говорили на других языках, включая арабский, курдский, персидский, черкесский и болгарский, которые были их родными²⁵⁶.

На съезде 14 января 1928 г. студенты заявили, что говорить на языке, отличном от турецкого, означает не признавать турецкие законы и настроения и что те, кто не говорит по-турецки, не могут считаться добропорядочными гражданами. Министерство образования пошло навстречу данной инициативе и выделило 1 тыс. турецких лир в поддержку кампании²⁵⁷. Вскоре кампания распространилась на другие города на западном побережье Турции и в Западной Фракии. В этих районах проживало большое количество немусульманских меньшинств и мусульманских иммигрантов с Балкан, чей родной язык не был турецким. В таких городах, как Стамбул, Измир и Эдирне, Ассоциация студентов

²⁵⁴ Цит. по: Yilmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey's 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – № 43 (4). – Р. 687.

²⁵⁵ Aslan S. "Citizen, Speak Turkish!": A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – № 13 (2). – Р. 250.

²⁵⁶ Данные приводит С. Аслан в своей статье по компании «Гражданин, говори по-турецки!». Aslan S. "Citizen, Speak Turkish!": A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – № 13 (2). – Р. 250–251.

²⁵⁷ Cumhuriyet. 14 Ocak 1928. S. 1.

юридического факультета вывесила плакаты с надписями «Граждане! Давайте говорить по-турецки. Говорить по-турецки – это национальный долг. Турок говорит по-турецки»²⁵⁸ в общественном транспорте, театрах и ресторанах. Другие студенческие ассоциации также создали комитеты по распространению турецкого языка. Например, студенты педагогического колледжа в Измире заявили, что будут проверять вывески магазинов и рекламные объявления, чтобы убедиться, что они написаны на правильном турецком языке. Они также пообещали читать лекции о потенциальных опасностях иностранных школ и предупреждать родителей, которые отправляют туда своих детей²⁵⁹. Люди оказывали «верbalное давление», а в некоторых случаях даже запугивали лиц, не говорящих на улицах по-турецки. Газеты были полны сообщений о подобных инцидентах между не говорящими по-турецки и турками. Были пойманы два еврея и два грека в Стамбуле, когда срывали плакаты «Гражданин, говори по-турецки!»²⁶⁰.

Основными мишенями кампании были греки, армяне и евреи. В течение четырех месяцев национальные газеты направляли большую часть своей критики против немусульман. Столкновения на улицах происходили между туркоязычными гражданами и немусульманами, а сама кампания получила горячую поддержку среди этнических турок. Большинство газет выделяло именно еврейское меньшинство и нападало на него. Многие комментарии касались перспектив отуречивания евреев. Они выражали пессимизм по поводу интеграции евреев в турецкую нацию, а также обвиняли евреев в том, что они намеренно не говорят по-турецки и высмеивают турецкий язык и культуру²⁶¹. В Эдирне, городе с относительно большим еврейским населением, местная газета писала: «Одним из условий получения турецкого гражданства является знание официального языка Турции и владение им. Те, кого мы приняли в гражданство, должны помнить об этом. Они обязаны своим комфортом и свободой, своим благосостоянием и всем

²⁵⁸ Vakit. 5 Şubat 1928. S. 1.

²⁵⁹ Aslan S. “Citizen, Speak Turkish!”: A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – № 13 (2). – P. 253.

²⁶⁰ Vakit. 18 Şubat 1928. S. 1.

²⁶¹ Например в: Ahenk. 15 Ocak 1928. S. 1.

остальным туркам, на языке которых они не хотят говорить... Если вы не хотите говорить по-турецки и проявлять уважение к туркам и их языку, что вы делаете в этой стране? Вы вольны идти туда, куда захотите»²⁶².

Ситуация выходила из-под контроля. После погрома в Эдирне газета “Milliyet” (Нация) сообщила о событиях под заголовком: «В Турции верховенствуют только законы Турецкой Республики. Никакая власть или инициатива не могут отменить законы Республики»²⁶³, что было цитатой из заявления Министерства внутренних дел. Это был предупредительный сигнал о том, что правительство не допустит роста коллективных действий, которые могут выйти за рамки законности, установленной государством. Газета отметила, что, хотя каждый гражданин должен говорить по-турецки, первоочередной обязанностью является соблюдение законов страны, и нельзя мириться с событиями, подобными произошедшим в Эдирне²⁶⁴. Мехмет Асим (Ус) в газете “Vakit” писал, что иностранная пресса сообщала о чрезмерном поведении турецких националистов. Он обращал внимание на необходимость развития внешней торговли и добавлял, что эти события могут настроить международное общественное мнение против Турции²⁶⁵. Гияс Исхак в газете “Cumhuriyet” утверждал, что кампания была бессмысленной и обреченной на провал, поскольку цель туркизации заключалась не только в том, чтобы заставить людей говорить по-турецки, но и, что более важно, в том, чтобы побудить их идентифицировать себя с турецкой нацией. По словам Исхака, турецкий язык следует распространять с помощью образования в турецких школах, а не с помощью криков «Гражданин, говори по-турецки!» или вырывания иностранных газет из рук людей²⁶⁶.

Реформа алфавита 1928 г. и последовавшая за ней языковая реформа шли в общем фарватере преобразований конца 1920-х гг., которые касались и начала

²⁶² Aslan S. “Citizen, Speak Turkish!”: A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – № 13 (2). – P. 256.

²⁶³ Milliyet. 9 Nisan 1928. S. 1.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Vakit. 9 Nisan 1928. S. 1.

²⁶⁶ Cumhuriyet. 28 Nisan 1928. S. 1.

процесса индоктринации кемалистской идеологии. Тем не менее идеологические постулаты нуждались в еще большем распространении среди населения.

2.2.3. Радио как инструмент кемалистской пропаганды, сопряженный с печатью на примере журнала “Telsiz”

Важнейшим этапом в истории формирования турецких СМИ стало появление радио, как одного из инструментов кемалистской пропаганды. На момент конца 1920-х гг. радио только-только зарождалось, однако кемалистский эксперимент в вопросе внедрения новой технологии оказался успешен, и уже в последующие десятилетия радио стало одним из краеугольных камней турецкой пропаганды.

Первым, кто провел эксперимент по радиовещанию в Турецкой Республике, был Рюштю Узель, «один из руководителей профессионально-технического факультета»²⁶⁷. 19 марта 1923 г. радиотехника была протестирована в Стамбульском университете. Результаты эксперимента оказались положительными, что сразу заинтересовало кемалистское правительство, которое увидело в этом потенциальный инструмент распространения информации. В апреле 1924 г. было решено выделить один миллион лир на строительство радиотелефонной установки и телефонной сети²⁶⁸, а вскоре после этого было принято «Положение об использовании радио и телефона». В 1925 г. вступил в силу «Закон о радиооборудовании»²⁶⁹, который предусматривал строительство большой радиостанции. В том же году была создана инфраструктура радиовещания с использованием радиотелефона маяковой станции марки Маркони²⁷⁰. Другая станция должна была быть установлена в Анкаре, ее персонал – отправлен во

²⁶⁷ Kocababaşoğlu U. Şirket Telsizinden Devlet Radyosuna: TRT Öncesi Dönemde Radyonun Tarihsel Gelişimi ve Türk Siyasal Hayatı İçindeki Yeri. İstanbul, İletişim Yayınları, 2010. S. 11.

²⁶⁸ Akagündüz Ü. Radyoculugumuzun Cumhuriyet'in ilk yıllarındaki serüveni ve telsiz mecması // Kebikeç İnsan Bilimleri İçin Kaynak Araştırmaları Dergisi. – 2014. – № 37. – S. 361.

²⁶⁹ Telsiz tesisi hakkında kanun. Resmî Ceride. 26 Şubat 1341 (26 Şubat 1925). Sayı 85. S. 1002.

²⁷⁰ Ibid.

Францию и Швецию для получения соответствующего образования²⁷¹. Принятие законов о радио турецким правительством шло в ногу со временем: аналогичные законы вступили в силу в 1927 г. в США²⁷² и Великобритании²⁷³, тем самым кемалисты явно осознавали важность государственного регулирования радиовещания на территории своей страны.

Впрочем, государственное регулирование еще не означало начало радиотрансляций, поэтому 6 января 1926 г. было создано «Турецкое акционерное общество радиотелефонной связи» (Telsiz Telefon Türk Anonim Şirketi). 8 сентября 1926 г. был подписан и опубликован указ, дающий компании разрешение на радиотрансляцию. Под данным документом стояли подписи главы «Делового банка» Джелаля Баяра, основателей «Анатолийского агентства» – депутата от округа Сиирт Махмут-бея (Сойдана) и депутата от округа Гюмюшхане Джемаля Хюсни (Тарай), а также турецкого журналиста и карикатуриста газеты “Cumhuriyet” и журнала “Akbaba” Седатом Нури-бея (Илери)²⁷⁴. Эта компания с особым статусом с уставным капиталом в 150 тыс. турецких лир получила монополию на радиовещание. Вскоре после создания «Турецкое акционерное общество радиотелефонной связи» сообщило правительству, что хочет начать радиовещание. Хотя некоторые круги выступили против, пробные трансляции были запущены по указанию Мустафы Кемаль-паши 27 марта 1927 г. в студии, расположенной на втором этаже Большого почтового отделения Стамбула. Регулярное радиовещание началось 6 мая 1927 г. Тем самым, кемалистское правительство не только было регулятором работы радио в Турции, но также инициатором запуска радиотрансляций, что говорило о прямой

²⁷¹ Telsiz tesisi hakkında kanun. Resmî Ceride. 26 Şubat 1341 (26 Şubat 1925). Sayı 85. S. 1002.

²⁷² Так называемый «Акт о радио» 1927 г. положил конец «хаосу» и «неопределенности», который на тот момент существовал в американском правовом поле в контексте регулирования деятельности радио. Benjamin L. Working it out together: Radio policy from Hoover to the radio act of 1927 // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 1998. – № 42 (2). – P. 221–236.

²⁷³ Несмотря на то, что Британская радиовещательная компания (British Broadcasting Company) была создана в 1922 г., ее официальное положение, как государственной компании было закреплено в 1927 г., когда она переименована в «Британскую радиовещательную корпорацию» (British Broadcasting Corporation) и была поставлена под контроль британской короны и правительства. Tworek H.J.S. The Savior of the Nation? Regulating Radio in the Interwar Period // Journal of Policy History. – 2015. – № 27 (3). – P. 470.

²⁷⁴ Akagündüz Ü. Radyoculuğumuzun Cumhuriyet'in ilk yıllarındaki serüveni ve telsiz mecması // Kebikeç İnsan Bilimleri İçin Kaynak Araştırmaları Dergisi. – 2014. – № 37. – S. 362.

заинтересованности кемалистов в использовании радио в качестве инструмента своей пропаганды.

Впрочем, для успешного радиовещания нужно было проинформировать потенциальных радиослушателей о том, что их ожидало в радиоэфире и как необходимо настраивать свой радиоприемник для прослушивания программ. Тем самым, назрела необходимость выпуска специальных изданий, которые бы просвещали читателей о пользе и преимуществах радио. Под редакцией одного из основателей «Турецкого акционерного общества радиотелефонной связи» Седата Нури начал публиковаться специальный «Журнал-помощник в турецкой радиотелефонии, содержащий еженедельную официальную программу турецкой почтовой рассылки» (*Türk Telsiz Telefonculuğuna Hadim ve Türk İrsal Postalarının Resmi Programına Havi Haftalık* Местиа или сокращенно “*Telsiz*”). В данном журнале статьи классифицировались по рубрикам актуальных статей, учебных материалов, научных статей, рассказов, рекламы и анонсов радиопрограмм. Здесь следует отметить, что журнал воздерживался от политизированных или содержащих какую-либо политическую информацию материалов.

Каждый из 18 выпусков журнала был дополнен множеством фотографий и рисунков, показывающих, как работает радио и радиостанция. Эти изображения рассказывали о сотрудниках студии, пилонах, расположенных в разных странах, телефонах нового поколения, радиолампах, важных черт новых музыкальных стилей²⁷⁵. В частности, публиковались принципы научной работы радио, что превращало журнал в научно-техническое издание своего времени.

Кемалистская пропаганда на страницах журнала “*Telsiz*” пыталась научить турецких граждан тому, как правильно пользоваться радио. Давалась информация как по поиску необходимых радиочастот, так и по устранению неисправностей²⁷⁶, публиковались советы по покупке радиоаппаратуры: достаточно было головного телефона, который можно было купить за 400 курушей, с кристаллическим

²⁷⁵ Подробнее о музыкальных программах на стамбульском радио конца 1920-х гг. см.: Deniz Ü. İstanbul Radyosu'nun İlk Dönemindeki (1927) Müzik Yayınları // Eurasian Journal of Music and Dance. – 2019. – № 14. – S. 63–88.

²⁷⁶ *Telsiz*. 7 Temmuz 1927. S. 5.

детектором стоимостью 100 курушей²⁷⁷. Для того чтобы показать обратную связь, а также для демонстрации заинтересованности читателей в данной тематике, в журнале существовала рубрика, где печатались ответы на вопросы читателей²⁷⁸. Все это должно было продемонстрировать заинтересованность турецких граждан проблемами радио, а также всячески стремились проникнуться передовыми западными идеями, в число которых также входило и радио. Тем самым журнал “Telsiz” являлся своеобразной витриной достижений турецкого использования радио. Таким образом, при помощи государственного регулирования, а также публикации журнала “Telsiz”, который стал своего рода «проводником» радио в дома турецких граждан, кемалисты пытались создать образ положительной западной технологической новинки, которая должна была быть распространена по всей Турции. Вестернизация Турецкой Республики включала в себя радиовещание, которое к началу 1930-х гг. постепенно стало охватывать все большее количество слушателей по всей стране. Радио постепенно завоевывало свою аудиторию на протяжении 1930-х и 1940-х гг. Имея в своем арсенале радио, кемалисты могли переходить к оттачиванию навыков по использованию инструментов пропаганды. Тем не менее для того чтобы закрепить успехи, потребовалось еще одно столкновение с внутренними противниками, а именно с созданной в 1930 г. Свободной республиканской партией (СРП). Данный эксперимент по строительству в Турции управляемой оппозиции угрожал выйти из-под контроля: если вначале партия получала помощь со стороны проправительственных кругов, то затем перешла к открытой критике того же правительства. Массовое наступление на СРП со стороны кемалистских СМИ привело к мерам по цензурированию печати, которые и определили информационный климат, сохранившийся на протяжении 1930-х гг.

²⁷⁷ Telsiz. 14 Temmuz 1927. S. 2.

²⁷⁸ Telsiz. 27 Teşrin-i Evvel 1927. S. 11.

2.3. От взаимопомощи к конфронтации. Борьба кемалистской пропаганды со сторонниками Свободной республиканской партии

После запрета и роспуска оппозиционной Прогрессивной республиканской партии в 1925 г. на протяжении пяти лет Народно-республиканская партия оставалась единственной политической силой в стране. Тем не менее к 1930 г. в связи с тяжелой экономической ситуацией рост числа недовольных политикой НРП был налицо. Кемаль, которому было очевидно, что количество таких граждан будет расти, если не предпринять меры по предотвращению взрывоопасной ситуации, решил на политический эксперимент, а именно на создание Свободной республиканской партии (СРП) как альтернативной политической силы в Турции.

Период существования СРП (август–ноябрь 1930 г.) был отмечен яркой и бескомпромиссной борьбой между двумя партиями. Стычки между их сторонниками, как, например, в Измире в сентябре 1930 г., а также широкая пропагандистская кампания НРП и СРП по обоюдному очернению привели к росту напряженности внутри страны. Как следствие, Свободная республиканская партия была распущена в ноябре 1930 г., а окончательную точку в деятельности партии поставили события в Менемене 23 декабря 1930 г., когда группа дервишей из Манисы вошла в город, развернула зеленое знамя и призвала к восстановлению халифата. К ним была направлена рота солдат под командованием лейтенанта запаса Мустафы Фехми Кубилая. Лейтенант потребовал от дервишей сдаться, но они напали на него и отрубили ему голову, которую затем выставили напоказ на палке. Прибывшее подразделение жандармерии открыло по мятежникам огонь, убив троих зачинщиков. Данный инцидент вызвал шок по всей Турции, особенно удивив кемалистское руководство тем, что жители города Менемена никак не помешали дервишам совершить убийство Кубилая. В ответ на данное происшествие правительство объявило военное положение и арестовало более 2000 человек, среди которых было много сторонников СРП²⁷⁹.

²⁷⁹ Zürcher E. J. Turkey: A Modern History. L. and N.Y.: I.B. Tauris, 2017. P. 180.

Именно в период с августа по ноябрь 1930 г. в информационной среде Турецкой Республики возникли предпосылки для ведения внутренних информационных войн. Как со стороны СРП, так и от правящей НРП имелись все необходимые инструменты для оказания воздействия на общественное мнение. Наличие у оппозиционной партии инструментов, а именно газет (2.3.1), означало возможность вести битву за симпатии народа с проправительственными изданиями. Тем не менее именно СМИ, подконтрольные правительству и Народно-республиканской партии, смогли одержать верх над оппозиционными изданиями (2.3.2). Во многом это произошло благодаря не только более умелому использованию газет в качестве «рупора» собственных идей, но также визуальной пропаганде, которая основывалась на использовании карикатур, как наиболее доходчивого и наиболее понятного средства воздействия на народные массы. Вся эта борьба, а также тот факт, что пресса СРП, несмотря на свое поражение, все же сумела противостоять нарративам НРП, вынудило правительство к решительным мерам в области печати. Результатом этих мер стал закон о печати (2.3.3), принятый в 1931 г. и открывший новую веху в истории пропаганды в Турции – начало тотального доминирования правительственные СМИ на протяжении 1930-х и первой половины 1940-х гг.

2.3.1. Пропаганда Свободной республиканской партии, как антипод правительенным средствам массовой информации

В качестве основного рупора Свободной республиканской партии в течение всего периода существования политической партии выступала измирская газета “*Serbes Cumhuriyet*”, главным редактором которой был член СРП из Измира Фаик Мухиттин. На страницах издания публиковались первые лица Свободной республиканской партии – основатель партии Али Фетхи [Окъяр] и видный деятель партии Ахмед Агаоглу.

Идеологическая линия газеты, а также причина ее появления были сформулированы в ее первом выпуске от 26 октября 1930 г. в статьях за авторством Али Фетхи и Ахмеда Агаоглу. В довольно резкой форме было выражено несогласие с деятельностью НРП: «С тех пор, как появилась Свободная партия, то есть в течение короткого периода последних двух месяцев²⁸⁰... выявились два важных момента. Первым из них является гниение (*sic*) Народно-республиканской партии. Эта большая группа... только начала создавать свою организацию и даже при первом контакте²⁸¹ с новой партией, находящейся в зачаточном состоянии, она колебалась, потеряла самообладание»²⁸². Свободная республиканская партия при помощи своих статей транслировала свой тезис о противостоянии монополии НРП на местах и доказывала свой непримиримый характер борьбы с правящей партией.

СРП в своих программных статьях указывала на покровительство кемалистской партии со стороны правительства: «Правительство, обеспокоенное проявлением такого состояния [Народно-республиканской] партии, считало своим долгом прийти ей на помощь и поддержать ее [партию]. Все вмешательства... являются результатом действий правительства.... Благодаря этим вмешательствам и покровительству партия²⁸³ якобы одержала победу и вышла победителем. Но она стала пирровой...»²⁸⁴ Поддержка НРП со стороны правительства Турецкой Республики не была тайной, так как сам президент Турции Мустафа Кемаль-паша после выборов объявил об этом. Народно-республиканская партия тем самым представляла перед читающей “*Serbes Cumhuriyet*” публикой не только как «разложившаяся», но и как имевшая правительственную поддержку.

Издание всячески пыталось доказать верность тезиса о «разложении» правительства и Народно-республиканской партии новостными заметками, которые косвенно критиковали работу властных структур. В частности, на второй странице первого номера газеты была помещена заметка о том, что жители деревни

²⁸⁰ Имеется в виду с момента основания партии 12 августа 1930 г.

²⁸¹ Имеются в виду первые и единственные выборы, на которых участвовала СРП – местные выборы октября 1930 г.

²⁸² *Serbes Cumhuriyet*. 26.10.1930. S. 1.

²⁸³ Имеется в виду Народно-республиканская партия.

²⁸⁴ *Serbes Cumhuriyet*. 26.10.1930. S. 1.

Сулейманлы пытались похитить²⁸⁵ человека, приехавшего туда из г. Акхисар. В результате драки житель Акхисара был убит. Все эти действия показывали неспособность властей предотвратить данное преступление, то есть недееспособность правительства. Впрочем, газета также могла напечатать и положительные отзывы о работе правоохранительных органов. Так, в том же первом выпуске была опубликована новость о том, что воры курдского происхождения²⁸⁶ ворвались в дом в деревне Бюльбюльдере в районе Тире в провинции Измир и нанесли ранения женщине, но были своевременно задержаны жандармерией²⁸⁷.

На первой полосе первого номера была помещена фотография лидера Свободной республиканской партии Али Фетхи (*Рисунок 11*)²⁸⁸ – одно из немногих за всю историю публикации газеты изображений. В отличие от своих оппонентов в лице проправительственных газет, которые активно печатали иллюстрации на своих страницах, газета “*Serbes Cumhuriyet*” не смогла воспользоваться преимуществами визуальной пропаганды и опубликовала лишь фотографию Али Фетхи. Наряду с фотографией, также был помещен текст выступления руководителя СРП, в котором он обращал внимание на то, что поколение людей, «выросших в республиканскую эпоху будет жить свободной политической жизнью». На примере Великобритании, Франции и США Али Фетхи показал, на какие стандарты должно равняться всё турецкое общество²⁸⁹.

²⁸⁵ В оригинале используется словосочетание “*tecavüz ettiği*”, что означает «изнасилованный», «на которого совершено нападение». *Serbes Cumhuriyet*. 26.10.1930. S. 2.

²⁸⁶ Что было отдельно вынесено в заголовок заметки «В Бюльбюльдере два курда».

²⁸⁷ *Serbes Cumhuriyet*. 26.10.1930. S. 2.

²⁸⁸ *Serbes Cumhuriyet*. 26.10.1930. S. 1.

²⁸⁹ *Ibid.*

Рисунок 11. Передовица первого номера газеты "Serbes Cumhuriyet". *Serbes Cumhuriyet. 26.10.1930. S. 1.*

По мнению редакции, уже название газеты само по себе является программой. Развивая эту мысль, автор писал: «Мы вместе с большинством жителей родного города [Измира] хотим, чтобы Республика была свободной». Для достижения этой цели оппозиционный печатный орган выступал за «полное соблюдение прав граждан, вытекающих из республиканского духа.... На нашем пути нет господства и упорства. Нет воровства и злоупотреблений. Нельзя жертвовать национальными интересами ради личных... Эта газета – народная газета. Каждая жалоба общественности – это жалоба этой газеты. Все проблемы людей – это проблемы этой газеты. Для нас нет другой цели, кроме благополучия нации. Ради этой цели мы будем работать неустанно, неустанно и неустанно»²⁹⁰.

²⁹⁰ Serbes Cumhuriyet. 26.10.1930. S. 2.

Газета “Serbes Cumhuriyet” также занималась и просветительством среди читателей. В частности, редакторы газеты на протяжении практически всего периода ее существования на второй странице публиковали работу французского писателя и критика Э. Фаге «Либерализм»²⁹¹, тем самым знакомя читателей с текстами, имевшими существенное значение для становления французской демократии.

Внутриполитические события также волновали журналистов “Serbes Cumhuriyet”. Газета радостно писала о возрождении «Союза учителей»²⁹², рассказывала о проекте нового полицейского устава, который по словам главы полиции Стамбула Тевфик Хади-бяя, вскоре будет представлен на утверждение Великого национального собрания Турции²⁹³, а также о том, что президент Измирского отделения Общества экономики и сбережений Тургут-бей продолжил в школах просветительские беседы с детьми²⁹⁴.

Международная повестка дня также присутствовала в издании, но она не выводилась на первый план. Например, новость о приезде премьер-министра Греции Э. Венизелоса в Турцию была дана ниже, чем новость о речах Мустафы Кемаль-паши, которого газета с уважением называла «Гази»²⁹⁵. Тем не менее международная политика могла выйти на первую полосу газеты как в случае с тем же визитом Э. Венизелоса в Турцию 2 ноября 1930 г.²⁹⁶

Закрытие Свободной республиканской партии 17 ноября 1930 г. газета встретила гневно. В частности, в выпуске от 19 ноября 1930 г. за подписью «Ф.М.»²⁹⁷ была опубликована статья «Фетхи-бей умер. Да здравствует свобода!», в которой говорилось о том, что своим решением распустить партию «Фетхи-бей покончил жизнь самоубийством как политический деятель... Если он мертв, то да

²⁹¹ Примечательно, что в газете название книги Э. Фаге было переведено как «Что такое либерализм?», что должно было дополнительно привлечь внимание читателей. Напр.: Serbes Cumhuriyet. 04.01.1931. S. 2. Оригинал работы см.: Faguet É. *Le libéralisme*. Paris: Société française d'imprimerie et de librairie. 1903.

²⁹² Serbes Cumhuriyet. 16.11.1930. S. 1.

²⁹³ Serbes Cumhuriyet. 01.12.1930. S. 4.

²⁹⁴ Serbes Cumhuriyet. 19.12.1930. S. 2.

²⁹⁵ Serbes Cumhuriyet. 26.10.1930. S. 4.

²⁹⁶ Serbes Cumhuriyet. 02.11.1930. S. 1.

²⁹⁷ Вполне вероятно, что автором данной статьи был главный редактор газеты Фаик Мухиттин.

здравствует свобода. Да здравствуют дети идеи»²⁹⁸. Газета пыталась как-то успокоить своих читателей, в частности, давая ложную информацию о возможности возобновления деятельности Прогрессивной республиканской партии.²⁹⁹ Тем не менее всякая инициатива курировалась властями, и в турецком политическом пространстве с 1931 г. закрепилось доминирование НРП, что не могло не отразиться на функционировании газеты “*Serbes Cumhuriyet*”.

Особенно ярко ситуация с однопартийностью и постепенным «закручиванием гаек» в политическом и общественном пространстве проявилась в случае с инцидентом в городе Менемен в конце 1930 г. Газета “*Serbes Cumhuriyet*” достаточно подробно его описала под заголовком «Жертвы революции» (*Рисунок 12*)³⁰⁰, а официальные газеты осудили происшествие в Менемене и встали на сторону убитого офицера жандармерии³⁰¹.

“*Serbes Cumhuriyet*” старалась оградить себя и бывших членов СРП от нападок со стороны официальных властей, пытаясь показать всю превратность ситуации в Менемене. В выпуске от 30 декабря 1930 г., в авторской статье за подписью «Йылмаз» было указано, что величайшим успехом республики являлся лаицизм, благодаря которому был открыт путь к прогрессу, а в случае с инцидентом в Менемене молодежь и граждане, которые приняли республику, противостояли действиям дервишей, совершивших убийство³⁰².

²⁹⁸ *Serbes Cumhuriyet*. 19.11.1930. S. 1.

²⁹⁹ *Serbes Cumhuriyet*. 21.11.1930. S. 1.

³⁰⁰ Também заголовок можно трактовать как «Жертвы реформы», так как слово “İnkılâp” использовалось и для обозначения кемалистских реформ в 1920-х гг. *Serbes Cumhuriyet*. 25.12.1930. S. 1.

³⁰¹ Например в газете “*Hakimiyet-i Milliye*”, где новости о трагедии в Менемене была уделена полоса на первой странице издания. *Hakimiyet-i Milliye*. 25.12.1930. S. 1.

³⁰² *Serbes Cumhuriyet*. 30.12.1930. S. 1.

INKILÂP ŞEHİTLERİ

MENEMENDE muazzam ihtifal yapıldı

Tahkikat inkişaf ediyor

Manisada bu hâdise ile alâkadar oldukları zannedilen kimseler tevkif edildi. Menemende 5 kişi nezaret altına alındı

Menemen hâdisesinin nasıl yaşladığını ve kana susamış haydutların başları nasıl ezildiği hakkında bir muharririmizin nahallinde yaptığı tahkikata nüstenit tafsili karilerimiz üçüncü sahifede bulacaklardır.

Son tahkikat sahisi

Gazetemizi makineye verirten aldığımız son tafsili da surada aynen nesridiyoruz:

Dün Manisadan Jandarmalı muhafazası altında hâdise le alâkadar oldukları zanneden on iki kişi Menemene getilmiştir.

ikisi genç yaşta idiler. Bunlar el an yakalanamamışlardır.

Yaralı olarak yakalanmış olan Zeki Mehmet isimindeki mel'un dünkü ifadesinde israr etmektedir. Hâdisede nutuk söyler gibi vaziyetler takınan ve dinden, Peygamberden ve şundan bundan halka karşı hezyanında bulunan bu adamın başından aldığı yaralar tehlikesizdir. Anatolonus yazdığı gibi bekçilerden Hasan ve Şevki efendiler yararla değil derhal ölmüşlerdir. Çunku Şevkinin yarası alının ortasından Hasanın da köyündendir.

Ibrahim gibi ben de yanmam. İstesiniz tecrübe ediniz. Merkum Manisadaki arkadaşları hakkında biç bir şey söylemeye mektedir.

Manisadan getiriler

Manisadan getirilen maznunlarla birlikte Manisa merkez mermu Zeki bey ve miktarı kâfi polis Menemene gelmişlerdir. Leşler henüz kaldırılmadı. Zeki Mehmet verilen yemeği kabul etmemektedir.

Tahtı zanna alınanlar

Menemende tahtı nezarete alınanlar dört kişidir. Birileri

men memleket hastanesinde techiz ve tekfîn edildikten sonra sanlı bayrağımıza sarılarak hrâkin yeddi ihtiyamında Menemene bir şeyrek mesafedeki kabristana götürülmüştür. Bu esnada halkın teessürüne tabiat ta iştirak etmekte yağmur yağmaktadır. Cenaze alayı sokaklardan geçirilirken göz yaşları döken kadınların hünkarıkları, bütün emilerin minarelerinden yükselen sala sesleri çok havanın bir manzara arzediyor.

Cenaze alayı şu sıraya takip

Рисунок 12. Статья «Жертвы революции» из выпуска газеты “Serbes Cumhuriyet” от 25 декабря 1930 г. Serbes Cumhuriyet. 25.12.1930. S. 1.

История газеты “Serbes Cumhuriyet” стала отражением пути пропаганды СРП. Оппозиционная пропаганда клеймила НРП и ее сторонников как «прогнивших», оторвавшихся от реальности и не имевших возможности разобраться с делами внутри страны. Тем не менее данные нарративы натолкнулись на всю мощь кемалистской пропаганды. Если в первый месяц существования Свободной республиканской партии кемалистские официозы заняли нейтральную позицию, то уже затем они стали нападать и критиковать представителей оппозиционной партии, показывая ее лидеров как ретроградов и тянувших Турцию обратно во времена Османской империи.

2.3.2. Реакция кемалистской прессы на деятельность Свободной республиканской партии

НРП к моменту создания СРП имела в своем распоряжении весь необходимый пропагандистский инструментарий для распространения своих идей среди народных масс. Безусловно, попытка создания двупартийной системы в

Турции означало то, что Народно-республиканской партии пришлось бы «потесниться» в информационном поле, и изначально кемалистская пресса способствовала распространению некоторых идей СРП, хоть и с некоторой осторожностью³⁰³. Газета “Cumhuriyet” (Рисунок 13)³⁰⁴, была настроена позитивно к оппозиции, опубликовав фотографию, на которой лидер НРП Исмет-паша и Фетхи-бей дружески стояли рядом в неформальной обстановке.

Рисунок 13. Первая полоса газеты “Cumhuriyet” от 15 августа 1930 г.

Cumhuriyet. 15 Ağustos. 1930. S. 1.

Газета “Vakit” поместила на первую полосу фотографию (Рисунок 14)³⁰⁵, на которой Мустафа Кемаль и Фетхи-бей вместе сидели во время одного из балов в Ялове, который, судя по заголовку «прошёл успешно». В статье приветствовалось

³⁰³ Как, например, в газете “Hakimiyet-i Milliye” от 11 августа 1930 г., где первая полоса была посвящена интервью с Исмет-пашой по вопросу создания СРП. Hakimiyet-i Milliye. 10 Ağustos 1930. S. 1.

³⁰⁴ Cumhuriyet. 15 Ağustos 1930. S. 1.

³⁰⁵ Milliyet. 9 Ağustos 1930. S. 3.

создание новой партии: «на политическом небосклоне молодой Турецкой Республики появляется новый и благоприятный горизонт»³⁰⁶.

Рисунок 14. Статья, посвященная встрече Кемаль-паши и Фетхи из газеты

“Vakit” от 9 августа 1930 г. Milliyet. 9 Ağustos 1930. S. 3.

СРП сформировалась в коллективной памяти благодаря первым лицам партии. В кемалистских карикатурах Фетхи-бей и Ахмед Агаоглу изображались в качестве персонифицированных образов Свободной республиканской партии. Эти два персонажа были показаны в виде «учителя» и «ученика» соответственно, однако образ Али Фетхи использовался реже, чем Агаоглу. Фетхи изображался в основном как неуклюжий политик, оторванный от реалий страны, в связи с чем его постоянно отождествляли с Исметом-пашой. Это сравнение было обусловлено политическими достижениями, и оно показывало значительное преимущество НРП, которая олицетворялась Исметом, над СРП в образе Фетхи.

На первой странице газеты “Cumhuriyet” от 30 августа 1930 г. была опубликована карикатура, где Исмет изображен в виде поезда, преследующего Фетхи-бя во сне (Рисунок 16)³⁰⁷. Карикатура соседствует с другими иллюстрациями и статьями, призванными подчеркнуть превосходство НРП, да и

³⁰⁶ Milliyet. 9 Ağustos 1930. S. 3.

³⁰⁷ Cumhuriyet. 30 Ağustos 1930. S. 1.

сама дата печати карикатуры – 30 августа, День Победы в Турции – явно намекала на символическую «победу» правящей партии над политическими оппонентами. Рядом с изображением поезда читатель видит заголовок «Прислушайтесь к звукам победы!» (Рисунок 15)³⁰⁸, который имел двойной смысл. «Победа» отождествлялась с локомотивом – символом прогресса – и с Исмет-пашой, фотография которого находится чуть ниже заголовка³⁰⁹. Газета “Milliyet” также использовала на первой странице изображение поезда как символа движения вперед. Все это было сопровождено новостями, связанными с праздником независимости, а также речью Исмет-паши³¹⁰.

Рисунок 15. Первая страница газеты “Cumhuriyet” от 30 августа 1930 г.

Cumhuriyet. 30 Ağustos 1930. S. 1.

³⁰⁸ Cumhuriyet. 30 Ağustos 1930. S. 1.

³⁰⁹ Ibid.

³¹⁰ Milliyet. 30 Ağustos 1930. S. 1.

Паровоз в карикатурах и изображениях – символ, используемый для обозначения конкретных достижений НРП. Драматичные центральные персонажи, подписи и упрощенное использование метафоры поезда на простом фоне делают сообщение понятным для любого потенциального читателя или зрителя статьи. Отсутствие разнообразия в символологии, используемой в карикатурах, демонстрирует минимальный уровень абстракции, что указывает на то, что карикатуры были рассчитаны на более широкую аудиторию, представлявшую все уровни культурного и интеллектуального развития.

Рисунок 16. Карикатура «Кошмар!» из газеты «Cumhuriyet» от 30 августа 1930 г. *Cumhuriyet. 30 Ağustos 1930. S. 1.*

В карикатурах часто сравнивались экономические идеи двух партий. В то время как Свободная республиканская партия поддерживала иностранные инвестиции и индивидуальное предпринимательство, Народно-республиканская партия выражала государственные взгляды, позиционируя себя как

сторонника местных продуктов и противника иностранного капитала. Это позиционирование было достигнуто благодаря бинарной оппозиции НРП и СРП. Символика, показанная на карикатуре в газете “Cumhuriyet” от 26 августа 1930 г. (Рисунок 17)³¹¹, показывает некоторые аспекты этого представления. В то время как Исмет-паша ведет паровоз – символ национального единства, независимости и развития – с «местными продуктами» (yerli malı) в товарном вагоне, Фетхи-бей скачет верхом на старой кляче, нагруженный иностранным капиталом (esnəbî sermaye) и мешками с деньгами.

Рисунок 17. Карикатура из газеты “Cumhuriyet” от 26 августа 1930 г.

Cumhuriyet. 26 Ağustos 1930. S. 1.

В то же время Ахмед Агаоглу был наиболее часто изображаемой фигурой в карикатурах, связанных с СРП. После роспуска партии он продолжил свою интеллектуальную деятельность самостоятельно, так и не присоединившись к НРП, в отличие от многих однопартийцев. В период существования Свободной республиканской партии Агаоглу отличался резкой критикой в адрес Народно-республиканской партии и правительства. Он призывал правительство к ответу по многим вопросам, включая доклад заместителя директора Центрального банка

³¹¹ Cumhuriyet. 26 Ağustos 1930. S. 1.

Германии Карла Мюллера³¹², который был посвящен экономическим и налоговым вопросам. Агаоглу утверждал, что правительство манипулировало цифрами, предоставленными Мюллеру, что привело к неверным оценкам в отчете. В ответ на критику в адрес министра финансов Шюкрю Сараджоглу была опубликована карикатура в газете “Cumhuriyet” (*Рисунок 18*)³¹³, на которой голова министра внутренних дел Турции Шюкрю Кайя изображена в виде скалы, которую Фетхие-бей и Агаоглу не могут сдвинуть с места, несмотря на все их старания.

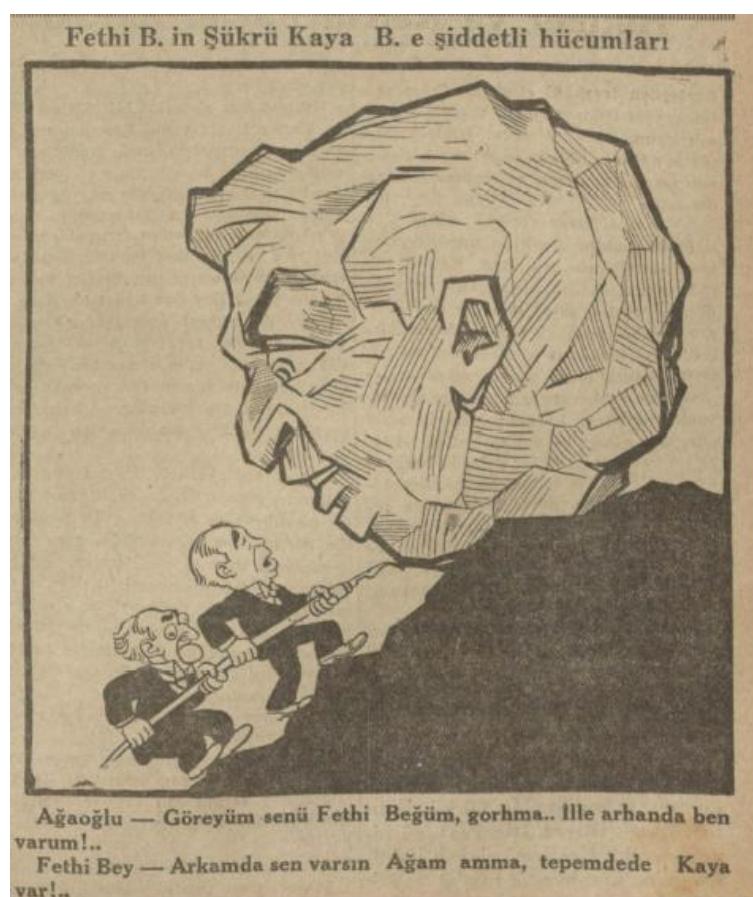

Рисунок 18. Карикатура из газеты “Cumhuriyet” от 16 ноября 1930 г. Cumhuriyet.

16 Teşrin-i Sani 1930. S. 1.

Карикатуры с изображением Агаоглу подчеркивали восприятие его фигуры как наиболее привлекательной цели для критики среди членов партии, превосходящей в данном отношении даже лидера партии – Фетхие-бяя. Несмотря на

³¹² Доклад заместителя председателя Центрального банка Германии Карла Мюллера был подготовлен в июне 1930 г. В докладе давались рекомендации по созданию Центрального банка Турции, а также по изменению экономики на фоне мирового экономического кризиса. Подробнее о докладе К. Мюллера см.: Ersal A. Karl Müller'in Türkiye'de Bir Merkez Bankası Kurulmasına İlişkin Raporunun Siyasi Yansımaları // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi. – 2015. – № 22. – S. 481–508.

³¹³ Cumhuriyet. 16 Teşrin-i Sani 1930. S. 1.

значимую роль последнего, именно образ Агаоглу подвергался большей сатирической гиперболизации (гипертрофированное изображение физических качеств и др.). Напротив, фигура Фетхи-бэя оставалась практически неприкосновенной в карикатурах. При визуализации Агаоглу неизменно присутствовал мотив его подчиненного положения относительно лидера партии, проявляющийся в символическом размещении его поодаль Фетхи-бэя или в «его тени». Таким образом, композиция карикатуры подчеркивала второстепенность статуса персонажа внутри партийной иерархии.

Кроме того, карикатурные образы активно эксплуатировали этнокультурный аспект происхождения Агаоглу, акцентируя внимание на его нетурецкой внешности и характерном азербайджанском акценте. Этот прием способствовал созданию негативного стереотипа, подчеркивая расхождение между ним и доминирующим культурным стандартом, ассоциируемым с турецкой национальной идентичностью.

Карикатуры той эпохи неоднозначно изображают политическую позицию партии, не определяя ее как «левую», хотя таковой она задумывалась Мустафой Кемаль-пашой при ее создании. Так, в газете “Vakit” была изображена карикатура (*Рисунок 19*)³¹⁴ с политическими партиями в Турции, которые существовали на протяжении первой четверти XX в. В пояснительном комментарии говорилось о том, что новая партия скорее относилась к правой, чем к левой политической ориентации. Это важный момент, если принять во внимание тот факт, что СРП была прародительницей будущей Демократической партии и положила начало экономически либеральной и культурно консервативной политической традиции, продолжателем которой является нынешняя Партия справедливости и развития.

³¹⁴ Vakit. 17 Ağustos 1930. S. 1.

Рисунок 19. Карикатура из газеты “Vakit” от 17 августа 1930 г. Vakit. 17 Ağustos 1930. S. 1.

После роспуска партии карикатуры, высмеивавшие деятелей СРП, исчезли с повестки дня. Правительству нужно было принимать меры по «закручиванию гаек», так как это способствовало бы стабилизации ситуации внутри страны. В этой связи 25 июля 1931 г. было принят новый закон «О печати»³¹⁵, состоявшего из 67 статей³¹⁶. В законе прописывались свобода печати и публикация печатных работ (ст. 1), запрет на публикацию подробностей личной жизни (публикация подобного рода статей или заметок подвергалась денежным штрафам и тюремному заключению, ст. 29). В данном нормативно-правовом акте был указан запрет на публикацию, порочащих честь и достоинство членов парламента, кабинета министров, государственных служащих (ст. 30), запрет на прокоммунистические публикации и на статьи, в которых благоприятно описывалась идеология анархизма (ст. 40).

На принятие закона мгновенно отреагировала турецкая пресса. Газета “Cumhuriyet” сообщала, что разработка закона не вызвала особых споров в

³¹⁵ Matbuat Kanunu. Resmî Gazete. 8 Ağustos 1931. S. 731–736.

³¹⁶ Ibid. S. 731.

ВНСТ³¹⁷. В своей колонке «Политика» в “Hakimiyet-i Milliye” Фалих Рифки дает следующую оценку этому закону: «... В руках сознательных судей новый закон является одним из последних средств, которые позволяют турецкой газете стать образовательным и аналитическим центром. Злоупотребление слабостями толпы запрещено... Новости о самоубийствах и запрет сплетен снижают продажи, но нельзя утверждать, что они препятствуют развитию политической, общественной и экономической жизни»³¹⁸.

Короткий период создания в Турции управляемой демократии 1930 г. был отмечен неудачей Мустафы Кемаля в создании послушной оппозиционной партии, а также пропагандистскими сражениями в прессе. В отличии от Народно-республиканской партии, у которой в арсенале имелось большинство печатных изданий, в распоряжении Свободной республиканской партии было лишь несколько газет. Передовым печатным органом СРП стала газета “*Serbes Cumhuriyet*”, которая в своих статьях не только обвиняла Народно-республиканской партии в отходе от изначальных идей республиканизма, но и предлагала свое идеологическое видение построения будущего Турции.

Тем не менее процесс «закручивания гаек» со стороны правительства НРП привел как к закрытию газеты после инцидента в Менемене, так и к принятию закона «О печати», который на целое десятилетие определит вектор развития СМИ в Турции, поставив их в жёсткие рамки. Данный закон стал основополагающим для однопартийной печати 1930-х и начала 1940-х гг. до тех пор, пока в 1949 г. не вышла газета “*Zafer*” (Победа)³¹⁹ – первое с 1931 г. оппозиционное издание, ставшее печатным органом Демократической партии.

³¹⁷ Cumhuriyet. 26 Temmuz 1931. S. 1.

³¹⁸ Hakimiyet-i Milliye. 28 Temmuz 1931. S. 2.

³¹⁹ Подробнее о газете “*Zafer*” см.: Özdemir M. Demokrat Parti’nin Muhalefetten İktidara Geçiş Sürecinde Zafer Gazetesi (1949–1950), Kırıkkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Anabilim Dalı, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Kırıkkale, 2018.

Развитие турецкой пропаганды на протяжении 1920-х гг. имело несколько характерных особенностей. Происходило становление идеологической основы кемалистской пропаганды, которое заключалось в четком выстраивании идеологического каркаса кемализма. Наиболее ярким примером кристаллизации кемалистских идеологических установок стала «Речь» Мустафы Кемаль-паши, сформировавшая основу для дальнейшего развития пропаганды в 1930-х гг. Тезис о центральной роли Кемаля для становления Новой Турции стал олицетворением тех тенденций, которые в дальнейшем сформировались в официальном дискурсе. Это и упор на ведущую роль Мустафы Кемаля в деле национально-освободительного движения в Турции, и подчеркивание второстепенности других персонажей войны 1919–1922 гг. на фоне Кемаля, консолидирующая роль Кемаль-паши в качестве объединителя Турции и турецкого народа. Бывшие соратники Кемаля критиковались за их слабость и за создание оппозиционной Прогрессивной республиканской партии.

Пропагандистский инструментарий того времени не оставался без изменений. Помимо традиционных средств массовой информации в Турции началось применение радио, вместе с которым публиковались издания в помощь радиолюбителям. Они должны были пояснить слушателям важность и необходимость технологической новинки. В частности, журнал “*Telsiz*” выпускался в конце 1920-х гг. и стал «проводником» радио в турецкие дома.

Другой характерной особенностью, сопровождавшей становление кемалистской пропаганды на протяжении 1920-х гг., было противостояние с оппозиционными идеями, которые дважды формировали противоположную по отношению к правительству повестку дня. Как Прогрессивная республиканская партия, так и Свободная республиканская партия использовали такие же методы и средства для распространения своих идей и привлечения масс в свои ряды, как и кемалисты. Газета “*Tevhîd-i Efkâr*” стала рупором идей оппозиционной ПРП, указывая на просчеты и ошибки кемалистского правительства. Одним из главных

авторов обличительных статей был сам главный редактор Абдуррахман Велид Эбуззийя. В своих заметках и колонках он не только поддерживал Прогрессивную республиканскую партию, но также объяснял читателям газеты плюсы либерализма в качестве основной идеологии партии. Газета “*Serbes Cumhuriyet*”, в качестве конкурирующей с официальными печатными органами силы, стала примером попытки создания многопартийной печати, которая должна была отличаться полифонией мнений и суждений относительно политической жизни Турции. Указывая на ошибки правительства НРП, а также критикуя его за те или иные действия, газета стала своеобразным рупором оппозиционности. При помощи публикаций издание пыталось обратить внимание на проблемы, которые возникали в обществе.

Пропаганда оппозиции показывает, что несмотря на доминанту кемалистской повестки в информационном поле, представители двух партий не отставали от правительственные сил в использовании необходимых для ведения пропагандистской войны элементов. Тем не менее и в первом, и во втором случаях пропагандистских мер у оппозиционных партий было недостаточно для того, чтобы переломить ход политической борьбы в свою пользу. Проправительственные массмедиа купировали всякие сообщения о деятельности Прогрессивной республиканской партии. Кемалистская пресса явственно демонстрировала ошибочность курса, выбранного оппозицией. Реагируя на критику в адрес НРП со стороны оппозиции, правительство на основании решений Судов независимости закрыло Прогрессивную республиканскую партию и все ее отделения. Такой же судьбы удостоилась и СРП в конце 1930 г. Из-за все более нараставшей популярности партии, которая высказывалась неодобрительно по поводу действий правительства, Свободная республиканская партия была запрещена, а после инцидента в Менемене, судьба печатных органов партии была предрешена.

Конец 1920-х гг. ознаменовал собой начало лингвистических экспериментов, наиболее ярким примером которого стала реформа алфавита 1928 г. В ее продвижении огромную роль сыграла кемалистская пропаганда: в газетах

публиковались инструкции к освоению алфавита, страницах изданий получила поддержку народная инициатива «Гражданин, говори по-турецки!».

Таким образом 1920-е гг. стали своеобразной отправной точкой для дальнейшего развития пропаганды в Турции. Используя не только свои наработки, но в том числе идеи и технологии, взятые из западных стран (радио), Турция вошла в 1930-е гг. со своими идеологическими заготовками для их окончательного закрепления в виде кемалистской идеологии. Постулаты, заложенные в «Речи», стали основой для принятия «шести стрел кемализма», которые на протяжении 1930-х гг. определяли идеологический базис турецкой пропаганды.

Глава 3. Развитие кемалистской пропаганды в 1930-е гг.

Закрытие Свободной республиканской партии в 1930 г. ознаменовало окончательный отход от идей многопартийности и установление в Турции режима монопольной власти Народно-республиканской партии. Это касалось не только политической, но и пропагандистской сферы, так как установилась гегемония кемалистской пропаганды, закрепленная в 1931 г. законом «О печати». В нем строго регламентировались условия открытия газеты (ст. 7–8) и ее издания (ст. 9–20), а также прописывались отдельные пункты по обвинению в подстрекательстве, которое могло быть использовано как рычаг давления (ст. 28–30)³²⁰. Все это не только значительно ограничивало потенциальную возможность создания оппозиционных СМИ, но также давало правительстенным органам рычаг давления, который не допускал появления инакомыслия в уже существовавших на тот момент газетах и журналах.

На протяжении 1930-х гг. тенденции к монопольному контролю со стороны кемалистского правительства лишь усиливались. В ряде научных работ этот период обозначен как эпоха «высокого кемализма»³²¹, когда идеи кемализма нашли свое наиболее полное выражение в общественно-политической и экономической жизни страны. Среди сторонников Кемаля в 1930-е гг. происходили трения относительно дальнейшего развития идеологической базы. Наметилось разделение на «левых» и «правых» кемалистов, которые представляли свой собственный взгляд на развитие идей кемализма, оформленных в начале 1930-х гг. в виде так называемых «шести стрел» (3.1).

Несмотря на имевшиеся на тот момент идеологические трения, кемалистская пропаганда работала масштабно и эффективно. Широкое распространение

³²⁰ Resmî Gazete. 8 Ağustos 1931. S. 731–736.

³²¹ Термин «Высокий кемализм» был впервые введен в оборот Сонером Чагаптаем в своей статье «Изменение конфигурации турецкой нации в 1930-е гг» (Reconfiguring the Turkish nation in the 1930s). Çağaptay S. Reconfiguring the Turkish nation in the 1930s. // Nationalism and Ethnic Politics. – 2002. – № 8 (2). P. – 67–82. До Чагаптая данный термин не использовался, вместо него говорили о «золотом веке кемализма» в 1930-е гг. В частности см.: Belge M. Trapped in its own history // Index on Censorship. – 1995. – № 24 (1). – P. 127–134.

получили газеты и журналы, которые оставались наиболее легкодоступными средствами пропаганды для населения страны. Также на протяжении 1930-х гг. власти экспериментировали с новыми методами пропаганды, которые могли значительно расширить аудиторию как внутри Турции, так и вне ее. Так кино стало использоваться кемалистским правительством в качестве инструмента пропаганды (3.2).

Кемалистская пропаганда 1930-х гг. наиболее ярко проявила себя в генерировании «правильных» нарративов. На примере освещения итало-эфиопской войны 1935–1936 гг., а также создания героических образов на страницах печати (например, образ Сабихи Гёкчен, как «иконы» модернизации), можно наблюдать, каким образом турецкие СМИ использовались для правильной интерпретации важных событий (3.3).

3.1. Идеологический базис кемалистской пропаганды 1930-х гг.

В мае 1931 г. были официально провозглашены основные постулаты кемализма в соответствии с решениями, принятыми на III Съезде НРП. Шесть «фундаментальных и неизменных принципов» («шесть стрел кемализма») были определены как республиканизм, национализм, народность, этатизм, лаицизм и революционность. Эмблема НРП в виде шести стрел должна была символизировать основы Турецкой Республики. Либерализм и демократия в начале 1930-х гг. были дискредитированы в глазах республиканских элит из-за нестабильности политических режимов в Западной Европе и не были включены в основополагающие принципы.

Несмотря на четкое артикулирование идеологических постулатов кемализма в программах партии (3.1.1), идеологическая составляющая кемализма сохраняла неоднородность. Шесть стрел могли трактоваться как с левых (3.1.2), так и с правых позиций (3.1.3). Наиболее ярким представителем попытки идеологической индоктринации кемализма в русле левой ориентации была редакция журнала

“Kadro” (Кадры). С точки зрения идеологических противоречий можно встретить один сюжет, который рассматривался во времена кемализма. Речь идет о вопросе наличия антисемитизма в кемалистской пропаганде и идеологии в 1930-е гг. Вопрос остается дискуссионным, учитывая наличие среди кемалистов как поддержки евреев, так и проявлений антисемитизма, который был присущ изданиям, трактовавшим кемализм с точки зрения крайне правого ультранационализма и пантюркизма.

Фактически динамика событий, которые проложили путь к открытым попыткам создания республиканской идеологии сверху, продемонстрировала скрытые опасения кемалистских элит по вопросу потенциального раскола турецкого общества по политическому признаку. Этот страх направил правительство Турции на дальнейшее цементирование однопартийного режима на протяжении всех 1930-х гг.

3.1.1. Основные идеологические постулаты программ Народно-республиканской партии 1930-х гг.

Идеологические постулаты НРП, которые определяли направленность турецкой пропаганды в 1930-е гг., были приняты в два этапа. Первым знаковым событием стал III Съезд Народно-республиканской партии, проходивший фактически сразу после роспуска оппозиционной Свободной республиканской партии и событий в Менемене, выборов 1931 г. и начала работы ВНСТ нового созыва. Этот форум открылся 10 мая 1931 г., и в его работе приняли участие 398 делегатов, в том числе 292 депутата и 106 представителей провинций.

В своей приветственной речи Мустафа Кемаль заявил, что «невозможно ценить понятие национальной истории, если память о делах, совершенных во благо нации, не хранится долговечно»³²². Он выразил благодарность турецкому народу

³²² C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, İçtima Zaman Cetveli. İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. S. 1.

за внимание и доверие, которые он проявил к Народно-республиканской партии. Именно на этом конгрессе впервые открыто и четко были сформулированы основные принципы НРП. Их озвучил премьер-министр Исмет Инёню: «НРП [имеет в своей основе] республиканизм, национализм, народность, этатизм, лаицизм и революционность»³²³. Обсуждения программы, в которой должны были отразиться эти идеологические установки, начались 13 мая 1931 г.

Особый интерес представляет вторая часть программы – «Основные атрибуты Народно-республиканской партии». Было заявлено, что «республиканизм»³²⁴ – это форма государственного управления, которая представляла собой идеал национального государства. «Национализм» определялся как отображение воли турецкого народа, причем как во внутренней, так и во внешней политике³²⁵. Надлежащее выполнение государством своих обязанностей перед гражданином и гражданином по отношению к государству было признано программой партии важнейшим принципом. Термин «этатизм» в программе был интерпретирован, как «фактическое участие государства в делах, связанных с общественными и высшими интересами нации, особенно в экономической сфере». Необходимость данной меры объяснялась важностью «обеспечить процветание нации и благосостояние страны за как можно меньшее время»³²⁶.

Еще одно понятие, включенное в программу НРП – «лаицизм». В трактовке кемалистов он означал приверженность принципу отделения религии от политики и программе радикальной секуляризации, предполагающей применение исключительно светских законов, постановлений и государственных управленческих практик, полное отделение религиозных институтов от сферы политического регулирования и власти³²⁷. «Революционность», добавленная к

³²³ C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, İçtima Zaman Cetveli. İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. S. 10.

³²⁴ Cumhuriyet Halk Fırkası nizamnamesi ve programı. Ankara: T.B.M.M. Matbaası, 1931. S. 31.

³²⁵ Ibid.

³²⁶ C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, İçtima Zaman Cetveli. İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. S. 30.

³²⁷ Cumhuriyet Halk Fırkası nizamnamesi ve programı. Ankara: T.B.M.M. Matbaası, 1931. S. 31.

другим основным понятиям, определялась как верность «принципам, которые возникли и развились в результате революций»³²⁸.

В ст. 2 программы партии был провозглашен принцип бесклассовости турецкого общества, что должно было продемонстрировать приверженность всеобщему равенству: «Народ Турецкой Республики не состоит из отдельных классов, и это одна из наших основных концепций»³²⁹. Вместо классов было введено разделение общества по трудоспособности: «мелкие фермеры, мелкие промышленники и ремесленники, рабочие и служащие, самозанятые, промышленные работники, крупные землевладельцы и владельцы бизнеса, а также торговцы были основными группами, составляющими турецкое сообщество»³³⁰.

В программе получили свое отображение идеи по развитию экономики³³¹, финансов³³². Отдельными пунктами были прописаны положения по регулированию социальной и семейной жизни, в которых говорилось о защите целостности семьи, разработке мер по увеличению численности населения, улучшению условий жизни детей, защите сирот и пожилых людей, расширении медицинского обслуживания и борьбе против эпидемий³³³.

Параллельно программе партии на том же III Съезде 17 мая 1931 г. был разработан и принят новый устав НРП. В разделе «Основы» было прописано следующее: «Штаб-квартира партии находится в Анкаре, ее постоянным общественным руководителем является Гази Мустафа Кемаль, основавший партию. Члены партии должны знать и объяснять [ее] общие обязанности, принципы»³³⁴. Все это лишь укрепляло лидирующую роль Мустафы Кемаля в рамках Народно-республиканской партии, отводя ему образ не только лидера государства и нации, но также и председателя единственной в стране партии. НРП тем самым утверждалась в качестве политического движения, которое четко и

³²⁸ Cumhuriyet Halk Fırkası nizamnamesi ve programı. Ankara: T.B.M.M. Matbaası, 1931. S. 31.

³²⁹ Ibid. S. 32.

³³⁰ Ibid.

³³¹ Cumhuriyet Halk Fırkası nizamnamesi ve programı. Ankara: T.B.M.M. Matbaası, 1931. S. 32–34.

³³² Ibid. S. 34–35.

³³³ Ibid. S. 37.

³³⁴ C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, İçtima Zaman Cetveli. İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. S. 236–237.

беспрекословно следовало идеям Мустафы Кемаля, а упоминание его имени в уставе партии лишь дополнительно подчеркивало этот факт.

III Съезд НРП стал, по мнению ряда турецких исследователей³³⁵, финальным актом в оформлении и создании однопартийного режима в Турецкой Республике. С этим трудно не согласиться, так как идеи, высказанные во время съезда и оформленные в виде программы и устава партии, закрепляли монополию НРП и устанавливали рамки однопартийного правления, что стало основой кемалистской пропаганды 1930-х – 1940-х гг.

Несмотря на то, что идеи о «шести стрелах» и идеологической направленности партии были заложены как раз на III Съезде НРП, нельзя не упомянуть о IV съезде, который проходил в период 9–16 мая 1935 г. На нем была принята новая программа партии, которая отражала тенденции кемалистской идеологии середины 1930-х гг.

Для упрощения языка и облегчения использования новых слов в программу был добавлен справочник, содержащий «османские эквиваленты турецких слов в программе [партии]» (*Рисунок 18*)³³⁶, что отражает тенденцию к изменению турецкого языка и привнесению в него неологизмов, тем самым искоренив как османские, так и иностранные заимствования. Так, например, слово «революция» (*İnkılap*) было заменено на слово “*Devrim*”³³⁷, а «Великое национальное собрание» (*Büyük Millet Meclisi*) в справочнике давалось как “*Kamutay*”³³⁸. Все это в полной мере демонстрировало политику турецких властей по изменению турецкого языка и отказу от арабо-персидской лексики путем создания собственных турецких слов.

³³⁵ В частности, стоит привести мнение Неджета Айсала и Сезаи Кюршат Окте из Анкарского университета: «Программа, принятая на [III] съезде, содержит четкие, всеобъемлющие, доктринальные и практические характеристики. Основные идеи, лежащие в основе программы, связаны с изменениями, которые произошли или происходили [на тот момент]. Принципы республиканизма, национализма, популизма, этатизма, секуляризма и революционности были признаны определяющими факторами государственной политики». Necdet Aysal N., Ökte S.K. Tek Parti Döneminde Cumhuriyet Halk Partisi Üçüncü Büyük Kongresi (10–18 Mayıs 1931) // The Journal of Academic Social Science. – 2016. – № 30. – S. 61.

³³⁶ CHP Programı. Ankara: Ulus Basımevi, 1935. S. 54.

³³⁷ Ibid. S. 55.

³³⁸ Ibid. S. 57.

**Program içindeki kelimelerden
bir kısmının Osmanlıca
karşılıkları**

Türkçe	Osmanlıca
Akim	<i>Cereyan</i>
Aktı	<i>Ücret</i>
Alan	<i>Meydan, saha</i>
Almaç	<i>Ahize</i>
Amaçlamak	<i>İstihdaf etmek</i>
Ar	<i>Güzel sanatlar</i>
Araç	<i>Vasita</i>
Arıtım	<i>Islah, tasfiye</i>
Arsıulusal	<i>Beynemilel</i>
Asığ	<i>Menfaat</i>
Aşama	<i>Mertebe</i>
Atağlık	<i>Vesayet</i>
Ayra	<i>İstisna</i>
Ayral	<i>Müstesna</i>
Bağınsız	<i>Müstakil (kayıtsız)</i>
Barıma	<i>Himaye</i>
Başarı	<i>Muvaffakiyet</i>

— 54 —

Рисунок 18. Справочник слов, содержащий «османские эквиваленты турецких слов в программе [партии]». CHP programı. Ankara, Ulus Basımevi. 1935. S. 54.

В первой части новой программы партии обращало на себя внимание наличие всех шести стрел. Основные постулаты партии остались прежними: «Турция – это национальная, народная, этатистская, секулярная и революционная Республика»³³⁹. Статья «Общественные права» была уточнена: «личная и социальная свобода не может нанести ущерб существованию государства и не может противоречить общим интересам общества»³⁴⁰. Имелся пункт о равенстве

³³⁹ CHP Programı. S. 3–4.

³⁴⁰ Ibid. S. 5.

женщин и мужчин. Подчеркивалось, что это имело основополагающее значение в партийной работе³⁴¹.

Вторая часть программы включала в себя «Основные атрибуты» НРП, которые, впрочем, не отличались от постулатов программы 1931 г. Обозначения «шести стрел кемализма» практически идентичны, и существенных изменений не было. Имелись незначительные корректировки и дополнения. Так, «этатизму» было дано еще более широкое определение, чем в программе 1931 г.³⁴²

Как и предшествующая программа партии вариант 1935 г. содержал в себе подробно прописанные пункты о развитии экономики и финансов. Нововведения в программе просматривались и в других ее частях, например в разделе «Общественная жизнь и общее состояние здоровья», где дополнительно включалось следующее: «Улучшение питьевого водоснабжения, обустройство сельских домов и информирование жителей о состоянии здоровья, меры по развитию родильных домов; разработка мер по уходу за младенцами, приумножение детских садов, приютов для сирот; разработка мер по охране здоровья работающих матерей и их детей в рабочих районах, улучшение условий жизни рабочих и их семей»³⁴³.

Таким образом в 1930-х гг. произошло окончательное выделение основных идей кемализма. «Шесть стрел», которые начали формироваться еще в конце 1920-х гг. получили более четкие формулировки и окончательно установились в программе Народно-республиканской партии 1931 г. Цементируя основные постулаты кемалистских идей в своей программе 1935 г. функционеры НРП создавали задел на будущее – окончательное становление как партийной, так и государственной идеологии. В дальнейшем, в результате принятия закона от 5 февраля 1937 г. все основные термины кемализма стали частью Конституции 1924 г.³⁴⁴, в частности ст. 2 стала выглядеть следующим образом: «Турецкое государство

³⁴¹ CHP Programı. S. 5.

³⁴² Ibid. S. 10–11.

³⁴³ Ibid. S. 44–47.

³⁴⁴ Текст закона, а также его обсуждение см.: *Resmî Gazete*. 13 Şubat 1937. S. 7659–7672.

– это демократическое, националистическое, народное, этатистское, светское и революционное. Официальный язык – турецкий. Столица – Анкара»³⁴⁵.

Несмотря на официальное закрепление принципов и идеологических постулатов кемализма, отсутствовало единство в трактовке «шести стрел», в частности в каком виде и на какие основы стоит опираться при использовании постулатов в пропагандистских целях. Это создало идеологическую конфузию, которая вылилась в разделение кемализма на левую и правую ветви. Так называемое «Движение “Kadro”», которое состояло из сторонников левого кемализма, стало одним из наиболее ярких маркеров общественно-политической дискуссии об идеологическом предназначении кемализма во внутренней политике страны, так как некоторые его идеи стали использоваться официальными властями. В то же время существовал правый кемализм, который смешивал риторику Кемаля с тюркистскими, а иногда и с пантюркистскими нарративами. Все это свидетельствовало об отсутствии единой трактовки кемалистских идей, что отражалось в пропаганде 1930-х гг.: пока правые и ультраправые издания (такие, как журналы известного пантюркиста Н. Атсыза) трактовали кемализм с выгодной им стороны, левые, такие как журнал “Kadro”, объясняли смысл «шести стрел» по-своему. Все это дополнительно нагружало кемалистскую пропаганду – выбор правильной трактовки и необходимость следования левому или правому кемализму позволяли провластным пропагандистам инкорпорировать идеи двух противоположных лагерей и использовать в дальнейшем некоторые их наработки.

3.1.2. Левый кемализм и журнал “Kadro”

Наиболее ярким проявлением «левого кемализма» в прессе считается журнал “Kadro”, выходивший с 1932 по 1934 гг. Основателями издания были Шевкет Сюрейя Айдемир, Якуб Кадри Караосманоглу, Ведат Недим Тор, а также Исмаил

³⁴⁵ 1924 Anayasası. Türkiye Cumhuriyeti Anayasa Mahkemesi. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения 11.03.2024).

Хюсрев Токин и Бурхан Асаф Бейге. Прежде чем приступить к изданию журнала Якуб Кадри Караосманоглу обсудил с генеральным секретарем НРП Реджепом Пекером свои опасения по поводу любых действий, противоречащих партийной дисциплине. В ходе разговора Якуб Кадри отметил, что у них было намерение дать оценку реформам Кемаля и издавать журнал, который служил бы «авангардным» органом НРП. Однако Пекер поинтересовался, из какого источника они получили такое разрешение, и добавил, что такая обязанность остается исключительно за партией. Кадри ответил, что они получили разрешение на издание журнала после консультации с Кемалем и Исмет-пашой³⁴⁶. Журнал “Kadro”, в котором говорилось о его первой обязанности «вечно защищать Турецкую революцию, Турецкую Республику», определил себя как орган, борющийся за республиканское дело³⁴⁷.

В своих первых выпусках сотрудники журнала объясняли цель издания следующим образом: «По мере того, как идеи [кемализма] будут объяснены, они станут критериями для новых свершений...»³⁴⁸. Авторы “Kadro” тогда поставили перед собой определенные задачи, заявив, что самой важной и неотложной из них являлось объяснение сути турецкой революции. Редакция также обращала внимание на роль государства в продолжении революционной борьбы: «Государство может выполнить обширную организаторскую роль, которая выпала на его долю... Огромная рабочая сила, армия техников-ученых и интеллектуалов быстро рождается из сердца нации под сознательным и чутким руководством...»³⁴⁹.

Несмотря на то что журнал выходил лишь несколько лет, его влияние на общественно-политическую жизнь Турции нельзя недооценить. В идейном фундаменте издания лежало несколько источников вдохновения. Первыми были идеи двух турецких писателей, получивших известность в младотурецкую эпоху и стоявших у основ как пантюркизма, так и турецкого национализма – Юсуфа Акчурлы и Зии Гёкальпа. Их взгляды повлияли на кемалистский режим, и поэтому

³⁴⁶ Kuzgun M. An Assessment on the Contribution of Şevket Süreyya Aydemir to the Establishment of Kemalist Ideology and his Writings in the Kadro Journal // History Studies – 2018. – № 10 (2). – P. 102.

³⁴⁷ Kadro. 1933. № 22. S. 7.

³⁴⁸ Kadro. 1932. № 1. S. 1.

³⁴⁹ Kadro. 1932. № 9. S. 20.

можно предположить, что Акчуря и Гёкальп также оказали ощутимое влияние и на “Kadro”. Авторы журнала почти не упоминали Юсуфа Акчурю³⁵⁰, хотя их интерпретация распада Османской империи была удивительно похожа на ту, которую он предлагал. Редакция “Kadro”, вслед за Акчурой, подчеркивала негативное воздействие промышленной революции на османское ремесленное производство, влияние идей Французской революции на балканские национально-освободительные движения, а также военное и экономическое господство западных держав в качестве факторов, которые привели к расчленению Османской империи³⁵¹.

Известный турецкий писатель, историк, а также один из основателей журнала “Kadro” Шевкет Сюрейя Айдемир в статье «Зия Гёкальп», высказал несколько важных соображений³⁵², которые впоследствии были развиты в отдельных статьях Ведата Недима Тора³⁵³ и Якуба Кадри³⁵⁴. Он писал, что Гёкальп заслуживал большого уважения за свои идеи, однако критиковал некоторые из них, особенно те, которые были опубликованы в книге «Принципы тюркизма»³⁵⁵. Айдемир утверждал, что, во-первых, взгляды Гёкальпа были фрагментарными³⁵⁶. Во-вторых, он не создал новой научной школы и не придерживался какого-либо конкретного идеологического направления. Автор добавил, что солидаризм являлся калькой с работ Эмиля Дюркгейма (1858–1917), хотя сам Айдемир никак не комментировал последнего, заявив, что не ему защищать Дюркгейма от Гёкальпа или наоборот³⁵⁷. В-третьих, турецкий писатель раскритиковал идейного вдохновителя пантюркизма за непонимание исторического материализма и искажение марксизма³⁵⁸. Автор завершил свою статью утверждением, что как

³⁵⁰ Türkeş M. The ideology of the Kadro [cadre] movement: a patriotic leftist movement in Turkey // Middle Eastern Studies. – 1998. – № 34 (4). – P. 93.

³⁵¹ Например в: Kadro. 1932. № 1. S. 21–27.

³⁵² Kadro. 1932. № 2. S. 29–40.

³⁵³ Kadro. 1933. № 15. S. 13–19.

³⁵⁴ Ibid. S. 25–27.

³⁵⁵ Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. 197 s. Gökalp Z. The Principles of Turkism. Leiden: E. J. Brill, 1968. 149 p.

³⁵⁶ Kadro. 1932. № 2. S. 30.

³⁵⁷ Kadro. 1932. № 2. S. 36.

³⁵⁸ Ibid.

интеллектуал Гёкальп принадлежал к поколению османских мыслителей, живших до Первой мировой войны, чьи требования о таких социальных реформах, как унификация религиозного и нерелигиозного образования, участие женщин в экономической жизни и секуляризация, были реализованы турецкой революцией³⁵⁹.

Вторым возможным источником идеологического вдохновения движения “Kadro”, был, вероятнее всего, марксизм-ленинизм. Айдемира привлекли антиимпериалистические последствия революции в России, осуществленной под руководством большевиков во главе с В. И. Лениным. Что еще более важно, так это то, что в первые годы революции он жил в Баку, а затем вместе с Исмаилом Хюсревом Токином в Москве³⁶⁰. Там Айдемир и Токин познакомились с марксистскими взглядами и работами Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»³⁶¹ и «Тезисы по национальному и колониальному вопросу», озвученные на II Конгрессе Коминтерна³⁶². Можно предположить, что под влиянием антиимпериалистических настроений и работ В. И. Ленина Айдемир сделал два вывода: во-первых, все колонии в будущем могли бы получить национальную политическую независимость; во-вторых, это привело бы к разрушению капиталистическо-империалистического статус-кво³⁶³.

Советский опыт в реализации «Новой экономической политики» (1921–1928 гг.) и первой пятилетки (1928–1932 гг.) также стал важным источником вдохновения для редакции “Kadro”. В то время как в Советском Союзе был введен НЭП, Айдемир и Токен учились в Москве, а когда в СССР НЭП уступил место индустриализации и плановой экономике, они были наняты кемалистским

³⁵⁹ Kadro. 1932. № 2. S. 39–40.

³⁶⁰ Türkeş M. The ideology of the Kadro [cadre] movement: a patriotic leftist movement in Turkey // Middle Eastern Studies. – 1998. – № 34 (4). – P. 94.

³⁶¹ Полный текст данной работы см.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Издательство АСТ, 2023.

³⁶² Полный текст см.: II конгресс Коминтерна. Тезисы по национальному и колониальному вопросам // Коммунистический интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986.

³⁶³ Озвучены были в Kadro. 1932. № 21. S. 8–10.

правительством для перевода советских документов на турецкий язык для официального использования³⁶⁴.

Редакция журнала не могла обойти стороной рассуждения относительно актуальных на тот момент идеологий – капитализма, марксизма и фашизма. Авторы утверждали, что капитализм исторически развивался в Европе: начиная с XV в. европейские державы грабили туземцев в Америке и перевозили сырье и рабов из Азии и Африки в Европу, что было первоначальным накоплением капитала за счет грабежа колоний³⁶⁵. Айдемир отмечал, что Маркс определял капитализм в терминах отношений между классом свободных наемных работников и классом капиталистов³⁶⁶, но это, по его мнению, было лишь частью проблемы неравномерного распределения доходов, когда доля последних становилась все больше и больше.

Айдемир неоправданно критиковал марксизм, утверждая, что Маркс пренебрег тем фактом, что капитализму нужны подчиненные внутренние районы-колонии. До промышленной революции, по мнению авторов “Kadro”, внешние связи капитализма осуществлялись при посредничестве торгового капитала. «Промышленная революция в XVIII в. набрала обороты, что стимулировало технический прогресс, а также повышение специализации и интенсивности производства. Это привело к тому, что европейские державы начали производить большое количество промышленных товаров, которые они экспортировали в колонии и полуколонии Азии и Африки, уничтожая местное мелкое ремесленное производство»³⁶⁷. Если использовать более современную терминологию, журнал “Kadro” считал, что отсталость колоний и полуколоний была вызвана в первую очередь развитием капитализма в Европе.

Айдемир отмечал, что именно капиталистическая система породила классовую борьбу, а социализм и фашизм произошли от капитализма. Однако он

³⁶⁴ Подробнее об этом пишет сам Шефкет Сюрейя Айдемир в своей биографии Исмета Инёну «Второй человек» (İkinci Adam). Aydemir Ş.S. İkinci Adam. Birinci Cilt (1884–1938). İstanbul: Remzi Kitabevi, 2011. S. 411.

³⁶⁵ Kadro. 1933. № 16. S. 5–10.

³⁶⁶ Kadro. 1933. № 19. S. 19.

³⁶⁷ Kadro. 1933. № 19. S. 10.

утверждал, что идея разделения общества, озвученная Марксом, на эксплуатируемый рабочий класс и эксплуатирующую буржуазию была характерной для Европы XIX в.³⁶⁸ Автор считал, что марксизм был не способен объяснить качественные различия между западными промышленно развитыми и отсталыми странами, а в XX в. доминирующей и первичной была дилемма между этими странами³⁶⁹.

Развивая сюжеты на тему марксизма и фашизма, издание затрагивало такие важные моменты, как качественные различия между рабочим классом промышленно развитых и неразвитых стран, а также классовый характер фашизма. Однако при анализе фашизма и марксизма основной целью “Kadro”, по-видимому, было показать свою непричастность к этим двум течениям, поскольку журнал обвиняли в том, что он имеет «коммунистическую» направленность³⁷⁰. Хотя издание не раскрыло, кто выдвинул такие обвинения, они звучали со стороны Махмуда Сойдана, депутата парламента и генерального директора «Делового банка» (İş Bankası). В статье, опубликованной в газете “Milliyet” в 1933 г., Сойдан обвинил журнал “Kadro” в том, что он является прокоминтерновским изданием³⁷¹.

В своей критике марксизма Айдемир отмечал, что диалектический материализм Маркса можно разделить на пять основных положений:

- Все находится в состоянии непрерывного движения и изменений.
- Закон перехода количественных изменений в качественные.
- Качественные изменения происходят относительно внезапно – скачком.
- Развитие происходит через единство и борьбу противоположностей.
- Все связано, зависит и определяется всем остальным.

Следовательно, ничто не может быть понято само по себе, изолированно, но всегда должно быть понято в неразрывной связи с другими вещами и как обусловленное ими. Конфликт – это мать всех событий. Историческая

³⁶⁸ Kadro. 1933. № 19. S. 13–14.

³⁶⁹ Ibid. S. 15.

³⁷⁰ Kadro. 1933. № 18. S. 5–6.

³⁷¹ Millet. 5 Teşrinisani 1933. S. 1–2.

необходимость и классовая борьба в марксистской теории вытекают из этого диалектического понимания³⁷².

Подход “Kadro” к концепции национализма также был основан на экономике. Одним из наиболее ярких постулатов являлась трактовка понятия «национальная экономика». Этот термин, появившийся в годы правления младотурок, стал одним из важных частей процесса основания Республики. Можно сказать, что он сыграл решающую роль в этом процессе, начиная с Измирского экономического конгресса и заканчивая концепцией «этатизма» 1930-х гг. В авангарде шел журнал “Kadro”, где понятие «национальная экономика» использовалось наравне с понятием «этатизм».

Учитывая то, какие идеи были опубликованы на страницах журнала, можно говорить о полном соответствии его идеологии с идеями «левого кемализма» – интерпретацией «шести стрел», опиравшейся на экономический и политический опыт Советского Союза. Так, трактовку «национальной экономики» с оглядкой на советский НЭП можно считать попыткой показать полезность советского эксперимента и его соотношение с принципом этатизма из «шести стрел». Хотя журнал “Kadro” был создан с намерением распространять интеллектуальные принципы, которые должны были придать жизненную силу кемалистским реформам и сделать их эффективными, он не смог принести желаемых результатов. В итоге журнал не вышел за рамки своих собственных идеологем, вошёл в конфликт с точкой зрения об отсутствии классового деления в обществе, которое было использовано правящей Народно-республиканской партией в своей программе 1931 г. За этим последовало закрытие журнала в связи с разночтением по идеологическим причинам с кемалистской НРП.

Сотрудники журнала³⁷³ не подверглись преследованиям, многие из авторов продолжили работу в турецких СМИ. В частности, Шефкет Сюрейя Айдемир и Якуб Кадри Караосманоглу во второй половине 1930-х гг. трудились над созданием

³⁷² Kadro. 1933. № 19. S. 10.

³⁷³ В турецкой историографии авторам, которые работали в журнале “Kadro”, дали прозвище «Кадровики» (Kardocular). Например в: Demirci F. Kadro Hareketi ve Kadrocular // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2015. – № 15. – S. 35–54.

турецкого журнала для иностранных читателей “La Turquie Kemaliste” (Кемалистская Турция). Ведат Недим Тёр трудился в газетах “Cumhuriyet” и “Vatan” (Родина). Тем самым, идеи журнала “Kadro” нашли свое воплощение в рамках официальной пропаганды, которая, несмотря на разногласия по некоторым вопросам (в частности, по вопросу о характеристики турецкого общества как классового или бесклассового), все же не стала репрессировать авторов журнала, а инкорпорировала их в кемалистскую пропаганду.

3.1.3. Правый кемализм и его проявление в виде ультранационализма и антисемитизма

В начале 1930-х гг., помимо проявления элементов «левого кемализма» в турецкой пропаганде появились издания, использовавшие нарратив «правого кемализма». Суть данной идеологемы заключалась в трактовке идей Кемаля через призму тюркизма. Несмотря на то, что кемалистская пропаганда всячески пыталась нивелировать праворадикальные настроения в прессе, они появлялись на страницах печатных изданий и служили базисом для постепенной популяризации пантюрикстского направления.

Начиная с 1920-х гг. турецкая пресса играла значительную роль в создании условий для появления и распространения антисемитизма. В 1921 г. депутат Мустафа Дурак утверждал, что евреи, которые стояли за большевистской революцией, «хотят контролировать весь мир»³⁷⁴, а в 1923 г. измирские газеты представляли евреев как «микробов Измира, [которые] контролируют торговлю Анатолии и эксплуатируют турок», и предлагали измирским торговцам, которые «живут в условиях европейской оккупации», создать профсоюз, чтобы избавиться от «безнравственных и корыстных евреев»³⁷⁵. В 1930-е гг. примеров стало еще

³⁷⁴ Türkiye Büyük Millet Meclisi [TBMM] Gizli Celse Zabıtları. c. 2. 17 Mart 1921–25 Şubat 1922. Ankara: TBMM Basımevi, 2023. S. 39–40.

³⁷⁵ Lamprou A. The journal İnkılâp and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). – P. 2.

больше. Появляются радикальные националистические, антисемитские и расистские издания, наиболее известным из которых являлся “Orhun”. В статье «Да знают сыны Моисея Наджиба», опубликованной в 1933 г. в седьмом номере журнала “Orhun” школьным учителем Нихалем Атсызом и непосредственно посвященной еврейскому вопросу, он писал: «Никто в мире не любит евреев, кроме самих евреев. В то время как человечество всегда поклонялось силе, героизму и добру, еврей отождествлялся с унижениями, трусостью, злом. В нашем языке такие слова и словосочетания, как “быть как еврей”³⁷⁶, “не будь двуличным”³⁷⁷, “двуличный базар”³⁷⁸, “быть похожим на синагогу”³⁷⁹, демонстрируют то отношение, которое наша раса придает этой нации... Даже во Франции, где гостеприимно принимали евреев, изгнанных из Германии, евреи говорят, что самый простой комплимент в их адрес – это “грязный еврей”...»³⁸⁰.

Атсыз не был единственным «рупором» антисемитизма в кемалистской Турции 1930-х гг. Стоит отдельно остановиться на примере журнала “İnkılâp” (Революция), издававшегося в Измире с апреля 1933 г. После Освободительной войны Измир утратил большую часть своей мультикультурной среды. Евреи были единственной значительной немусульманской общиной, составлявшей до 10% населения города³⁸¹. В первом номере журнала “İnkılâp” были опубликованы статьи на различные темы: литература, спорт, экономика. Антисемитизм начал проявляться со второго выпуска журнала, в котором, например, была напечатана статья «Уроки, которые нужно извлечь из Германии», которая опиралась на немецкий опыт решения еврейского вопроса. Автор приветствовал «очищение Гитлером немецкой нации от евреев». Последние описывались как «великое бедствие», «вампиры, которые проникают в каждую нацию», «существа, живущие внутри нас, высасывающие и отравляющие нас», «подлые и робкие, хитрые и

³⁷⁶ На тур. “Yahudi gibi”.

³⁷⁷ На тур. “çifitlik etme”.

³⁷⁸ На тур. “çifit çarşısı”.

³⁷⁹ На тур. “havraya benzemek”.

³⁸⁰ Atsiz H. N. Makaleler IV. İstanbul: Baysan Yayıncılık, 1992. S. 214–215.

³⁸¹ Lamprou A. The journal İnkılâp and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). – P. 3.

изворотливые, мошенники, вороны и трупы», «грязная змея, сражающаяся со всеми народами» и «зло, которое отправляет наши вены и кровь»³⁸².

В другой публикации осуждался тот факт, что закон признает всех граждан – в том числе турецких евреев – турками³⁸³. Автор статьи использовал визуальные изображения, которые копировали антисемитские карикатуры из Германии и приобрели популярность в Турции в тот период: «Собираемся ли мы дать наше святое имя этому гибридному типу людей, этим суетливым, шумным, робким и трусливым людям с опухшими глазами?»³⁸⁴ Следующие выпуски журнала, а также его духовного наследника “*Milli İnkılâp*”, который выходил уже в Стамбуле в мае – июле 1934 г., следовали в том же направлении, публикуя антисемитские статьи и переводы Генри Форда, Теодора Фрича³⁸⁵, а также текстов и карикатур из немецкой газеты “*Der Stürmer*”³⁸⁶.

Еще одним проявлением антисемитизма в журнале “*İnkılâp*” стали публикации о так называемом «еврейском предательстве». Согласуясь с общеевропейской тенденцией того времени, оно отобразилось в идеи об «ударе в спину» со стороны евреев. В 1920-х гг. упоминания о якобы имевшем место предательстве во время войны появлялись лишь эпизодически, однако в 1930-х гг. миф о еврейском предательстве стал более распространен в Турецкой Республике.

Впрочем, журнал “*İnkılâp*” уступал в своей риторике своему преемнику – журналу “*Milli İnkılâp*”, который стал более настойчиво пропагандировать со своих страниц идеи «еврейского заговора». Во многом это связано с именем главного

³⁸² *İnkılâp*. Mayıs 1933. № 2. S. 1–3.

³⁸³ Согласно ст. 88 Конституции Турецкой Республики 1924 г. «В Турции всех называют «турками» с точки зрения гражданства без различия религии и расы. 1924 Anayasası. Türkiye Cumhuriyeti Anayasa Mahkemesi. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения 11.03.2024).

³⁸⁴ *İnkılâp*. Mayıs 1933. № 2. S .6.

³⁸⁵ Отрывки из книг Генри Форда «Международный еврей» и Теодора Фрича «Загадка успеха еврея» были опубликованы во всех пяти номерах журнала “*Milli İnkılâp*”. В этих главах подчеркивалась борьба между «достойными и благородными нациями и расами» и «отвратительными евреями». Lamprou A. The journal *İnkılâp* and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). – P. 4; Güven E., Yılmazata M. *Milli İnkılâp* and the Thrace Incidents of 1934 // Journal of Modern Jewish Studies. – 2014. – № 13 (2). – P. 195.

³⁸⁶ Немецкая газета “*Der Stürmer*” (Штурмовик) начала издаваться в 1923 г. под редакцией Юлиуса Штрайхера – члена НСДАП и одной из центральных фигур в нацистской пропаганде. Подробнее о газете «*Der Stürmer*» и о личности Юлиуса см.: Bytwerk R.L. Julius Streicher. N.Y.: Cooper Square, 2001; Bytwerk R.L. Julius Streicher and the Early History of “*Der Stürmer*,” 1923–1933 // Journalism History. – 1978. – № 5 (3). – P. 74–79.

редактора журнала Джевата Рыфата Атильхана – ярого антисемита, которыйставил перед собой задачу раскрытия сионистского заговора. Атильхан происходил из семьи военных, писателей и государственных деятелей. Будучи офицером, он участвовал во всех войнах 1912–1922 гг. По неизвестным причинам в 1923 г. он вышел в отставку и начал карьеру на ниве торговли, но уже в 1928 г. разорился. Сам Атильхан утверждал, что его банкротство было спровоцировано евреями, которые хотели отомстить за его предполагаемое разоблачение еврейско-сионистской шпионской сети в Палестине во время войны³⁸⁷.

В 1933 г. через пять лет после своего банкротства, Атильхан начал публиковать в Турции антисемитскую литературу, а в 1934 г. возглавил редакцию журнала “*Milli İnkılâp*”. Атильхан поддерживал контакты с нацистами, по крайней мере, с момента прихода Гитлера к власти в 1933 г. В 1934 г. Атильхан был приглашен в Мюнхен Юлиусом Штрайхером, издателем известной антисемитской газеты “*Der Stürmer*”³⁸⁸. Эта газета, имевшая значительное число читателей, оказала на него определенное влияние. После своего визита в Германию он привез в Стамбул печатные блоки и, возможно, даже деньги от нацистов для публикации антисемитских материалов³⁸⁹.

Вместе с Атильханом в журнале работал 39-летний Осман Оглу Леми, отпрыск богатой семьи Измира Османзаде. В отличие от большинства турецких националистов предыдущего поколения, Леми не учился в Османской военной или гражданской академии управления. Скорее всего семья отправила его в Германию в 1916 г. на обучение. В 1930-х гг. Леми стал одним из постоянных авторов как “*İnkılâp*”, так и “*Milli İnkılâp*”. В 1933 г. он опубликовал в “*İnkılâp*” две статьи, в которых восхвалял меры, принятые Гитлером против немецких евреев. Леми категорически отвергал любую возможность того, что евреи Турции могут считаться частью нации, как бы сильно они «ни утверждали, что они турки». Он повторил тезис об «ударе в спину», согласно которому евреи Измира сотрудничали

³⁸⁷ *Millî İnkılâp*. Haziran 1934. № 3. S. 5.

³⁸⁸ Güven E., Yilmazata M. Milli İnkılâp and the Thrace Incidents of 1934 // Journal of Modern Jewish Studies. – 2014. – № 13 (2). – P. 194.

³⁸⁹ Ibid.

с греками в годы оккупации (1919–1922), и призвал к радикальным действиям, попросив «турецкую молодежь вынести свой собственный вердикт»³⁹⁰.

Журнал “*Milli İnkilâp*” Атильхана был закрыт в июле 1934 г. ввиду несоответствия ст. 50 закона «О печати», согласно которой журнал был «нацелен на разжигание межнациональной розни внутри страны и за ее пределами и нанесение ущерба национальному единству»³⁹¹. Впрочем, после закрытия газеты Атильхан продолжил свою антисемитскую деятельность, публикуясь в других изданиях, таких как “*Sebîlürreşâd*” (Прямой путь), “*Yeni İstiklal*” (Новая независимость) и других³⁹².

Журнал “*Milli İnkilâp*” публиковал на своих страницах карикатуры из “*Der Stürmer*”. Так, например, в номере немецкого издания за март 1934 г. на обороте появилась характерная антисемитская карикатура, изображающая гротескно нарисованную еврейскую пару. Рисунок высмеивал евреев и их неспособность создать свое национальное государство. Муж описывает свой кошмар жене: «мне приснилось, что евреи основали государство без гоев, и все погибло, потому что некому было на нас работать». В версии карикатуры в журнале “*Milli İnkilâp*” эта проблема показана в похожем контексте. Тем не менее не мужу, а жене снится страшный сон о Палестине, где «не будет никого, у кого мы могли бы украсть и кому позволили бы работать на нас» (*Рисунок 19*)³⁹³.

³⁹⁰ *İnkilâp*. Mayıs 1933. № 3. S. 14–15.

³⁹¹ *Resmî Gazete*. 8 Ağustos 1931.

³⁹² Güven E., Yilmazata M. *Milli İnkilap and the Thrace Incidents of 1934* //Journal of Modern Jewish Studies. – 2014. – № 13 (2). – P. 208.

³⁹³ *Der Stürmer*. März 1934, № 9. S. 1. *Milli İnkilap*. 15 Haziran 1934. № 4. S. 1.

Рисунок 19. Карикатура из журнала “*Milli İnkılâp*” и ее оригинал из газеты “*Der Stürmer*”. *Der Stürmer*. März 1934, № 9. S. 1. *Milli İnkılâp*. 15 Haziran 1934. № 4.

S. 1.

Закрытие журнала “*Milli İnkılâp*” было инициировано министром внутренних дел Реджепом Пекером, поскольку, по его мнению, он занимался «пропагандой гитлеризма и было связано с агентством пропаганды Гитлера»³⁹⁴, что было синонимично словам того же Пекера, произнесенных годом ранее относительно закрытия журнала “*İnkılâp*”. В то же время антисемитизм не воспринимался турецкими чиновниками как идеология, которая могла бы существовать автономно сама по себе. Однако турецкое правительство считало, что антисемитизм является «орудием» внешнего давления со стороны Германии и поэтому поспешило закрыть антисемитские журналы, которые пропагандировали, по мнению министра внутренних дел Пекера, идеологию или интересы других государств³⁹⁵. Антисемитизм привлекал турецких националистов, потому что предлагал понятия и инструменты пропаганды, направленные против лиц еврейской национальности.

³⁹⁴ Lamprou A. The journal *İnkılâp* and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). – P. 7.

³⁹⁵ Lamprou A. The journal *İnkılâp* and the appeal of antisemitism in interwar Turkey. P. 8.

Все это способствовало постепенной демонизации евреев для националистически настроенной публики.

Помимо антисемитизма в печатных изданиях правых кемалистов 1930-х гг. распространялись идеи пантюркизма, наиболее яркое выражение которых отразилось в публикациях Нихаля Атсыза. Помимо уже указанного антисемитизма, Атсыз в своем журнале “Atsiz Mescua” (Журнал Атсыза) попытался представить новую мысль в кемализме. Статьи, опубликованные в 17 выпусках журнала “Atsiz Mescua” в период с 1931 по 1932 гг., рассматривали вопросы истории, географии и национальных целей с крайне правых позиций.

В период радикальных преобразований в контексте модернизации Турецкой Республики “Atsiz Mescua” выпускался с целью «оживления» турецкого национализма. Владелец и ответственный редактор журнала Хюсейн Нихаль Атсыз, который в последующие годы стал одной из ключевых фигур турецкого национализма, в то время был молодым ассистентом в Стамбульском университете и не стал молчать, когда, по его мнению, политика республики в области истории и идентичности была сфабрикована.

Анализируя статьи в журнале, видно, что он был идеологически близок к идеям пантюркизма. Это символизировало серьезный отход от концепции национализма, которая являлась официальной идеологией того времени. Кроме того, “Atsiz Mescua” рассматривал вопрос «турецкой расы», отвергая антропологические термины «белая раса» и «желтая раса», отстаиваемые официальной идеологией. В журнале проявлялись идеи, связанные с географией Турана. Также в журнале имела место критика вестернизации. “Atsiz Mescua” выступал против нее во многих областях: от образования до культурной политики. Однако журнал не был против революций и придерживался в этом вопросе линии Зии Гёкальпа, который делал акцент на культуре как на важном факторе преобразований турецкого общества.

В “Atsiz Mescua” также критиковалась официальная трактовка истории Турции и была предпринята попытка выдвинуть концепцию национализма, которая отличалась от официальной идеологии как с точки зрения историографии,

так и с точки зрения географии. В этом контексте Атсыз начал излагать свои собственные взгляды в статье «К какой расе принадлежат турки» в первом номере журнала, датированном 15 мая 1931 г.³⁹⁶ В ней Атсыз привел свои доводы по трем параметрам:

- «В научном понимании того времени расы классифицировались не по цвету кожи, а по языкам.
- Категоризация, сделанная в соответствии с научным пониманием прошлого, не применяется по сей день.
- Тюрки и монголы не имеют ничего общего с арийцами»³⁹⁷.

По последнему пункту Атсыз заявлял следующее: «Одна из причин, по которой турки считаются арийцами, заключается в том, что хетты являются турками. Утверждающие это хотят доказать древность турок в Анатолии и обрести право наследования. Без сомнения, мы все этого хотим. Но истина такова: памятники хеттов были прочитаны, и стало ясно, что они арийцы, а не турки. Если хетты являются арийцами, это очень опасный путь для нас... отрицая наши антропологические особенности, мы создадим благоприятную почву для тех, кто хочет показать анатолийского турка как наследника древних греков»³⁹⁸.

Атсыз в своей статье связывал свои заключения относительно исключительности тюрок с западными исследованиями, в частности с работами французов Эжена Питтара³⁹⁹ и Поля Топинара⁴⁰⁰. Турецкий писатель утверждал, что после прибытия тюрок в Анатолию они смешались с коренными народами и культурами и стали нацией, независимой от Центральной Азии и даже более похожей на греков: «Именно с этой даты французы проникли в наше лоно с помощью науки, чтобы разрушить нашу национальную структуру и принять нас в

³⁹⁶ Atsız Mescua. Mayıs 1931. № 1. S. 6.

³⁹⁷ Ibid.

³⁹⁸ Atsız Mescua. Mayıs 1931. № 1. S. 6–7.

³⁹⁹ Известен своей работой «Расы и история» (Les Races et l'Histoire). Pittard E. Race and History. N.Y.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co.ltd., 1926.

⁴⁰⁰ Известен трудом «Элементы общей антропологии» (Éléments d'anthropologie générale), где, на основе внешних признаков выводились подвиды тех или иных представителей расовых ветвей. Topinard P. Éléments d'anthropologie générale. Paris: A. Delahaye et É. Lecrosnier, 1885. También известен своим высказыванием «Нет больше “чистых рас” на Земле». Topinard P. Anthropologie, ethnologie et ethnographie // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. – № 11. – P. 208.

себя и в мир как нацию, отдельную от нашей исторической расы ... Он [Топинар] прав, аргументы этого ученого просты. Мы не турки, занимающиеся историей прошлых времен; мы просто нация, смешавшаяся с древними греками в Анатолии, которые стали греками и потеряли расовую и историческую преемственность. [Тем самым] мы должны перестать иметь отношение к нашей истории и нашей расе и приблизиться к грекам, которые добавили кровь и цивилизацию в нашу культуру...»⁴⁰¹

Журнал заявлял о необходимости прислушиваться к молодой (и радикальной) интеллигенции, которая предлагала новые идеи для продолжения кемалистской революции: «Сначала в Эрзуруме, а затем в Сивасе Мустафа Кемаль-паша разорвал цепи... Изгнав султана и его людей, он провозгласил республику. За очень короткое время он ввел политические новшества, разрушив старые нормы. Но, Революция не в порядке. Самым важным недостатком революции является отсутствие молодежи, обладающей общими мыслями, совместными делами и умениями. Новое здание называется “Республика”. В его основе кровь и вера. Мы верили, что это здание не будет снесено. У некоторых создателей этого здания, построенного на наших глазах, есть некомпетентность, безразличие, усталость. Они нуждаются в помощи молодых сил. Создатели работают, но в их работе нет специализации и разделения труда»⁴⁰². По словам Атсыза, сохраняющаяся опасность заключалась в выборе официальной идеологии. Он указывал на то, что турки совершили ошибку, приняв ислам и войдя в исламскую цивилизацию, приняв все институты и элементы этой цивилизации, особенно религию⁴⁰³.

Тем самым история интерпретировалась как самостоятельный предмет. Атсыз утверждал, что цель укрепления чувства национальной гордости и превосходства путем сосредоточения внимания на «великой» истории турецкой

⁴⁰¹ Atsız Mecmua. Birinciteşrin 1931. № 6. S. 129.

⁴⁰² Atsız Mecmua. Nisan 1932. № 12. S. 285–286.

⁴⁰³ Полная версия статьи см.: Atsız Mecmua. Nisan 1932. № 12. S. 290–292.

нации могла быть достигнута путем подчеркивания прошлых побед и ее способности создавать великие государства⁴⁰⁴.

В начале 1930-х гг. пропаганда правого кемализма выкристаллизовалась и стала более рельефной: ее идеи были близки по духу пантюркизму, а антисемитизм стал основой пропагандистских кампаний, связанных в некоторых печатных изданиях. Наиболее заметное влияние на ультраправые течения в Турции оказали идеи официального кемализма, которые на страницах журналов “İnkılâp” и “Milli İnkılâp” не критиковались, а лишь «дополнялись». Так, нацистская идеология, транслировавшаяся на страницах немецкого издания “Der Stürmer” Ю. Штрайхера сыграла важную роль в формировании антисемитской повестки этих изданий. Пантюркизм Нихаля Атсыза, распропагандированный в журнале “Atsız Mecmua”, лишь дополнял кемализм новыми, более смелыми идеями, ведущими «национальную революцию» до конца.

Таким образом существовали различные трактовки кемализма как государственной идеологии, что не могло не отразиться на пропаганде тех лет. Левый кемализм со страниц журнала “Kadro” трактовался как близкий к марксизму. Журнал пытался сформулировать идеологическую основу для интерпретации турецкой революции в историческом контексте, особо выделяя ответственность за ее формирование для кадровых работников, бюрократов-интеллектуалов. Праворадикальная пресса, оставаясь верной основным принципам идеологии «шести стрел», стремилась обосновать собственную позицию путем увязывания кемализма с антисемитизмом и пантюркизмом. Согласно взглядам авторов данных концепций, подобное теоретическое дополнение было призвано детализировать программу действий, необходимых для достижения целей кемалистской революции. Все эти идеи были отражены в пропаганде тех лет, которая велась как сторонниками левого, так и сторонниками правого крыла кемалистской идеологии.

⁴⁰⁴ Korkmaz T. Cumhuriyetin Kuruluş Dönemi’nde Resmi İdeoloji ve Türk Tarih Tezi’ne Alternatif Bir Yaklaşım: Atsız Mecmua // Akademik Hassasiyetler. – 2023. – № 10. – S. 663.

3.2. Старые и новые инструменты кемалистской пропаганды в 1930-е гг.

Для ведения пропагандистских кампаний необходим был соответствующий инструментарий: печатные издания и другие средства массовой информации. В арсенале кемалистов в то время имелись не только наиболее распространенные на тот момент методы воздействия на народные массы – газеты, журналы. Сторонники Кемаля, которые не принадлежали ни к левому, ни к правому крылу, пробовали новые инструменты, получившие широкое распространение в Европе в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в частности кинофильмы, которые уже тогда широко использовались на Западе как средство влияния на человека. Кемалистская пропаганда активно использовала традиционные к тому времени инструменты – печатную пропаганду, в частности газеты и журналы, которые, впрочем, к началу 1930-х гг., хоть и сохраняли свою актуальность, но уже не являлись передовыми в сфере информации. В Турции в начале 1930-х гг. вновь появляется кинематограф (3.2.1), который ранее применялся в Османской империи в качестве инструмента пропаганды. Тем самым в 1930-х гг. можно говорить о своеобразном «возвращении» в Турцию кино, как средства пропаганды. Впрочем, традиционные печатные издания также не отставали от кинематографа и внедряли все более яркие способы привлечения внимания читателей. В частности, журналы (3.2.2) часто выходили с большим количеством фотографий, которые либо сопровождали текст той или иной статьи, либо шли отдельным материалом. Это говорит о том, что в турецкой прессе 1930-х гг. придавали большое значение визуальной пропаганде.

3.2.1. Кино, как экспериментальное средство кемалистской пропаганды 1930-х гг.

Еще на рубеже XIX–XX вв. Абдулхамид II проявил особую интерес к киносъемке – он, по сообщению британского исследователя Стефена Боттомора в

1899 г. заказал «специалисту по кинематографу» съемку небольших фильмов о новой Анатолийской железной дороге⁴⁰⁵. Этот «английский атташе по биоскопу» следовал везде за султаном и снимал его, однако Боттомор отмечает, что свидетельства, т.е. сами фильмы, не сохранились, поэтому говорить, что киносъемка имела место, несколько затруднительно. Тем не менее, учитывая интерес Абдулхамида II к кинематографу и то, что он лично поощрял все, что было связано с кино (в 1898 г. он наградил французского предпринимателя Виктора Континасуза за демонстрацию нового проектора), кинопроекты султана выглядели вполне реально.

Распространение кино в Османской империи после первого сеанса в 1896 г. в стамбульском районе Пера повлияло и на постепенно складывающуюся кинопропаганду. Хроники «селямлыка» использовались как выражение силы и власти султана на территории империи, причем эти съемки были нужны не только подданным империи. В Берлине, где воспринимали Османскую империю как потенциального союзника, активно распространяли документальные фильмы с султаном Абдулхамидом II, а затем и кинокадры периода правления младотуров для создания позитивного образа Османской империи, которая затем все же стала союзником Германской империи во время Первой мировой войны.

Помимо того что Абдулхамид был заказчиком кинолент, он также являлся и благодарным зрителем. Приобщение османского общества к кинематографу началось с того, что сам султан первым посмотрел кино. Для него специально во дворце Йылдыз сеанс провел француз Бертран⁴⁰⁶. Репертуар таких представлений обычно включал в себя несколько фильмов и продолжался не более 15 минут. Помимо привезенных кинолент для пополнения репертуара снимались фильмы и в местах показа. Так, французский оператор Александр Промио произвел ряд съемок

⁴⁰⁵ По мнению Боттомора данным «специалистом» мог быть один испанец, некий «Дон Рамирес», открывший цирк в Стамбуле в 1899 г. В число аттракционов входили и «движущиеся картинки», которые и привлекли внимание султана. Who's who of Victorian Cinema. 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.victorian-cinema.net/ramirez> (дата обращения 04.11.2023).

⁴⁰⁶ Osmanoğlu A. Babam Abdülhamit. İstanbul, 1960. S. 68. Цит. по: Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 108.

в Стамбуле: «Парад турецкой пехоты», «Панорама Золотого Рога», «Панорама Босфора»⁴⁰⁷.

Первые показы кино в Стамбуле были осуществлены в 1896 г. некими французами Анри в кафе «Спонек» и «Февзийе» и Камбоном в театре варьете⁴⁰⁸. Немец Зигмунд Вайнберг, который считается первым турецким кинорежиссером и оператором, с 1896 г. организовывал кинопоказы в стамбульских кафе. К концу 1890-х гг. он получил право быть официальным представителем фирмы братьев Люмьер, а с 1900 г. стал представителем знаменитой французской кинокомпании «Патэ». В годы Первой мировой войны Вайнберг работал с турецким сценаристом Ахметом Фехимом⁴⁰⁹, снимал игровые и пропагандистские киноленты, а также возглавлял Центральное военное управление кинематографии. Сам Фехим в годы Первой мировой войны принял участие в производстве фильмов «Кокетка» (Binnaz), «Гувернантка» (Mürebbiye), «Женитьба Хизмет-аги» (Himmet Aga'nın İzdivaci). В начале XX в. турецкий кинематограф только зарождался, тем не менее османская пропаганда уже пыталась использовать это техническое новшество в своих интересах.

В связи с крахом Османской империи и началом Освободительной войны 1919–1922 гг. кинопропаганда оказалась забыта, однако в конце 1920-х гг. синематограф вернулся в пропагандистский арсенал Турецкой Республики. Тем не менее кино создавалось иностранными производственными студиями. В частности, в 1930 г. вышла документальная лента компании “Fox Movietone News”, в которой изображались Мустафа Кемаль-паша, его беседа с послом США в Турции Джозефом Грю и картины турецкой повседневной жизни конца 1920-х – начала 1930-х гг. Посол был одним из тех людей, который приложил огромные усилия для

⁴⁰⁷ Özen M. Travelling Cinema in Istanbul // Travelling Cinema in Europe: Sources and Perspectives / ed. M. Loiperdinger. K. Schriften. Frankfurt am Main: Stroemfeld Verlag, 2008. P. 47–53. Цит. по: Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 109.

⁴⁰⁸ Özuyar A. Devlet-i Aliyye'de Sinema. Ankara: De Ki Basım Yayımları, 2007. S. 41-42. Цит. по: Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 109.

⁴⁰⁹ Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 110.

улучшения отношений США и Турецкой Республикой во время своей службы в качестве посла (1927–1932). Он убедил Кемаля сняться в кинохронике на его ферме в Анкаре и ему удалось организовать съемку такого фильма в звуковом формате.

Одетый как западный джентльмен (*Рисунок 20*)⁴¹⁰, Мустафа Кемаль представлялся респектабельным президентом, неустанно работавшим над индустриализацией своей страны и повышением уровня жизни людей. В своей речи в кинохронике⁴¹¹ он подчеркнул важность взаимной дружбы и общих интересов между Турцией и США. Таким образом, Кемаль не только намеревался продемонстрировать свою прозападную позицию, но и стремился показать близость своих идей с идеалами западных демократий. Достоверность кинематографа помогла донести это послание до американской публики эффективнее, чем любое другое средство массовой информации.

Рисунок 20. Отрывок из фильма 1930 г. Сидят (слева направо): М. Кемаль, Афет [Инан], Дж. Грю. Atatürk Fransızca Konuşuyor (4K Renkli, Net Ses ve Görüntülerle...). YouTube. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=H1aXmQ2cd4w> (дата обращения: 20.12.2023).

Мустафа Кемаль пытался контролировать процесс съемки фильма, выбирая людей, обстановку и регулируя свои действия перед камерой. Кроме того, он и его подчиненные тщательно подготовили ферму и отрежиссировали некоторые сцены.

⁴¹⁰ Atatürk Fransızca Konuşuyor (4K Renkli, Net Ses ve Görüntülerle...). YouTube [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H1aXmQ2cd4w> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴¹¹ Ibid.

Тем не менее некоторые кадры, в частности снятые на улицах Анкары на старом базаре, показывали, что создателей интересовала повседневная жизнь страны, в которой многое не совпадало с рафинированными образами с фермы Кемаль-паши.

Как утверждал автор статьи, опубликованной в популярном турецком журнале “Resimli Ay” (Иллюстрированный месяц), кинематограф «был самым мощным средством пропаганды... В каждом фильме, который мы смотрим, в большей или меньшей степени присутствует пропаганда»⁴¹². Очевидно, что в стране, для которой агитация была неотъемлемой частью внешней политики, кино использовалось как средство пропаганды. Огромный потенциал этого вида искусства для воздействия на умы осознавался кемалистами, что вызвало желание создать национальный кинематограф как для противодействия негативному воздействию иностранных кинокартин, так и для съемок вдохновляющих кинолент для домашнего потребления. Мухсин Эртогрул, ведущий театральный и кинорежиссер 1920-х и 1930-х гг., писал в 1929 г., что, при создании своих фильмов он вдохновлялся примером Японии, снимавшей множество картин для детей⁴¹³. Это сподвигло его на работу над исторической драмой «Почта Анкары» (Ankara Postası), которая стала одним из первых турецких фильмов, посвященных войне за независимость Турции.

Двунаправленный характер кино (как пропагандистского материала) с его способностью создавать как позитивный, так и негативный образ, побудил правительство использовать его для продвижения «истинного» образа Турции. Турецкое правительство было очень озабочено тем, чтобы внимательно следить за фильмами зарубежного производства, которые так или иначе касались Турции или турецкого прошлого, и пыталось, часто безуспешно, предотвратить их показ или разбавить их содержание агитационным материалом.

В июле 1931 г. майор генерального штаба Вахит Зекерия-бей был назначен Министерством обороны в комитет, занимавшийся созданием пропагандистских фильмов для показа за рубежом. К тому времени Центром военного кино, который

⁴¹² Resimli Ay. Ocak 1930. № 11. S. 16.

⁴¹³ Resimli Ay. Kasım 1929. S. 20.

был прикреплен к Управлению академий в Стамбуле, было снято несколько кинокартин об армии. Они должны были быть рассмотрены комитетом в Анкаре на предмет их пригодности для использования в качестве пропагандистских материалов. Помимо этих фильмов в Центре военного кино выпускались и другие киноленты об армии, снятые по заказу комитета⁴¹⁴.

Проектирование образа Турции опиралось не только на прямые пропагандистские картины, поскольку существовало также понимание того, что чрезвычайно эффективным способом ведения пропаганды в зарубежных странах было ее внедрение в фильмы. Признание важности «тонкой» пропаганды было отмечено в статье «Пропаганда через кино», опубликованной в журнале *“Resimli Ay”* в 1930 г., в которой автор отмечал, что снимать прямолинейную пропагандистскую киноленту бессмысленно⁴¹⁵: никто не вынесет просмотра кинофильма, снятого исключительно для пропаганды какой-либо идеи. Именно по этой причине пропаганда должна была быть интегрирована в сюжет обычных кинокартин.

Турецкий кинематограф в 1930-х гг. переживал свое второе рождение. Повышалось внимание к производству пропагандистских (или содержащих пропаганду) фильмов, насыщению их нужной информацией. Создание «правильного» образа Турции как внутри страны, так и вне ее должны были показать успех кемалистских реформ 1920-х гг. и готовность далее продолжать их в русле заложенных в 1931 г. «шести стрел» кемализма. Впрочем кемалисты не отказывались от более традиционных средств трансляции информации в массы. Одним из наиболее ярких и показательных примеров является печатная иллюстрированная пропаганда 1930-х гг.

⁴¹⁴ Boyar E., Fleet K. “Mak[ing] Turkey and the Turkish Revolution Known to Foreign Nations Without Any Expense”: Propaganda Films in the Early Turkish Republic // Oriente Moderno. – 2005. – № 85 (1). – P. 129.

⁴¹⁵ Resimli Ay. Ocak 1930. № 11. S. 16–17.

3.2.2. Печатная иллюстрированная турецкая пропаганда 1930-х гг.

Иллюстрированные журналы составляли одну из основ мировых пропагандистских тенденций того времени. Учитывая доступность изображения, а также наглядность примеров, приводимых в изданиях, стоит говорить о визуальной пропаганде, как об одном из наиболее эффективных способов распространения информации. На момент 1930-х гг. в Европе журналы оставались популярными и доступными читателям. Этот тренд подхватила и кемалистская Турция. На протяжении 1930-х гг. в Турецкой Республике издавались иллюстрированные журналы как для внешней пропаганды, так и для внутренней. Журнал “*La Turquie Kemaliste*” (Кемалистская Турция) считался одним из наглядных примеров кемалистской пропаганды, нацеленной на внешнего читателя (3.2.2.1). Чтобы подчеркнуть свою «вестернизированность» издание публиковалось на французском и немецком языках. Иллюстрированное издание, нацеленное на внутреннюю аудиторию, должно было не только издаваться на турецком языке, но также и пропагандировать новый образ жизни, максимально приближенный к западному. Одним из наиболее ярких таких примеров можно считать журнал “*Yedi Gün*” (Семь дней), который на своих страницах демонстрировал не только повседневную жизнь турецкого общества 1930-х гг., но также и создавал образы его «идеальной» жизни в немалой степени под влиянием западных нарративов о повседневности (3.2.2.2).

3.2.2.1. Журнал “*La Turquie Kemaliste*”, как образец кемалистской «внешней» пропаганды

К 1930-м гг. в мировой практике пропагандистские иллюстрированные журналы получили достаточно широкое распространение⁴¹⁶. В частности, стоит

⁴¹⁶ История иллюстрированных журналов в Европе восходит еще к XIX в. Так, во Франции публиковался журнал “*L’Illustration*”. Tranca A. The Illustrated Press and the Writing of History: The Recueils of *L’Illustration* in 1848 // Dix-

привести пример советского журнала «СССР на стройке» (*Рисунок 21*)⁴¹⁷, который стал прообразом для “La Turquie Kemaliste”. Это можно объяснить как близкими связями, которые имелись на тот момент между Турцией и СССР, так и тем влиянием, которое оказал Советский Союз на редакцию журнала, состоявшую в основном из бывших авторов журнала “Kadro”.

Первый номер “La Turquie Kemaliste” был опубликован в июне 1934 г. Главным управлением по делам печати Турецкой Республики. Статьи в журнале были написаны в основном на французском, реже на немецком и английском языках. Периодическое издание было сосредоточено на выявлении различий между «Новой Турцией» и Османской империей, освещении изменений в социальной сфере, политике и экономике, представлении и пропаганде республики.

Neuf. – 2017. – №21 (4). – Р. 280–296. Традиция иллюстрированных журналов была в Германии, в частности в период нацистской Германии распространение получили иллюстрированные издания Люфтваффе (“Der Adler”), Вермахта (“Signal”, “Die Wehrmacht”) и отдельный журнал для женщин (“Die NS-Frauen-Warte”). Arthur Ciciliato Franzolin J. Die Wehrmacht, organe de propagande des forces armées allemandes, et sa représentation de l’ennemi soviétique (1936–1944) // *Matériaux pour l’histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – Р. 48–55; Aslangul-Rallo C. Signal (1940–1945): propagande “universelle” ou adaptation à des publics hétérogènes: L’exemple de la version francophone // *Matériaux pour l’histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – Р. 56–67; Aslangul-Rallo C., Camarade H., Zunino B. La presse illustrée allemande: émergence, évolutions et perspectives de recherche (1880–1945) // *Matériaux pour l’histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – Р. 3–7; Goetgheluck E. Die NS-Frauen-Warte: l’image des femmes comme outil de propagande (1941–1944) // *Matériaux pour l’histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – Р. 38–47; Matthewson A. Satirising imperial anxiety in Victorian Britain: Representing Japan in *Punch Magazine*, 1852–1893 // *Contemporary Japan*. – 2021. – № 33 (2). – Р. 201–224; Nuhoğlu M., Boyraz B., Dolunay A., İlhan M. Der Adler Önekleminde Nasyonal Sosyalist Almanya’da Süreli Yayınlarda Propaganda // *Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2015. – № 8 (40). – С. 292–299.

⁴¹⁷ USSR in Construction. № 2. 1938. Подробнее ознакомиться с некоторыми выпусками журнала «СССР на стройке» можно на сайте проекта “USSR in Construction”, созданным в Университете Саскачевана. USSR in Construction. 2024. [электронный ресурс]. URL: <http://ussrinconstruction.library.usask.ca/> (дата обращения 31.01.2024). Также есть статьи, посвященные изучению журнала. Wolf E. When Photographs Speak, To Whom Do They Talk? The Origins and Audience of SSSR na stroike (USSR in Construction) // *Left History*. – 1999. – № 6. – Р. 53–82.; Card H. The Tate Modern’s USSR In Construction // *Totalitarian Movements and Political Religions*. – 2007. – № 8 (1). Р. 149–152; Dallimore J., Heffernan E. “The USSR in construction”: A basic research guide for teachers and students // *Teaching History*. – 2020. – № 54 (3). – Р. 26–34.

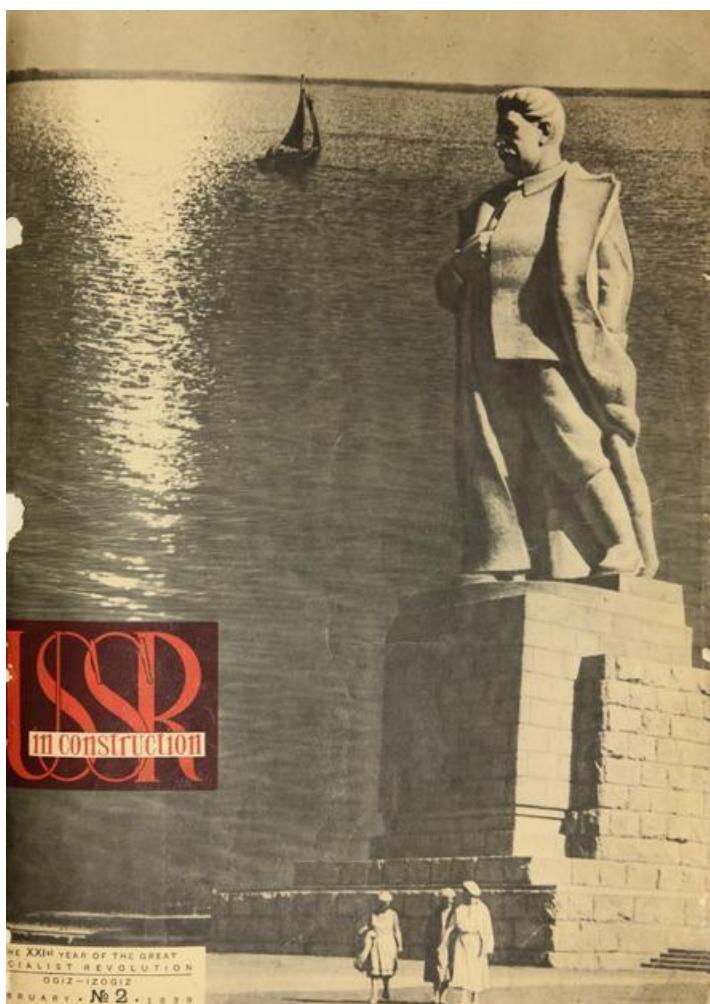

Рисунок 21. Обложка журнала «СССР на стройке» на английском языке. *USSR in Construction*. № 2. 1938.

В контексте трансформации подданных Османской империи в современных граждан “La Turquie Kemaliste” часто подчеркивал положительные черты данного преобразования. Авторы журнала собрались здесь не случайно: они были известны общественности как выдающиеся интеллектуалы. В редакции журнала главную роль играл Ведат Недим Тор. Он не был задвинут правительством на второй план после закрытия журнала “Kadro”, а получил назначение на пост директора Главного управления по делам печати Турецкой Республики. При издании пропагандистского журнала “La Turquie Kémaliste” Тор сотрудничал с бывшими «кадровиками» Шевкетом Сюрейя Айдемиром, Бурханом Асафом Бельге, заместителем директора Главного управления по делам печати и литератором Садри Эртемом – пионером социального реализма.

В качестве лейтмотива выпусков “La Turquie Kémaliste” выступал раздел с фотографиями под названием «Анкара строится» (Ankara Construit), который выходил в журнале с третьего номера (за исключением выпусков № 21 и 22, предназначенных для Конгресса по истории) по 26-й. Этот фотоальбом был знаком того, что Анкара, а не Стамбул, являлась столицей государства и строилась по абсолютно новым лекалам, как и сама Турция.

Как писал исследователь С. Боздоган после провозглашения Анкары столицей республики строительство крупных общественных зданий в «османском возрожденческом “национальном стиле” было начато в очень сжатые сроки и в самых неблагоприятных условиях, при серьезной нехватке средств, материалов и рабочей силы». Здания, расположенные на территории «старой Анкары» недалеко от площади Улус «вызывают сильные ассоциации с националистическими настроениями первого десятилетия республики»⁴¹⁸. И действительно, всеми внешними характеристиками, в том числе и архитектурными, Анкара должна была отличаться от Стамбула – столицы старой Османской империи. Поскольку современная архитектура представляла собой абсолютный и резкий контраст с османской, новая республика строила современные здания для государственных учреждений, чтобы продемонстрировать новое лицо и, как следствие, другой подход к этим учреждениям, которым присваивались названия, напоминавшие гражданам о национальной борьбе. Вообще, Анкаре было отведено одно из центральных мест в журнале. Например, статья первого номера была написана о столице Фалихом Рифки Атаем под названием «Необходимо приехать в Анкару» (*Il faut venir à Ankara, Рисунок 22*)⁴¹⁹.

⁴¹⁸ Bozdoğan S. Modernism and Nation Building. Washington DC: University of Washington Press, 2001. P. 36–63.

⁴¹⁹ La Turquie Kémaliste. 1934. № 1. P. 10–15.

Рисунок 22. Статья Фалиха Рифки Атая «Необходимо приехать в Анкару». *La Turquie Kémaliste*. 1934. № 1. Р. 11–12.

Атай пригласил иностранных читателей лично познакомиться с духом места, которое излучало энергию и оптимизм: «Приехав в Анкару, вы увидите нечто совершенно новое: вы увидите Невидимое (*sic*), которое называется будущим. Разве это не является привлекательным [фактом] для туризма?»⁴²⁰ Тор нанял австрийского фотографа Отмара Пферши, чтобы запечатлеть становление новой столицы⁴²¹. Фотографии Пферши занимали видное место в журнале “*La Turquie Kémaliste*” и в других публикациях 1930-х гг.

В редакционной статье 1935 г., озаглавленной «Чего мы ожидаем от западного интеллектуала?» (*Qu'attendons-nous de l'intellectuel occidental?*), Ведат Недим Тор приветствовал позитивный сдвиг в отношении зарубежных стран к Турции⁴²². В этой колонке критиковалось отношение к реформам некоторых турецких интеллектуалов, которые неизменно оказывались неспособными понять

⁴²⁰ *La Turquie Kémaliste*. 1934. № 1. Р. 14.

⁴²¹ Deriu D. Picturing modern Ankara: New Turkey in Western imagination // The Journal of Architecture. – 2013. – № 18 (4). – Р. 512.

⁴²² *La Turquie Kémaliste*. 1935. № 11. Р. 1.

народы и страны, попавшие в сферу западного влияния, включая Османскую империю. Их разум, ослепленный «галлюцинациями и фантазиями», пробудился только тогда, когда эти страны начали играть активную роль на мировой арене, как это было в случае с республиканской Турцией. По словам Тора: «Во времена, когда европейская гегемония господствовала во всем мире, мозг турецкого интеллектуала на самом деле напоминал комнату, увшанную зеркалами, тогда как сегодня мы видим, как те же самые интеллектуалы освобождаются из этой зеркальной тюрьмы»⁴²³. Не удовлетворившись этим замечанием, автор пригласил европейцев лично посетить Турцию и призвал оставить позади предрассудки, порожденные «болезненным романтизмом», который, как утверждается, все еще влиял на их современные взгляды на страну⁴²⁴.

Другой важной темой на страницах журнала “La Turquie Kemaliste” была эмансипация женщин. Этот вопрос был одним из магистральных в кемалистской пропаганде на протяжении всех 1930-х гг. и выражался как в освещении действий со стороны правительства⁴²⁵, так и в показе исторической значимости женской эмансипации в Турции. Статья Фалиха Рифки Атая «Турецкая женщина» являлась одним из примеров демонстрации положительной роли кемалистского правительства в решении гендерных проблем (*Рисунок 23*)⁴²⁶. Она начиналась с рассказа о женщине, которая хочет поесть в общественном заведении во времена, когда по строгим правилам Османской империи мусульманкам не разрешалось свободно разгуливать без чадры и сопровождения мужчины. Она притворилась, что была немусульманкой, для чего переоделась в европейскую одежду и говорила на французском языке. И только так она смогла попасть в ресторан, чтобы просто поесть. Фалих Рифки взял этот случай за основу своего представления о «женской эмансипации»⁴²⁷. Все преобразования, по его убеждению, начинались еще в эпоху Танзимата. Тогда возникло две идеи: первая заключалась в том, что при интеграции

⁴²³ La Turquie Kemaliste. 1935. № 11. Р. 1.

⁴²⁴ Ibid.

⁴²⁵ В кемалистской прессе активно освещалась деятельность женщин-депутатов ВНСТ. Например см.: Vakit. 24 Eylül 1934. S. 1.

⁴²⁶ La Turquie Kemaliste. 1934. № 4. Р. 1-3.

⁴²⁷ Ibid.

мусульман в западную культуру они потеряли бы свою идентичность. Вторая – в спасительности европеизации для всех жителей империи. Многие поколения выросли под влиянием этих двух противоречивых мнений. В то время, как в османских городах мусульманки должны были носить чадру, в деревнях крестьянки сохраняли тюркскую самобытность. Женщинам не нужно было носить мусульманскую одежду и избегать мужчин. Они даже участвовали в Освободительной войне на стороне кемалистов.

LA FEMME TURQUE.

FALIH RIFKI ATAY

— Je voudrais pouvoir dîner une fois au restaurant. C'est une Turque qui exprima ce vœu si simple, en 1917. Je me devais, si je voulais plaire à mon amie, d'affronter le péril que comportait la chose.

Car, à cette époque-là, une récente ordonnance enjoignait aux femmes de porter des jupes descendant jusqu'aux chevilles; pour avoir été vu en compagnie de sa femme, dûment voilée, dans un salon particulier d'un hôtel de Büyükdere, qui est une villégiature des environs d'Istanbul, un homme en avait été chassé brutallement. Un père avait perdu son grade de lieutenant-colonel parce qu'il s'était baigné avec ses filles...

Donc, nous empruntâmes un chapeau à la fille d'un de nos voisins. Nous nous aventureâmes sur la grand'rue de Pétra après que la nuit fut tombée et que nous étions résolus de ne nous adresser la parole qu'en français. Vous devinez l'angoisse avec laquelle nous pénétrâmes dans un restaurant à allure de guinguette tenu par un Grec. Mais le plaisir de dîner dans un endroit public était, chez ma compagne, plus fort que son émotion.

Qu'un mari et sa femme s'avisaient de faire une promenade à la campagne dans la même voiture, un agent les interpellait aussitôt, faisait arrêter le véhicule, questionnait:

— Qui est la dame qui vous accompagne?
 — C'est ma femme.
 — Vos papiers?
 On voyait fréquemment, dans les rues d'Istanbul, une femme suivre son mari à quelque distance, ou bien s'asseoir, dans un fiacre, sur le strapontin tandis que le mari était installé sur le siège du fond.

Je crois entendre l'étranger qui lira ces lignes faire cette réflexion:

— Tiens, tiens! Ce sont ces mêmes femmes qui ont fait dans l'espace de quatorze ans assez de progrès pour obtenir des droits électoraux qu'on refuse encore aux Françaises!

Je veux fournir, à ceux qui entendent parler de la Révolution Turque et la jugent de loin, le moyen de comprendre les changements survenus chez nous. Tandis que l'Empire Ottoman s'effondrait de jour en jour, perdant guerre sur guerre, une idée germa dans la tête des hommes de la Cour et de la Sublime Porte: "Si nous ne nous européanisons pas, nous ne pourrons pas lutter contre les Européens, et nous serons perdus."

C'est ainsi que les réformes décrétées par le Tanzimat (1849) furent non seulement un résultat de la pression

I

Рисунок 23. Статья Фалиха Рифки Атая «Турецкая женщина» *La Turquie Kemaliste*. 1934. № 4. Р. 1.

Женщина-депутат Михри Пекташин в 1939 г. написала статью под названием «Турецкие женщины», в которой говорилось о важности образования, что оно «это то, в чем мы [женщины] нуждались больше всего, это было “сезам, открайся” для

всего того, к чему мы стремились». Во всех сферах им помогали мужчины, которые «предлагали, направляли, подбадривали, мужчины понимали, что, если Турция хочет выжить, она должна быстро измениться», а без женской эмансипации этого было невозможно осуществить⁴²⁸.

Почти в каждом номере журнала большинство статей было посвящено продвижению новых достижений в таких областях, как: национальная промышленность и продукция, искусство и литература, археология и археологические раскопки, туристические места Турции, вестернизация населения. Особо стоит отметить последний пункт, так как он полностью соотносился с «шестью стрелами» и показывал приверженность в деле модернизации и вестернизации страны.

Журнал “*La Turquie Kémaliste*” внедрял на своих страницах новое понимание истории, которое не было связано с Османской империей и придерживалось анатолийских корней турецкой национальности. Так, Хамит Зюбейр Кошай, турецкий археолог, этнограф, писатель и исследователь фольклора, вернувшись в Турцию в 1925 г. и работавший в Министерстве национального образования инспектором библиотек и культуры, в своей статье доказывал связь древнетюркской цивилизации с анатолийской⁴²⁹.

На протяжении всего выпуска журнала публиковались фотографии, имевшие двоякий смысл: с одной стороны продемонстрировать привлекательность Турции, как вестернизовавшейся страны, с другой – показать своеобразную «рекламу» чего-то турецкого. Так, в третьем выпуске журнала за 1934 г. один из авторов немецкой газеты “*Türkische Post*”⁴³⁰ Хейнц Мундхенке описал горную вершину Улудаг в качестве «райя для любителей гор» (*ein Paradies der Bergfreunde*)⁴³¹.

⁴²⁸ *La Turquie Kémaliste*. 1939–1940. № 32–40. Р. 10–12.

⁴²⁹ *La Turquie Kémaliste*. 1941. № 45. Р. 3–6.

⁴³⁰ Газета на немецком языке, выходившая с 1926 по 1944 гг., служила средством немецкой пропаганды. С 1933 г. приобретает ярко выраженный нацистский тон. В статьях часто подчеркивались важность и ценность связей Германии и Турции. Подробнее о газете см.: Alkan R. Die “*Türkische Post*”: *Türkiye’de Bir Nazi-Propaganda Gazetesi ve Matbuat Umum Müdürlüğü* // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – 2019. – № 42 (1). – С. 200–208; Dağlı E. İstanbul’da bir Alman Gazetesi *Türkische Post* // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 59. – С. 511–532.

⁴³¹ *La Turquie Kémaliste*. 1934. № 3. Р. 22–24.

Сопровождалась статья фотографиями, где были показаны туристы с лыжами в руках, совершившие восхождение на эту гору (*Рисунок 24*)⁴³². Тем самым, статья приглашала любителей горного туризма самим покататься на лыжах на турецких курортах, что и было своеобразной рекламой этого места.

Glückauf!

Das Berggasthaus.

24

in dieser naturhaften Stille die Seele laben und der Mensch das leider so oft zerriessene Band mit der Natur aufs neue knüpfen.

Indem der Uludag in verschwendender Fülle seine Gaben den Menschen spendet, wird er jedem gerecht. Der Aufstieg ist zu jeder Jahreszeit außerordentlich lohnend. Wenn in den Tälern im Hochsommer die Hitze brütet, dann flüchten sich die Erdenbewohner in die luftigen Höhen, und wenn im Winter Schnee und Regen ihr launiges Spiel treiben, dann lädt der Uludag den Wintersportler zu sich zu Gast. Sowohl der Anfänger als auch der "zünftige" Skisportler können sich auf dem breiten Gebirgsrücken nach Herzenslust tummeln.

Das Wort "der Uludag als Skiparadies" ist kein Reklametrick rühriger Geschäftsleute, sondern erfüllt im wahrsten Sinne alle Erwartungen. Inmitten eines solchen naturhaften Rahmens wäre es unangebracht, die Auswüchse eines mondänen Luxuslebens in die weihevolle Stille dieser Landschaft zu verpflanzen. Wer diese "Sportkultur" suchen will, der darf nicht nach dem Uludag gehen. Alles ist hier auf natürliche Einfachheit und echte spordliche Kameradschaft zugeschnitten. Wenn abends in dem behaglichen Gasthaus, das unterhalb des 2.550 m hohen Gipfels errichtet worden ist, sich die Naturfreunde versammeln, dann liegt hinter ihnen ein Tag reich an Erlebnissen. Sie alle durften aus der lebenspendenden Quelle der Natur trinken.

Es ist schwer zu sagen, welcher Jahreszeit man für einen Aufenthalt am Uludag den Vorzug geben soll, in den meisten Fällen hängt es überdies von den persönlichen Neigungen des Touristen ab. Eins aber trifft für alle zu: Eine Reise nach dem Uludag wird stets die nachhaltigsten Eindrücke hinterlassen und stets die Sehnsucht wachhalten, nach diesem Erdenfleck zurückzukehren.

Рисунок 24. Отрывок из статьи Хейнца Мундхенке «Улудаг – рай для любителей гор». La Turquie Kémaliste. 1934. № 3. Р. 24.

Таким образом, можно сделать вывод, что журнал “La Turquie Kémaliste” демонстрировал повседневную жизнь Турецкой Республики при кемалистах. Его читатели могли лично убедиться в успехах кемалистских реформ в области модернизации страны, эмансипации женщин и других преобразований.

⁴³² La Turquie Kémaliste. 1934. № 3. Р. 22–24.

Фотографии, опубликованные в издании, демонстрировавали, в каких условиях жили турецкие граждане в 1930-х гг.

Трансляция идей прозападных реформ для внешней аудитории была лишь одним из методов распространения кемалистской пропаганды. На протяжении 1930-х гг. для турецких граждан выходил журнал “*Yedi Gün*” (Семь дней), который также, как и “*La Turquie Kémaliste*”, был своеобразным рупором вестернизации и на своих страницах показывал преимущества западной жизни, что должно было продемонстрировать читающей публике все ее плюсы.

3.2.2.2. Журнал “*Yedi Gün*”

Первый номер журнала “*Yedi Gün*” вышел в свет 15 марта 1933 г., последний – в 1951 г. На протяжении всего своего существования он был самым популярным турецким журналом с тиражом 54 тыс. экземпляров⁴³³, являясь ведущим журналом о стиле жизни. Его читала элита, а также городские жители, для которых современность уже стала частью их личной идентичности. Журнал также предназначался и для формирующегося класса интеллектуалов.

Стратегия журнала заключалась в том, чтобы указать читателям правильный путь, представив образцы для подражания читателям, чей образ жизни и личные качества соответствовали бы новой реальности турецкого бытия. В своеобразный «актерский состав» вошли люди обоих полов, представители разных поколений. Одним из таких «идолов» была так называемая «Прекрасная Дилбер Ташбебек»⁴³⁴ (*Рисунок 25*)⁴³⁵, как ее охарактеризовала в своей статье Д. Т. Нереид⁴³⁶. Она олицетворяла женственность, не связанную с традиционной ролью – браком,

⁴³³ Nereid C.T. Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “*Yedigün*”, 1933–9 // Journal of Contemporary History. – 2012. – № 47 (3). – Р. 486.

⁴³⁴ В переводе с турецкого «Дильбер» (Dilber) – красивая, «Ташбебек» (Taşbebek) – «красивая, но холодная кукла». Nereid C.T. Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “*Yedigün*”, 1933–9 // Journal of Contemporary History. – 2012. – № 47 (3). – Р 488.

⁴³⁵ *Yedi Gün*. 15 Nisan 1936. № 162. S. 1.

⁴³⁶ Nereid C.T. Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “*Yedigün*”, 1933–9. Р 489.

детьми и ведением домашнего хозяйства. Основными интересами «Дильбер» были мода, макияж, путешествия и покупки. 10 ноября 1934 г. “Yedi Gün” опубликовал первую главу романа Махмута Йесари «Каменная кукла» (Taşbebek). Первые строки романа отражали публичный образ женщины, претендующей на образец для подражание: «она была одета в белый шелк, а ее кожа была такой белой, что невозможно было определить, где пересекается глубокий вырез и ее кожа. Если бы не маникюр, ее руки можно было бы принять за жасминовые. Ее блестящие каштановые волосы, распущенные по плечам, были подобны солнечному свету на ее теле. Ее длинные, выющиеся, темно-каштановые ресницы оттеняли ее глаза цвета морской волны нежнейшими тенями...»⁴³⁷

Впрочем, Дилбер Ташбебек не был единственным прототипом «новой турецкой женщины», использовавшийся на страницах журнала. Так, исследовательница Д. Т. Нерейд выделяла еще один тип – «оптимистичная Пынар Ийимсер»⁴³⁸. Вот что про такую женщину говорил один из авторов журнала “Yedi Gün”, бывший главный редактор младотурецкой газеты “Tanin” Хюсейн Джахид Ялчин⁴³⁹: «Новый образ жизни создает новый тип молодых девушек. В нашей среде существует совершенно новый образ молодых работающих девушек. До революции работающая девушка была синонимом служанки... Но сегодня даже девушки из состоятельных семей приходят в мир труда. Она вызывает восхищение и уважение, она добивается успеха благодаря мужеству и героизму. Во всех сферах жизни вы увидите серьезную, трудолюбивую молодую девушку или женщину, которая сидит за пишущей машинкой или ведет бухгалтерию. Она рано вставает в отдаленных районах города, сопротивляется соблазнам сна и теплой лени в постели, в спешке красится, надевает обычную одежду... обеспечивает свою мать,

⁴³⁷ Yedi Gün. 1934. № 83. S. 14.

⁴³⁸ В переводе с турецкого «Пынар» (Pınar) – весна, фонтан, «Ийимсер» (İyimser) – оптимистка. Nereid C.T. Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “Yedigün”, 1933–9 // Journal of Contemporary History. – 2012. – № 47 (3). – P. 488.

⁴³⁹ Подробнее о Х. Д. Ялчине см.: Aydin Varol F.B. Türk Modernleşmesinde Jön Türkler ve Hüseyin Cahit Yalçın’ın Gazeteci ve Siyasi Kimliği // Erciyes İletişim Dergisi. – 2023. – № 10 (1). – S. 205–221; Dimdik Emeksiz P. Akbaba Dergisinde Yayımlanmış Hüseyin Cahit Yalçın Karikatürleri Hakkında Bir Araştırma // The Journal of Academic Social Science Studies. – 2020. – № 80. – S. 245–259.

помогает младшим братьям с учебой, не доверяет никому и ничего, кроме собственной зарплаты...»⁴⁴⁰

Рисунок 25. Пример использования образа «прекрасной Дильбер Ташибек» на обложке журнала «Yedi Gün». Yedi Gün. 15 Nisan 1936. № 162. S. 1.

В своих статьях авторы журнала также раскрывали личные истории известных политиков. Так, в одном из выпусков было опубликовано интервью с министром юстиции Турции Шюкрю Сараджоглу, в центре внимания которого была его личная жизнь: «В своей жизни я встречал много скромных людей. Но я редко встречал кого-то столь скромного, как Сараджоглу. Он – истинное воплощение "человечности"... «Эфенди, – спросил я, – как вы проводите время, кроме этой тяжелой работы?» – «Позвольте мне рассказать вам... У меня небольшой

⁴⁴⁰ Yedi Gün. 1935. № 117. S. 5.

дом в Боздаге. Каждый год мне удается побывать там примерно на 15 дней, это такое удовольствие... Это далеко от всего [суетного]. Никаких документов, никаких ручек и бумаг, никаких проверок.... Как только я приезжаю, я надеваю свою старую повседневную одежду. На голову надеваю шляпу и пью кофе в деревне... под огромным платаном подают восхитительный кофе. Жители деревни говорят: “О, Сараджоглу приехал”. Здесь нет “министра”, только сельский житель Сараджоглу...” Мы долго говорили о деревне»⁴⁴¹. Этот акцент на Сараджоглу как на обычном жителе деревни был сделан для того, чтобы очеловечить и персонализировать министра юстиции, позволив читателям “Yedi Gün” принять его за простого человека, такого же, как они.

Рубрики журнала должны были соответствовать интересам читателей. Многие колонки в тематическом блоке «Ценности» были посвящены важности европеизации Турции при сохранении турецкой идентичности. Хюсейн Джахит Ялчин писал, что «в этой войне⁴⁴² нашим самым важным оружием являются образование и знания. Западная культура, западные методы, западные технологии, но не западные чувства...»⁴⁴³. Упадок традиционных ценностей, наряду с материализмом и опасностями современной жизни, были другими часто обсуждаемыми вопросами в этой тематической группе. Так, обозреватель журнала Али Ридван критиковал последствия урбанизации, беспокоясь о том, что зеленые насаждения превращаются в строительные площадки, что в городах все больше людей, ведущих нездоровий образ жизни в темных офисах и без дневного света⁴⁴⁴. Издание выражало понимание и сочувствие читателям, которые тосковали по прошлому, но старалось напомнить им, что «не стоит строить планы на завтра, тоскуя о прошлом...» Один из обозревателей уже в первом номере призывал читателей отказаться от новоявленной привычки заканчивать все предложения вопросительным знаком: «... есть ли у нас молодежь? Есть ли у нас литература?

⁴⁴¹ Yedi Gün. 1936. № 190. S. 20.

⁴⁴² Имеется в виду война за преобразование общества, то есть кемалистская революция.

⁴⁴³ Yedi Gün. 1935. № 129. S. 5.

⁴⁴⁴ Yedi Gün. 1935. № 54. S. 3.

Есть ли у нас общественное мнение? ... Мы должны верить в себя... Наш вопрос не в том, быть или не быть, а в том, как быть...»⁴⁴⁵.

Рубрика «Путешествия» получила распространение не в последнюю очередь благодаря популярности Хюсейна Джахита Ялчина в 1930-х гг. – бывшего главного редактора младотурецкого официоза “Tanin”, а в кемалистскую эпоху постоянного автора проправительственных газет⁴⁴⁶. Статьи о путешествиях освещали как внутренние, так и международные поездки. Раздел «Отношения» показывал примеры для подражания в личной жизни (*Рисунок 26*)⁴⁴⁷. В этот тематический блок были включены также все колонки, посвященные гендеру, в котором что все обозреватели выступали за освобождение женщин и гендерное равенство. Авторы предпочитали ссылаться не на западные примеры, а на практику, существовавшую до Абдулхамида II. Вот что писал Махмуд Йесари в одной из своих заметок по поводу положения женщин в Анатолии: «В некоторых районах Турции женщины все еще носят чадру. Но этому должен быть положен конец; почему женщины до сих пор так одеваются, спустя одиннадцать лет после революции? Даже во времена Османской империи, до султана Абдулхамида женщины больше демонстрировали свое лицо, чем сегодня. Но Абдулхамид навязал свое видение всему населению и заставил их прикрываться. Если бы женщины застали с непокрытыми волосами, их бы остригли. Но теперь у нас республика! Женщины не должны оставаться в тени или носить чадру. Турция – это солнце, которое проникает даже в самую темную тень»⁴⁴⁸.

⁴⁴⁵ Yedi Gün. 1933. № 1. S. 3.

⁴⁴⁶ Подробнее о журналистской деятельности Хюсейна Джахита Ялчина см.: Azman A. Türk Basınında Siyasi bir Gazeteci – Hüseyin Cahit Yalçın. Doktora Tezi. İstanbul Üniversitesi, 1994.

⁴⁴⁷ Yedi Gün. 1936. № 162. S. 4.

⁴⁴⁸ Yedi Gün. 1934. № 94. S. 18.

Рисунок 26. Пример статьи об отношениях между мужчиной или женщиной из журнала “Yedi Gün”. Yedi Gün. 1936. № 162. S. 4.

Существовали и другие рубрики в журнале. Их темы были следующими:

- Политика – национальная идентичность, экономика и внешняя политика.
- Медиа – колонки, посвященные свободе прессы и использованию СМИ в пропагандистских целях.
- Образование/язык – статьи, касающиеся системы образования, языковой реформы и необходимости борьбы с неграмотностью.
- Религия – описание религиозных торжеств/праздников.

Таким образом, журнал “Yedi Gün” представлял собой иллюстрированное издание для внутренней аудитории, акцентировавший свое внимание на

притягательности западного образа жизни. По мнению авторов, создавших несколько ярких образов на страницах этого издания, жители Турции должны были следовать западной моде, одеваться и выглядеть соответствующим образом, но при этом иметь работу и отличаться трудолюбием. “Yedi Gün” тем самым следовал идеологическим постулатам кемализма относительно одной из «шести стрел» – «революционности», которая провозглашала идею вестернизации и обновления общества. Иллюстрированные печатные издания, нацеленные на внутреннюю или внешнюю аудиторию, представляли собой довольно значимый пропагандистский инструмент Турецкой Республики. Благодаря визуальной составляющей журналы были понятны массовому читателю, а образы, транслировавшиеся на страницах, выглядели более ярко.

К концу 1930-х гг. кемалистская пропаганда имела в своем арсенале достаточное количество механизмов для воздействия на общественное мнение. Однако их эффективность может быть выявлена только путем изучения реакции пропаганды на важные внутри- и внешнеполитические новости, которые и должны были определить, как кемалистские средства пропаганды справлялись с правильным, с идеологической точки зрения, освещением тех или иных событий, происходивших не только в Турции, но и во всем мире.

3.3. Примеры использования кемалистской пропаганды в эпоху «высокого кемализма»

Обладая всем необходимым инструментарием для ведения пропагандистских войн, а также для внедрения тех или иных идей в народные массы, кемалисты на протяжении 1930-х гг. использовали пропаганду в качестве средства распространения своей идеологии. Наиболее ярко пропаганда в Турции проявляла себя во время освещения некоторых новостей внутри- и внешнеполитической жизни страны. Реакция на них должна была четко показать точку зрения руководства страны. Такими событиями стали итalo-эфиопская война 1935–1936 гг. (3.3.1) и прибытие иранского шаха Реза-шаха Пехлеви в Турцию

(3.3.2). Впрочем, кемалистская пропаганда также использовала определенную риторику для демонстрации применения своей идеологии на практике. В частности, это касалось тематики авиации (3.3.3) и турецкого исторического тезиса (3.3.4). Наиболее ярко и наиболее полно кемалистская пропаганда проявила себя в трагическом для Турции событии – смерти Мустафы Кемаля Ататюрка в 1938 г. (3.3.5). Печатные средства массовой информации в едином порыве со всей турецкой нацией оплакивали смерть первого президента Турции. Скорбь и боль утраты «отца турок» рельефно отобразились на страницах турецких изданий. Изучив эти примеры, можно проследить за тем, как кемалистская пропаганда реагировала на те или иные события, используя определенный нарратив, который не шел наперекор решениям и мнению турецкого правительства.

3.3.1. Реакция турецкой пропаганды на итало-эфиопскую войну 1935–1936 гг. через юмористическую призму

Официальная позиция, занятая турецким правительством во время итало-эфиопской войны 1935–36 гг., заключалась в нейтралитете. Об этом заявил министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арас в речи, произнесенной в парламенте 13 ноября 1935 г.: «...мы заинтересованы в этом вопросе лишь в той мере, в какой требуют от нас Лига Наций. Наша позиция – полный нейтралитет, и мы не хотим быть вовлеченными»⁴⁴⁹. Это выступление соответствовало заявлению президента Ататюрка о том, что мир возможен только на основе международного сотрудничества⁴⁵⁰, и, по мнению турецкого правительства, местом разрешения всех споров и конфликтов должна быть Лига Наций.

Турецкая Республика ратифицировала резолюцию Лиги Наций об экономических санкциях против Италии 15 ноября, однако решение турецкого правительства применить санкции против Италии не могло быть объяснено просто

⁴⁴⁹ Doğar M. “Complete Neutrality” or “Controlled Enmity”? The Role of the Turkish Press during the Italo-Ethiopian War of 1935–36 // Turkish Historical Review. – 2020. – № 10 (02–03). – P. 216.

⁴⁵⁰ Cumhuriyet. 2 İkinci Teşrin 1935. S. 1.

тем, что Юджель Гючлю называл «абсолютно верным»⁴⁵¹ для Лиги. Это, по его мнению, в значительной степени было продиктовано прагматичным стремлением к самосохранению.

Итало-эфиопская война рассматривалась турецкой прессой как событие, которое должно было определить судьбу Лиги Наций. Мухаррем Фейзи Тогай, один из обозревателей газеты “Cumhuriyet”, утверждал, что решение о введении санкций в отношении Италии должно было продемонстрировать, способна ли Лига Наций защитить «международную справедливость» и «мир»⁴⁵². М. Нерми, коснувшись текущих проблем, призвал к более активному и напористому участию Лиги Наций в мировых делах, также подчеркнул, что для достижения этой цели Лига должна иметь возможность быстрее обрабатывать резолюции, поскольку даже двухнедельный срок имеет жизненно важное значение для организации в контексте выживания малых наций⁴⁵³.

Турецкая пресса освещала не только действия Италии, но и участие в них великих держав. Британия с самого начала прямо и открыто выступала против итальянского вторжения. По мнению создателя и владельца газеты “Cumhuriyet” Юнуса Нади Лондон не рассматривал ни один другой вопрос так серьезно, как этот⁴⁵⁴. Аналогичные идеи были высказаны в газете “Ulus” (Нация)⁴⁵⁵, первоначально основанной как “Hakimiyet-i Milliye” в 1920 г., как печатный орган Народно-республиканской партии. Фалих Рифки Атай, главный редактор газеты и член парламента от кемалистской партии, утверждал, что «точно так же, как [инцидент] Уал-Уал⁴⁵⁶» не был больше, чем маленькой проблемой по сравнению с эфиопским вопросом, так и сам [эфиопский вопрос], возможно, является лишь

⁴⁵¹ Güçlü Y. Turkey’s entrance into the League of Nations // Middle Eastern Studies. – 2003. – № 39 (1). – P. 203.

⁴⁵² Cumhuriyet. 15 Birinci Kanun 1935. S. 2.

⁴⁵³ Cumhuriyet. 10 Birinci Kanun 1935. S. 1.

⁴⁵⁴ Cumhuriyet. 9 Ağustos 1935. S. 1.

⁴⁵⁵ Например в: Ulus. 15 Ağustos 1935. S. 1.

⁴⁵⁶ Речь идет об инциденте в оазисе Уал-Уал. В 1934 г. Итальянские власти напали на оазис Уал-Уал, находившийся во владении эфиопской короны. Данный инцидент считается прологом к итало-эфиопской войне 1935–36 гг. Подробнее об инциденте см.: Potter P.B. The Wal Wal arbitration // The American Journal of International Law. – 1936. – № 30 (1). – P. 27–44; Baer G. W. The Coming of the Italian-Ethiopian War, Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1967. P. 45–61.

второстепенным по сравнению с главной причиной (*sic*)»⁴⁵⁷. «Главная причина» в данной статье – это косвенная ссылка на продолжающиеся конфликты между европейскими державами, вызванные их экспансионистскими амбициями.

Газета “Cumhuriyet”, которая часто публиковала на своей первой странице небольшие карикатуры, связала «европейскую цивилизацию» и современное оружие. Через несколько дней после захвата итальянцами Мекеле, 12 ноября 1935 г., газета опубликовала карикатуру (*Рисунок 27*)⁴⁵⁸ под заголовком «Обрушьте две тонны цивилизации на этих диких эфиопов!»

Рисунок 27. Карикатура из газеты “Cumhuriyet”. Cumhuriyet. 12 İkinci Teşrin 1935. S. 1.

Ту же связь можно увидеть в статье Пеями Сафа, ведущего журналиста и литератора ранней Турецкой Республики, которая была опубликована в газете “Tan” (Рассвет) 4 октября 1935 г., всего через день после вторжения Италии в Эфиопию: «Цивилизация приходит к дикарям двумя путями. Это происходит без оружия [Я принес книги, чтобы научить вас быть цивилизованными] ... прочтите их и познакомьтесь со мной поближе ... Но теперь цивилизация отбросила книгу и взялась за оружие ... Либо книга, либо смерть! ... выбирайте тот [путь], который вам нравится!»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Ulus. 15 Ağustos 1935. S. 1.

⁴⁵⁸ Cumhuriyet. 12 İkinci Teşrin 1935. S. 1.

⁴⁵⁹ Tan. 4 Birinci Teşrin 1935. S. 2.

В середине 1935 г. турецкий поэт Назым Хикмет, который был одним из авторов в юмористическом журнале “Akbaba”, начал работу над своим сборником стихов о вымышленном эфиопском персонаже Таранта-Бабу, фрагменты которого впервые появились в различных журналах в октябре 1935 г.⁴⁶⁰ Стихи в этом сборнике, как и карикатуры, подчеркивают варварство «цивилизаторской миссии» великих держав и изображают человеческие страдания эфиопов от рук чуждых итальянских фашистских сил.

Были также и карикатурные изображения. На карикатуре с обложки от 7 марта 1936 г. “Akbaba” изобразил Муссолини (*Рисунок 28*)⁴⁶¹, перерезающего горло барану с лицом императора Эфиопии Хайле Селассие, в то время как на заднем плане Франция, Германия и Великобритания нетерпеливо ждут своей доли, объявляя: «Мы тоже хотим часть принесенного в жертву барана!» В этой явной отсылке к празднику Курбан-байрам карикатура изображает Эфиопию принесенной в жертву ради удовлетворения интересов великих держав.

⁴⁶⁰ Полный текст цикла о Таранта-Бабу см.: Taranta-Babu'ya Mektuplar. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://siirbox.tripod.com/9/taranta_babuya_mektuplar.htm (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁶¹ Akbaba. 7 Mart 1936. S. 1.

Рисунок 28. Карикатура из журнала “Akbaba”. Akbaba. 7 Mart 1936. S. 1.

Однако были случаи, когда градус риторики газет и журналов снижался со стороны турецких властей, особенно после жалоб со стороны итальянского правительства. В статье, опубликованной 27 августа 1935 г. в “Il Giornale d’Italia” (Газета Италии), одной из официальных газет фашистского режима, утверждалось, что «турецкая пресса... не проявляла особой дружбы к Италии»⁴⁶² и указывалось на наличие унизительных рисунков в публикациях турецких журналов⁴⁶³. Это была прямая ссылка на титульные страницы журнала “Akbaba”. Чтобы смягчить реакцию Италии, турецкое правительство закрыло журнал на две недели на том основании, что “Akbaba” опубликовал карикатуры, высмеивающие лидера

⁴⁶² Il Giornale d’Italia. 27 Agosto 1935. P. 2.

⁴⁶³ Ibid.

дружественного государства⁴⁶⁴. Иллюстрация, которая привела к временному закрытию журнала, содеражалась в номере от 24 августа 1935 г., на обложке которого был изображен улыбающийся Муссолини, преклонивший колено перед эфиопской девушки в пустыне (*Рисунок 29*)⁴⁶⁵. На рисунке Муссолини, изображенный как маленький, слабый мужчина, пытался очаровать сильную эфиопскую женщину. Ситуация, в которой оказался Муссолини, описана как “*Kara Sevda*”, что означает безнадежную или безответную любовь. В этой фразе содержится каламбур, поскольку слово “*kara*” также означает «черный». Всего две недели спустя, несмотря на возмущение итальянцев карикатурой, “*Akbaba*” возобновил свою деятельность, объяснив свою временную приостановку одним из «тех актов беспечной халатности, которые всегда происходят в мире журналистики»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Doğar M. “Complete Neutrality” or “Controlled Enmity”? The Role of the Turkish Press during the Italo-Ethiopian War of 1935–36 // Turkish Historical Review. – 2020. – № 10 (02–03). – P. 247.

⁴⁶⁵ Akbaba. 24 Ağustos 1935. S. 1.

⁴⁶⁶ Akbaba, 7 Eylül 1935. S.12.

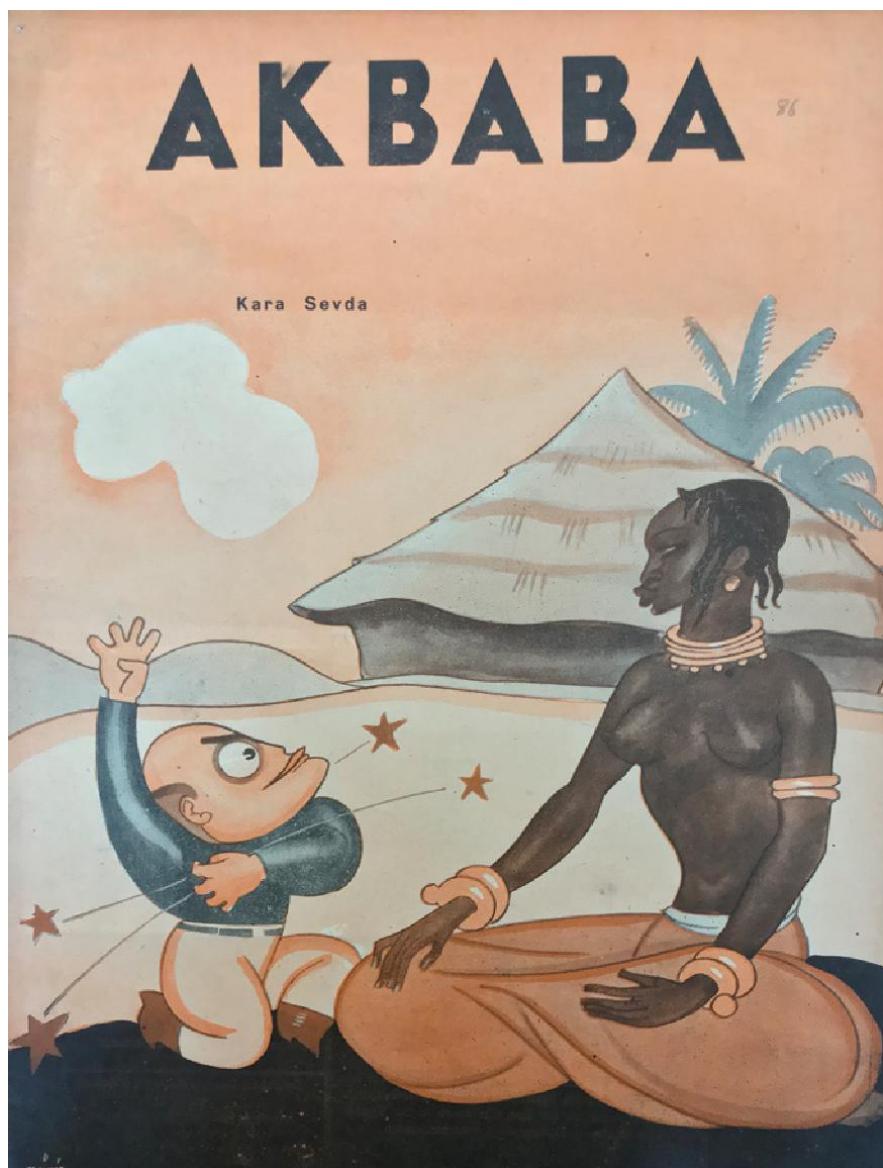

Рисунок 29. Карикатура из журнала “Akbaba”. Akbaba. 24 Ağustos 1935. S. 1.

Стоит отметить то, что кемалистские СМИ в период итало-эфиопской войны выступили с осуждением акта агрессии со стороны Италии. Несмотря на попытки турецкого правительства как-то сгладить противоречия, которые образовались в итало-турецких отношениях, прессы продолжала публиковать статьи и карикатуры, которые итальянцы могли счесть и действительно считали оскорбительными. Яркий и разнообразный характер освещения событий турецкой прессой в этот период противоречил широко распространенному мнению о том, что в 1930-х гг. турецкая журналистика «регрессировала», и что правительство «препятствовало

развитию среды, в которой процветали различные мнения»⁴⁶⁷. Учитывая деликатность вопроса для турецко-итальянских отношений, освещение турецкой прессой событий в итало-эфиопской войне дает четкое представление как о важности роли прессы как активного субъекта в ранний республиканский период, так и об отношениях между турецким правительством и СМИ. В данном случае произошел «сбой», так как прессы пошла по независимой от властей траектории, вопреки распространенному на тот момент в Турции постулату о «Мире внутри страны, мире во всем мире». Подобного рода коллизии прессы и официальной политики Турецкой Республики на протяжении 1930-х гг. были немногочислены⁴⁶⁸, тем самым пример освещения пропагандой итало-эфиопской войны представляется уникальным для понимания отношений между правительством и подконтрольными ему СМИ.

Комментарии турецкой прессы по поводу конфликта между Италией и Эфиопией представляют собой особенный пример, так как это был единственный за все 1930-е гг. случай, когда официальные органы турецкой пропаганды трактовали события по-своему. Мысли и идеи, высказанные на страницах изданий, были как в русле официальной идеологии, так и противоречившими нейтральной позиции Турции. Некоторые карикатуры из журнала “*Akbaba*” могли испортить и без того напряженные отношения между Италией и Турцией. Тем не менее турецкое правительство проявило определенную лояльность к журналу и не стало закрывать его навсегда, так как карикатуры, опубликованные в журнале, явно иллюстрировали общественные настроения в Турецкой Республике.

Впрочем, то был единственный случай, когда прессы не пошла на публикацию исключительно того, чего хотело правительство или что требовала идеология. На протяжении всех 1930-х гг. СМИ и кемалисты действовали в унисон

⁴⁶⁷ Doğar M. “Complete Neutrality” or “Controlled Enmity”? The Role of the Turkish Press during the Italo-Ethiopian War of 1935–36 // Turkish Historical Review. – 2020. – № 10 (02–03). – Р. 251.

⁴⁶⁸ В качестве примера можно вспомнить испанскую Гражданскую войну 1936–1939 гг., когда такие газеты, как “*Tan*” и “*Cumhuriyet*” публиковали комплиментарные статьи в адрес республиканских сил, в то время как официоз кемалистов “*Ulus*” придерживался нейтрально-отстраненной точки зрения на данный конфликт. Подробнее см.: Akkaya E. Textual Intervention during the Spanish Civil War. Voices of Solidarity from Turkey // Untold Stories of the Spanish Civil War. / eds. R. Rein, S. Zepp-Zwirner. L.: Routledge. 2023. P. 238–247.

в освещении важных для турецкой внешне- и внутриполитической жизни событий. Одним из них стал визит иранского шаха Реза-шаха Пехлеви в Турцию в 1934 г., который подробнейшим образом освещался турецкими средствами массовой информации.

3.3.2. Инструментализация пропаганды во внешней политике Турции на примере визита Реза-шаха Пехлеви в Турцию в 1934 г.

Посещение иранским шахом Турции стало одним из признаков укрепления двусторонних связей между Анкарой и Тегераном. На протяжении 1920-х гг. отношения были довольно напряженными из-за нерешенных проблем с государственной границей. Официально граница между Ираном и Турцией была закреплена еще в 1639 г. по Касри-Ширинскому договору⁴⁶⁹. Последняя редемаркация границы между двумя странами произошла в 1913 г. Тем не менее ни одну из сторон не устраивало такое положение дел, особенно после прихода к власти кемалистов в Турции и Резы-шаха Пехлеви в Иране. Оба правительства отличались сильными националистическими настроениями и рассматривали нестабильную границу как угрозу своему национальному суверенитету.

Помимо этого, курдский вопрос, обострившийся после восстания шейха Саида в 1925 г. стал дополнительным катализатором напряженности между странами из-за побега некоторых курдских вооруженных формирований из Турции в Иран, где они закрепились на горе Малый Аракат. Три так называемых «Аракатских восстания» стали серьезной проблемой для двусторонних отношений⁴⁷⁰, а последнее восстание 1930 г., для подавления которого турецкая армия зашла на иранскую территорию, выявило необходимость провести более точную демаркацию границы между Турцией и Ираном.

⁴⁶⁹ Turkish Foreign Policy, 1919–2006. Facts and Analyses with Documents / ed. Baskin Oran. Salt Lake City: The University of Utah Press. 2010. P. 217.

⁴⁷⁰ Ibid. P. 219.

Важным шагом на пути снижения напряженности в отношениях между Анкарой и Стамбулом стал договор о дружбе и безопасности, подписанный в Тегеране в 1926 г.⁴⁷¹ Договор предусматривал не только принцип ненападения и отказ от вступления в военные блоки друг против друга, но также и совместные действия, направленные против «воинственных племен» (под этим термином подразумевались курды). Окончательно граница между двумя странами была зафиксирована по договору 23 января 1932 г.⁴⁷² Именно это соглашение закрепило урегулирование отношений между двумя странами и стало одним из признаков потепления между Анкарой и Тегераном.

Практически месяц иранский шах оставался на территории Турецкой Республики, что являлось довольно продолжительным сроком для зарубежного визита. Для сравнения, длительность официального визита короля Великобритании Эдуарда VIII в Турцию в 1936 г. составила всего четыре дня – с 3 по 6 сентября⁴⁷³, в то время как Реза-шах находился в Турции 27 дней – с 10 июня по 6 июля 1934 г.⁴⁷⁴

На момент посещения иранским шахом Турции отношения между двумя странами переживали небывалый подъем. Различные соглашения устранили болевые точки прошедших эпох и открывали новую страницу в истории ирано-турецких отношений, которые должны были существовать в атмосфере дружбы, доверия и добрососедства. Визит Резы-шаха в 1934 г. стал своеобразным подтверждением этих хороших отношений. Турецкая пропаганда воспользовалась этим, подробно описав визит высокопоставленного гостя. Тот факт что соседняя с Турцией страна пошла по пути реформ после долгого периода застоя (в лице династии Каджаров), создавало все предпосылки для имплементации образа Ирана как дружественной страны. Детальное описание визита должно было показать турецкому читателю то, что после долгих столетий войн и противоречий Иран стал

⁴⁷¹ Akgül L. H. Rıza Han’ın (Rıza Şah Pehlevi) Türkiye Ziyareti // Yakın Dönem Türkiye Araştırmaları. – 2012. – № 7. – S. 3

⁴⁷² Turkish Foreign Policy, 1919–2006. P. 219.

⁴⁷³ Подробнее см.: Uludağ M. The First Visit of a British Monarch to Turkey: Edward VIII // Journal of Anglo-Turkish Relations. – 2023. – № 4. – P. 55–75.

⁴⁷⁴ Akgül L. H. Rıza Han’ın (Rıza Şah Pehlevi) Türkiye Ziyareti. S. 1.

другом Турции, близким по духу соседом, который, так же как и Турция, шел по пути модернизации. Отсюда и распространение статей, которые описывали национально-исторический⁴⁷⁵ и экономический путь Ирана, как, например, в газете “Hakimiyet-i Milliye”⁴⁷⁶. Тем самым, установка кемалистской пропаганды заключалась в освещении исключительно положительных сторон Ирана, как дружественной, братской для Турции страны, которая проходила такой же путь. Все это подавалось турецкими СМИ как положительный факт, что и освещалось в статьях о визите Резы-шаха в Турцию.

В задачи турецкой пропаганды входили несколько важных пунктов. Прежде всего нужно было изобразить Реза-шаха правителем дружественной страны. Он был «почетным гостем», которому в каждом городе, где он останавливался, был оказан высокий приём. В качестве заголовков выносились цитаты из выступлений шаха Ирана, как, например, в выпуске газеты “Cumhuriyet” от 29 июня 1934 г.: «Иранцы, знайте, что Турция Вам Родина, что турки [Ваши] братья!» (*Рисунок 30*)⁴⁷⁷.

⁴⁷⁵ Hakimiyet-i Milliye. 21 Haziran 1934. S. 5

⁴⁷⁶ Hakimiyet-i Milliye. 22 Haziran 1934. S. 5.

⁴⁷⁷ Cumhuriyet. 29 Haziran 1934. S. 1.

“Iranlılar, Türkiyeyi kendinize vatan, Türkleri kardeş biliniz!,”

Şehinşah Hazretleri dün şehrimiz Iran tebaası
murahhaslarına bir hitabe irat buyurdular

*Iranın kestirme
Transit yolu
Türkiyeden gece*

Mütənnis evvel ve sonra Asya ile Avrupanın ikhtisadi mümənəsibətlərindən təkib ettilərək ticaret yolu, bütün Anadoludan gərək İstanbul vəntasile Avrupaya bağlanıyordu. Bilihərə bu münsakalatın müümən bir kumə dəniz yollarına geçti. Fakat Şimalı İran transiti Umumi Hərbi kənar Erzurum - Trabzon yoluñdan şəşəndi. Dört beş asır evvel, İspanyadan Timur lengin nəzdində giden bir tətiklək heyəti Avrupa ilə Asya arasıñda en kusa ticaret yoluñum Təbriz - Trabzon - İstanbul olaraq göstərməstidir.

Romalıların ana ticaret yolu dedikləri bu güzergah asurlarca ve asurlarca şöhrət ve ehəmmiyətini kəybetməmişdir. Birkən sene pek böyük bir servetin akip gitdiyi bu kanalı, bu tərihi ve tabii yolu değiştirmək üçün çox məharebələr olmuş, kanlara dökməlmiş ve fakat Orta Asya və İran kərvanları bu yoldan şəxşiməşlər ve ayrılmamışlardır. Umumi Hərbi bimər fənahıç arasıñda İranla Türkiyeye yaphığı en bü-

Şehinşah Hz. ve Gazi Hz. Metris çiftliğinde top atış talmınlarını təkib bayaruyorlar

Рисунок 30. Выпуск газеты “Cumhuriyet” от 29 июня 1934 г. Cumhuriyet. 29 Haziran 1934. S. 1.

Периодические отсылки к договору 1932 г., который укрепил дружественные отношения между странами, лишний раз подтверждали нацеленность на приздание визиту Резы-шаха особого лоска, как, например, это делалось в газете “Akşam” (Вечер), где вместе с громкими заголовками приводились письма от турецких и иранских парламентариев с заверением искренней дружбы и согласия между двумя странами⁴⁷⁸. В качестве пропагандистского элемента, направленного на подчеркивание добрососедства Анкары и Тегерана, прессы публиковала некоторые заголовки на фарси. Так, например, во время визита Резы-шаха в Стамбул газета “Cumhuriyet” напечатала на фарси приветствие в адрес иранского правителя с заголовком: «Газета “Cumhuriyet” говорит “добро пожаловать” Его Величеству»

⁴⁷⁸ Akşam. 19 Haziran 1934. S. 2.

(Рисунок 31)⁴⁷⁹. Это был своего рода дружеский жест со стороны турецкого издания, так как вязь не появлялась на страницах турецких газет с 1928 г., когда был принят закон об алфавите.

Рисунок 31. Выпуск газеты “Cumhuriyet” от 26 июня 1934 г. Надпись на фарси гласит: «Газета Cumhuriyet говорит "добро пожаловать" Его Величеству»

Cumhuriyet. 26 Haziran 1934. S. 1.

Чтобы наглядно показать дружеские отношения между двумя странами, в репортажах о визите Резы-шаха были вставлены многочисленные фотографии. Визуальная составляющая пропаганды должна была продемонстрировать важность визита правителя Ирана в Турцию. Особое внимание в прессе уделялось совместным фотографиям Мустафы Кемаля Ататюрка и Резы-шаха Пехлеви, как,

⁴⁷⁹ Cumhuriyet. 26 Haziran 1934. S. 1.

например в газетах “Son Posta” (Последние [новости])⁴⁸⁰, “Akşam”⁴⁸¹ и “Cumhuriyet” (Рисунок 32, 33)⁴⁸².

Рисунок 32. Фотографии визита Реза-шаха в Турцию из газеты “Son Posta” от 22 июня 1934 г. Son Posta. 22 Haziran 1934. S. 1.

Рисунок 33. Выпуск газеты “Cumhuriyet” от 27 июня 1934 г. Cumhuriyet. 27 Haziran 1934. S. 1.

Визуальная пропаганда наиболее ярко и красочно показывала дружбу между двумя странами, публикуя не только фотографии двух лидеров, но также плакаты и даже карикатуры на Реза-шаха. В частности, персидский правитель был изображён с популярным газетным персонажем Амджа-беем (Дядюшкой) в газете “Akşam” от 26 июня 1934 г., где шах Ирана представлял перед читателем в образе дружеского шаржа. На реплики Резы-шаха о том, что Турция – замечательная страна и даже погодой он не может насытиться, Амджа-бей отвечал: «Да, Ваше

⁴⁸⁰ Например в: Son Posta. 22 Haziran 1934. S. 1.

⁴⁸¹ Например в: Akşam. 19 Haziran 1934. S. 1.

⁴⁸² Son Posta. 22 Haziran 1934. S. 1. Cumhuriyet. 27 Haziran 1934. S. 1.

величество, эта погода – [признак] атмосферы дружбы, не имеющей аналогов» (Рисунок 34)⁴⁸³.

Рисунок 34. Карикатура «Согласно Амджа-бею!..» из газеты “Akşam”. Akşam. 26 Haziran 1934. S. 3.

Несмотря на явно дружеское освещение визита, со стороны турецкой прессы не обошлось без упоминания об «Араратских восстаниях». В газете “Hakimiyet-i Milliye” приводится статья из «тегеранской газеты», в которой упоминается «Араратская проблема», что говорит том, что она еще не забыта. Араратские восстания были своеобразной проблемной точкой, которую удалось преодолеть, о чем и было написано в статье: «Тем не менее Иран, который принимал во внимание интересы турецкого народа в проблеме Араата, подписал соглашение, содержащее ряд изменений по поводу границы и эти меры учли интересы двух сторон»⁴⁸⁴. Тем самым, хоть и опосредованно, тематика Араратских восстаний была вынесена на повестку дня. Она служила в данном контексте не предметом противоречий, а инструментом их преодоления. Именно благодаря урегулированию проблемы Араата две страны смогли наладить дружественные отношения между собой.

Визит Резы-шаха Пехлеви в Турцию в 1934 г. позиционировался турецкой пропагандой как высшая точка в двусторонних отношениях. Временная точка противоречиям была поставлена договорами 1926 и 1932 гг. С их подписанием в истории двусторонних отношений открылась новая глава, которая должна была продемонстрировать всему миру возможность мирного сосуществования двух

⁴⁸³ Akşam. 26 Haziran 1934. S. 3.

⁴⁸⁴ Hakimiyet-i Milliye. 21 Haziran 1934. S. 4.

соседей. Турецкая пропаганда, взявшая курс на прославление и широкое освещение визита, показывала Иран как дружественную Турции страну для того, чтобы продемонстрировать всему миру следующее: трудный период отношений между двумя соседями остался позади, все конфликты, которые были во времена Османской империи стали достоянием. Ведущие кемалистские издания называли визит важным для укрепления турецко-иранской дружбы. Иран представлялся в газетах не как соперник и враг (что было при Сефевидах и Каджарах), а как друг и сосед, с которым Турция выстраивала равноправные отношения. Благодаря широкому освещению турецкой пропагандой всего визита Резы-шаха Пехлеви в июне-июле 1934 г. был создан образ двух дружественных соседних стран.

Кемалистская пропаганда не случайно активно вводила нарратив дружбы и даже братства между двумя странами. На горизонте уже виднелись перспективы подписания Саадабадского пакта, поэтому конструирование положительного образа Ирана на страницах турецких газет шло в фарватере внешнеполитической деятельности Турецкой Республики, следовательно пропаганда, освещавшая визит Резы-шаха в Турцию в 1934 г. полностью отвечала запросу правительства.

Турецкие СМИ продемонстрировали свой потенциал инструмента, способного на использование идеологически верных нарративов. Впрочем, кемалистская пропаганда вполне могла конструировать свой образ не только по отношению к странам. Так, тема турецкой авиации в газетах получала достаточно широкое распространение ввиду связи идеи развития национального воздухоплавания с «шестью стрелами».

3.3.3. Авиационная тема и ее использование турецкой пропагандой во второй половине 1930-х гг.

Турецкая авиация стала одним из «локомотивов» прогресса в те годы, так как считалось, что именно ее наличие было показателем развития страны и технического превосходства над другими государствами. Впрочем, история

воздушного флота Турции началась раньше, чем в стране стали происходить кемалистские реформы. Османские военно-воздушные части (*Osmanlı tayyare böyükleri*)⁴⁸⁵, состоявшие из импортированных в империю французских, британских и немецких самолетов, участвовали в сражениях Первой мировой войны. Во время Освободительной войны правительством Великого национального собрания Турции было создано отделение военно-воздушных сил при Военном министерстве (*Kuva-yı Havaîye*)⁴⁸⁶. Несмотря на небольшое число боеспособных самолетов, турецкие ВВС смогли принять участие в важных битвах завершающей стадии войны против греческих интервентов.

Однако, ни во время Первой мировой, ни во время Освободительной войны Турция не обладала самолетами собственного производства, а офицерский состав, особенно во время Первой мировой войны, был в большинстве своем немецким. Особую славу заслужили немецкие пилоты, воевавшие во время битвы при Чанаккале, например летчик-ас Ханс-Йоахим Будекке⁴⁸⁷, летавший на самолете Хальберштадт D. II. Кемалистские реформы должны были предъявить всему миру «Новую Турцию», которая могла бы производить свои собственные самолеты и обучать военных пилотов.

Военный летчик, пионер военной авиации Сабиха Гекчен, приемная дочь Мустафы Кемаля (Ататюрка) и воспитанница открытой в 1935 г. военной школы «Турецкая птица» (*Türk kuşu*), стала символом устремления Турции в будущее. У турецкой пропаганды появилась уникальная возможность взять за основу своей риторики об успехе эмансипации и технологических улучшений в стране конкретную женщину-героиню, которая успешно сочетала в себе эти два важных аспекта кемалистских реформ. Стоит отметить несколько важных особенностей, применявшихся турецкими газетами и журналами для создания образа Сабихи

⁴⁸⁵ Подробнее об османских военно-воздушных частях см.: Yalçın O. Osmanlı İmparatorluğu Dönemi Türk Askeri Havacılığı // Bilig. – 2021. – № 96. – S. 147–176.

⁴⁸⁶ Подробнее об участии военно-воздушных сил в Освободительной войне 1919–1922 гг. см.: Ünalp F.R. Türk İstiklal Harbinde Batı Cephesi Tayyare Böyükleri // Atatürk Araşturma Merkezi Dergisi. – 2022. – № 105. – S. 55–100.

⁴⁸⁷ Будекке после Первой мировой войны написал мемуары, посвященные своему участию в битве при Чанаккале в составе военно-воздушных сил Османской империи. Подробнее см.: Buddecke H.J. Çanakkale Üzerinde Bir Şahin. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 2015.

Гекчен. СМИ использовали образ приемной дочери Кемаля как демонстрацию вектора развития турецкого общества и открытый призыв к женщинам «Новой Турции» включиться в демонтаж «традиционного образа турчанки в парандже», осваивать новые социальные роли и профессии, наконец, по примеру Сабихи Гёкчен даже попробовать себя в авиации. Об этом, в частности, говорится в интервью, которое она дала газете “Tan” 21 августа 1937 г., где Сабиха описывает как все тяжести несения военной службы, так и свои непередаваемые ощущения удовольствия от полетов на самолете⁴⁸⁸.

Кемалистская пресса активно освещала участие Сабихи Гекчен в военных маневрах 1937 г. В частности, опубликованные фотографии⁴⁸⁹ и небольшие газетные сообщения (Рисунок 35)⁴⁹⁰ показывали, что журналисты стремились подчеркнуть ту важность, которую Сабиха имела для репутации турецких BBC, как первого военного пилота-женщины.

Рисунок 35. Статья о Сабихе Гёкчен из газеты “Ulus”. Ulus. 20 Ağustos 1937.

S. 1.

⁴⁸⁸ Tan. 21 Ağustos 1937. S. 1.

⁴⁸⁹ Например в: Ulus. 24 Ağustos 1937. S. 3.

⁴⁹⁰ Ulus. 20 Ağustos 1937. S. 1.

Косвенно, но присутствовало и упоминание роли Сабихи Гекчен в подавлении Дерсимского восстания 1937 г. В газете “Cumhuriyet” от 16 июня 1937 г. была опубликована серия фотографий, на которых Сабиха Гекчен в полной амуниции целует руку своему приемному отцу Ататюрку⁴⁹¹. Ниже располагалось описание зачинщиков восстания – нарушителей турецкого законодательства. Эти намеки дают понять о взаимосвязи двух новостей, так как Гекчен действительно принимала участие в 1937 г. в бомбардировке Дерсима⁴⁹² на самолете Breguet 19⁴⁹³ – французском легком бомбардировщике-разведчике. Даже прямо не указывая на причастность Сабихи к военной операции, турецкие газеты восхваляли ее самоотверженность и позиционировали в качестве подлинной героини турецкого народа.

Используя статус Сабихи Гёкчен как приемной дочери Ататюрка, турецкие газеты стремились показать личную заинтересованность создателя и президента «Новой Турции» в деле развития военно-воздушных сил страны. Так, на открытии созданной 3 мая 1935 г. летной школы «Турецкая птица» (*Türk kuşu*), в число выпускников которой позже войдет Гёкчен, присутствовал лично Ататюрк⁴⁹⁴. На смотрах BBC Турции и во время показательных полетов турецких самолетов Кемаля всегда сопровождала его приемная дочь Сабиха Гёкчен. Она стала олицетворением не только успеха в реализации принципа равноправия женщин, но и символом воплощенных достижений технического прогресса. Турецкая пресса для этого намеренно восхваляла и героизировала Гёкчен, освещала ее профессиональную и личную жизнь на страницах газет. Даже её поездка по Балканским странам в 1938 г. стала достоянием внимания широкой

⁴⁹¹ Cumhuriyet. 16 Haziran 1937. S. 1.

⁴⁹² Об этом, в частности, рассказывала сама Сабиха Гёкчен в своем интервью. *Sabiha Gökçen Dersim Katliamına Gidişini Anlatıyor 2*. 2021. (*Dersim Katliamı Kamal Atatürk ün emriyle Yapılmıştır.*). Internet Archive [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/sabiha-gokcen-dersim-katliamina-gidisini-anlatiyor-2_20210814 (дата обращения: 03.03.2024).

⁴⁹³ Подробнее о самолете см.: Вг. XIX. Авиационная энциклопедия Уголок неба. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.airwar.ru/enc/bww1/br19.html> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴⁹⁴ Cumhuriyet. 4 Mayıs 1935. S. 1.

общественности и сюжетом многочисленных публикаций и фотографий (*Рисунок 36*)⁴⁹⁵.

Atatürk kızı Sabiha Gökçen

**Bugün tayyare ile tek başına
bir balkan turuna çıkıyor**

Kahraman tayyarecimiz Sabiha Gökçen tayyaresi başında

Kahraman tayyareci evvelâ
Atinaya sonra Selânik
yolu ile Sofyaya, Belgrada
ve Bükreşe gidib donecek

Bayan Gökçen'in takib edeceği yolu gösterir harita

Türkduşu Başöğretmeni Atatürk krizi Bayan Sabiha Gökçen, bir müddettenberi hazırlanmakta olduğu Balkan hava turuna bugün başlıyacaktır.

Рисунок 36. Статья о Сабихе Гёкчен и ее балканском турне в газете “Ulus”.

Ulus. 16 Haziran 1938. S. 1.

Кемалистские издания конца 1930-х гг. намеренно создавали из Сабихи Гёкчен образ героини «Новой Турции», символизировавшей отход от старых норм, традиций и клише, и готовности страны к новым успехам, ведь женщины-летчицы были в 1930-е редкостью в мире. Несмотря на смерть Мустафы Кемаля Ататюрка в 1938 г. и отход от использования образа Сабихи Гекчен в турецкой прессе, первая турецкая женщина-военный пилот навсегда осталась в народной памяти как пионер

⁴⁹⁵ Например в: *Ulus. 16 Haziran 1938. S.1. Ulus. 17 Haziran 1938. S. 1.*

в своей области. Этому немало способствовала кемалистская пропаганда, которая, используя Гекчен как отдельно взятую пропагандистскую единицу и синтезируя с образом ее приемного отца Ататюрка, смогла создать из Сабихи Гекчен символ верной последовательницы идей Кемаля, которая отказалась от старых норм и традиций и восприняла формы и идеи «Новой Турции».

Тем не менее Сабиха Гёкчен была не единственной, о ком писали турецкие газеты и журналы в контексте авиации. На протяжении 1930-х гг. в турецкой прессе присутствовал целый блок статей, заметок, а также фотографий, посвященных самолетам и развитию авиационной промышленности.

Авиация, наравне с железнодорожным строительством, представлялась символом технического прогресса, без которого не были возможны реформы по модернизации Турецкой Республики. Особенно это касалось воспитания собственных кадров для пилотирования самолетов. Во время открытия летной школы «Турецкая птица» (*Türk kuşu*) Мустафа Кемаль Ататюрк сказал: «Те, кто любит жизнь, особенно жизнь народа, те, кто хочет защищать ее, каждый день пусть немного но увеличит свой интерес к родной авиации»⁴⁹⁶. Все это подчеркивало личную заинтересованность президента Турции в обустройстве и воспитании новых кадров для такой перспективной области как авиация.

Турецкие газеты публиковали «сенсационные снимки» с аэропланов, которые должны были показать всю перспективность и красоту авиации как средства передвижения. Так, в выпуске газеты “Cumhuriyet” от 14.05.1935 г. был опубликован материал «Стамбул, который Вы не видели и не знали» (*Рисунок 37*)⁴⁹⁷, где читателям показывались знаменитые сооружения города с высоты птичьего полета. Все это было сфотографировано с самолета. К своему материалу, который подавался в прессе как «уникальный» и «ни на что не похожий», редакция газеты отнеслась не только со всей серьезностью, но и с некоторым юмором, так

⁴⁹⁶ Cumhuriyet. 4 Mayıs 1935. S. 1.

⁴⁹⁷ Cumhuriyet. 14 Mayıs 1935. S. 8.

как материал сопровождался небольшой карикатурой, где гротескно показывалось, как выглядел этот полет «на самом деле»⁴⁹⁸.

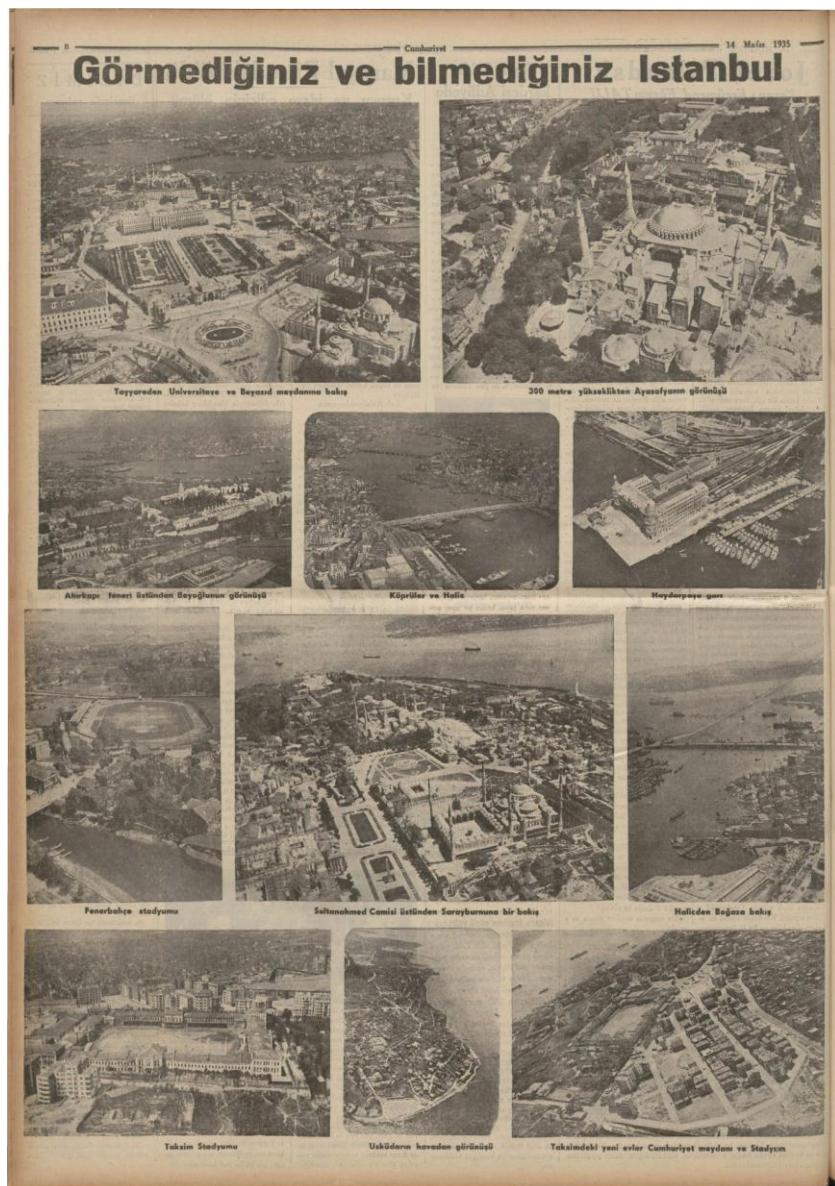

Рисунок 37. Фотостатья «Стамбул, который Вы не видели и не знали» из газеты «Cumhuriyet». Cumhuriyet. 14 Mayıs 1935. S. 8.

Эти материалы демонстрировали важность и необходимость развития авиации для того, чтобы не отставать от европейских стран, причем авиация изображалась не только в виде какого-то абстрактного понятия, но и в качестве вполне конкретной технологии. Подчеркивалось наличие собственных проектов в Турции по строительству самолетов. Например, в заметке газеты “Cumhuriyet” от 24 июня 1934 г. рассказывалось о проекте инженера Ибрагим-бэя по созданию

⁴⁹⁸ Cumhuriyet. 14 Mayıs 1935. S. 1.

турецкого летательного аппарата, рассчитанного на 8 человек экипажа⁴⁹⁹. Эта заметка должна была показать необходимость строительство турецких самолетов, возможность воплощать проекты в жизнь самостоятельно, демонстрируя всему миру, что Турция, как и передовые в области авиации страны, способна развивать свою авиапромышленность.

Другим сюжетом, с которым публиковался авиаия, стал турецкий футбол. Так называемый «Кубок Авиации» (Tayyare Kupası) привлекал общественное внимание, а заметки о финале кубка 1938 г., по результатам которого Бешикташ обыграл Галатасарай со счетом 3–2, появлялись на первых полосах таких газет, как “Cumhuriyet” (*Рисунок 38*)⁵⁰⁰, и “Akşam”⁵⁰¹. Смешивая два сюжета, связанных с модернизацией (авиация и футбол), турецкие издания нацеливались на то, чтобы показать Турцию как развивающуюся страну, которая ничем не уступает европейским государствам. Наличие авиации, а также своих футбольных команд должно было продемонстрировать решительный шаг вперед по сравнению с османскими временами.

⁴⁹⁹ Cumhuriyet. 24 Haziran 1934. S. 1.

⁵⁰⁰ Cumhuriyet. 31 İkincikanun 1938. S. 1.

⁵⁰¹ Например в: Tan. 31 İkincikanun 1938. S. 6.

Tayyare Kupası final maçı
Beşiktaş Galatasarayı 3-2
yenerek kupamızı aldı

Maç çok heyecanlı oldu; her iki taraf da güzel bir oyun çıkardılar, Beşiktaş son dakikalarda attığı golle maçı kazandı

Hava Kurumu Başkanı İsmail Hakkı Başak -Cumhuriyet- kupasını veriyor

Hava Kurumu menfaatine gazetemiz tarafından ortaya konulan tayyare kupasının final maçı dün Taksim stadyomunda Beşiktaşla Galatasaray takımları arasında oynandı. Havanın rüzgârsız ve biraz serince olsu, sahanın kuru ve duhuliye fiaflarının da yükseltilmemiş bulunması seyirci adedinin yedi binden fazlaya çıkışmasına sebep olmuştur. İnsan dalgalarile gevirelenmiş sahanın kenarında ve bir masanın üzerinde final maçının galibine verilecek büyük kupamızla turnuvaya iştirak eden

[Arkası: Sa. 6 sütun 1 de]

Рисунок 38. Репортаж о матче «Кубка Авиации» из газеты “Cumhuriyet”.

Cumhuriyet. 31 İkinci Kanun 1938. S. 1.

Авиация стала одним из «локомотивов» кемалистской пропаганды 1930-х гг., которая стремилась показать данную сферу как исключительно положительный для развития страны фактор. Издания активно внедряли в массовое сознание граждан республики идею перспективности авиастроения, транслируя со своих страниц не только достижения турецкой инженерной мысли, но и успехи в вопросе воспитания собственных кадров для авиации. Газеты совмещали авиационную тематику с другими модернизационными процессами (эмансипация, развитие турецкого спорта), демонстрируя успехи кемалистских реформ 1920 – 1930-х гг. Тем самым, кемалистская пропаганда пыталась доказать, что Турция могла бы

встать в один ряд со странами, на тот момент занимавшими передовые позиции в авиастроении, например с Германией или Великобританией.

Турецкая пресса продемонстрировала важность темы авиации в СМИ и дальнейшего ее распространения в пропагандистских целях. Это гармонично сочеталось с концепцией «шести стрел». Помимо сюжетов, связанных с модернизацией страны, кемалистская пропаганда обращала внимание на довольно важное событие 1930-х гг. Речь идет о формировании «турецкого исторического тезиса», который должен был стать идеологическим стержнем для Турецкой Республики, так как он формировал историю Анатолии с новых точек зрения, используя новейшие открытия в области археологии, сделанные на территории Турецкой Республики.

3.3.4. Кемалистская пропаганда и конструирование истории

В 1930-е гг. Турция была далека от того, чтобы представлять собой единую однородную этническую единицу. Статистические исследования показали, что в 1935 г. в границах турецкого государства существовало огромное языковое и религиозное разнообразие⁵⁰². Кемалистский режим использовал идею этнически единой нации и особое понимание «турецкости» как основополагающего признака этой этнической принадлежности. «Турецкость» была сформулирована как доминирующая культура и национальный характер новой нации. Мустафа Кемаль продиктовал своей приемной дочери Афет [Инан], одной из наиболее влиятельных личностей в формировании турецкого исторического тезиса, следующие общие элементы «турецкости»:

- Политическое единство;
- Языковое единство;
- Географическое единство;
- Генеалогическое единство;

⁵⁰² Çağaptay S. Otuzlarda Türk Milliyetçiliğinde İrk, Dil ve Etnisite // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce 4. cilt: Milliyetçilik. İstanbul: İletişim Yayınları. 2003. S. 244–62.

- Исторические связи;
- Моральные узы⁵⁰³.

Особое внимание уделялось языку как главному элементу национального характера. Считалось, что турки сохранили свою национальную идентичность и культуру с доисторических времен благодаря сохранившемуся турецкому языку.

Важной частью становления национальной идентичности были поиски исторических связей, которыми занималось Турецкое общество изучения истории (*Türk Tarih Tedkik Cemiyeti*), основанное в 1931 г. Программа работы общества также была надиктована Афет Инан Мустафой Кемалем и включала в себя следующие вопросы:

- Кого можно назвать «коренным населением Турции»
- Кто и каким образом основал первую цивилизацию в Турции?
- Какова роль турок в истории мировых цивилизаций?
- Успех турок в Анатолии нельзя объяснить, основываясь исключительно на истории племени тюрков-огузов. Соответственно, для обоснования образования государства в Анатолии необходима другая трактовка.
- В чем заключается истинная самобытность ислама? Какова была роль турок в истории ислама?⁵⁰⁴

В качестве одного из первых документов, который явственно указывал на направление турецкой исторической мысли в новое русло, стоит выделить вышедшую в 1930 г. книгу «Основные принципы турецкой истории». В этой работе утверждалось, что турки были древней брахицефальной расой, подобной европейским расам, и создали цивилизацию вокруг «внутреннего моря» в Центральной Азии. Поскольку экологические обстоятельства привели к высыханию этого моря, турки массово покинули регион и принесли цивилизацию в другие части света. Китай на востоке, Индия на юге, Египет, Месопотамия, Иран, Анатolia, Греция и Италия на западе – все они стали цивилизованными благодаря этим перемещениям. Отмечалось, что поскольку турецкая нация была основным

⁵⁰³ Atatürk M. K. Medeni Bilgiler. İstanbul: Toplumsal Dönüşüm Yayıncılığı. 2010. S. 45.

⁵⁰⁴ İnan A. Atatürk ve Tarih Tezi // Belleten. – № 3. – S. 244–245.

элементом, лежавшим в основе всех крупных цивилизаций, все анатолийские цивилизации, как древние, так и современные, также должны были быть связаны с турками⁵⁰⁵.

«Основные принципы турецкой истории» была составлена за считанные месяцы, 100 экземпляров книги были разданы для предварительного ознакомления известным интеллектуалам и ученым того времени. Из-за отсутствия достаточных данных, подтверждавших основные аргументы, работа была признана неудачной, и в 1931 г. была опубликована более короткая версия под названием «Введение в основные принципы турецкой истории»⁵⁰⁶. Было распространено в общей сложности 30 тыс. экземпляров этой брошюры, которая сразу же была принята в качестве основополагающего труда для преподавания истории в средних и старших классах школы⁵⁰⁷. Обе публикации сохранили суть основных аргументов «Основных положений...», и были незамедлительно начаты программы по распространению данных идей посредством различных публикаций и мероприятий.

Основная цель работы состояла в том, чтобы доказать, что турецкая нация равна европейским, раскрыв генеалогическое родство, которое, как предполагалось, заключалось в расовом и языковом происхождении турок и европейцев, предки которых, как считалось, находились в степях Центральной Азии. Ее истинной целью было опровергнуть представление о турках как о второстепенной желтой расе, что интересовало лично Мустафу Кемаля. В ответ на мнение о турках как о желтой расе, которое обычно распространялось в некоторых публикациях того времени, в этой коллективной монографии утверждалось, что турки в Анатолии не были связаны ни с монголоидной расой, ни с другими ближневосточными расами. Более того, акцент на тюркской этнической идентичности доисторической Центральной Азии и Анатолии наводил на мысль о том, что она якобы обладала исконными корнями европейской цивилизации.

⁵⁰⁵ Türk Tarihinin Ana Hatları. İstanbul: Devlet Matbaası. 1930.

⁵⁰⁶ Türk Tarihinin Ana Hatları: Metnalı Kısımlı. İstanbul: Devlet Matbaası. 1931.

⁵⁰⁷ Atakuman Ç. Cradle or crucible: Anatolia and archaeology in the early years of the Turkish Republic (1923–1938) // Journal of Social Archaeology. – 2008. – № 8 (2). – P. 219.

Исходя из этого, проект вестернизации должен был быть переосмыслен как процесс возвращения к корням.

Как объяснялось в предисловии к «Основным принципам турецкой истории», целью работы было «правильное» воспитание турок: «До сих пор роль турок в мировой истории намеренно или непреднамеренно недооценивалась в учебниках истории, изданных в нашей стране, и во французских учебниках истории, которые легли в основу турецких книг. Получение турками такой неверной информации наносит ущерб развитию турецкой самоидентификации и самосознания. Настоящая цель, на которую была направлена эта книга, состоит в том, чтобы исправить ущерб, нанесенный этими ошибками формированию нашей нации, которая теперь вернула себе свое естественное положение в мире». В то же время данная книга позиционировалась как «первый шаг к устраниению необходимости написания национальной истории для турецкой нации, чье чувство самосознания и единства пробудилось после недавних крупных событий... Мы не утверждаем, что написали столь необходимую Великую национальную историю, однако мы указываем общее направление и цель для тех, кто будет проводить исследования по этому предмету». С помощью этой книги авторы хотели «привить туркам правильные мысли и видение мира... Именно по этой причине мы хотели распространить наши идеи как можно скорее. Мы оставили подробное изучение документов, написанных на разных языках, и изучение других источников для будущих работ»⁵⁰⁸.

Идеи, указанные в «Основных принципах турецкой истории», были не только приняты, но и использованы турецкой пропагандой в качестве важных основ исторической политики Турецкой Республики. Наиболее ярким проявлением нарратива об истории тюрок стала публикация учебника по истории в начале 1930-х гг., в котором в полной мере отразились все основные тезисы, указанные в «Основных принципах турецкой истории». Как утверждалось в учебнике, предки тюрков жили вокруг великого моря в центре Азии, между Кавказом и Тянь-Шанем,

⁵⁰⁸ Türk Tarihinin Ana Hatları. İstanbul: Devlet Matbaası. 1930. S. 2.

где развивали металлообработку, одомашнивали животных и начали заниматься оседлым земледелием к 10 тыс. лет до н.э., в то время как другие народы еще вели примитивный образ жизни⁵⁰⁹. Однако в конце ледникового периода климат изменился: море высохло, северные ветры принесли пески, и, как следствие, условия жизни ухудшились. Впрочем, когда лед отступил, открылись сухопутные маршруты, и тюрки начали эмигрировать во всех направлениях. Те, которые остались на месте, стали кочевниками, в конечном счете создав великие государства: империи гуннов и тюрков-скифов. Первые тюрки-кочевники обосновались в Северном Китае, где к 7000 г. до н.э. они переняли технологии местной цивилизации. Другие переселились в Индию, население которой жило племенами, похожими на стаи обезьян. Тюрки тем самым основали высокоразвитую цивилизацию, о которой свидетельствовали археологические раскопки в Хараппе и Мохенджо-Даро.

Около 1500 г. до н.э. сюда переселились тюрки-арии (арийцы), затем тюрки-саки (Будда был, по мнению авторов этой концепции, саком)⁵¹⁰. Эти теории могут показаться сомнительным, поскольку китайцы и индийцы, очевидно, не были тюрками. Этому давалось простое объяснение: тюрки постепенно растворились в местном населении. Примером этого, возможно, послужили булгары: они действительно были тюрками, в конечном счете инкорпорированными местным славянским большинством. Гораздо более важными для будущего человечества были события на Ближнем Востоке, где мигрировавшие шумерские тюрки осушили болота, основали первые организованные тюркские государства и города, разработали первую в мире систему письменности. Оттуда, примерно в 5000 г. до н.э., тюрки пришли на свою священную землю Анатолию и тысячетерть спустя основали тюрко-хеттскую цивилизацию, что якобы подтверждалось раскопками в Малой Азии. Тюрки (хетты) говорили на тюркском языке, похожем на шумерский, а не на семитском или индоевропейском. Вместе с хеттами пришли тюрки-фракийцы, основавшие Трою, а затем лидийцы, одна из ветвей которых

⁵⁰⁹ Tarih. 1. Cilt. Tarihtenvelki Zamanlar ve Eski Zamanlar. İstanbul: Devlet Matbaası. 1931. S. 25–53.

⁵¹⁰ Ibid. S. 54–85.

перебралась в Италию, где, как этруски, они заложили основы римской цивилизации⁵¹¹. Также в учебнике описывался и Египет, по поводу которого делался вывод, что его первые поселенцы пришли из Центральной Азии, принеся с собой сельское хозяйство и ирригацию примерно в 5000 г. до н.э. Они правили до тех пор, пока их не сменили фараоны, вычеркнувшие тюрок из своей истории⁵¹². Но в учебнике не всех называют тюрками: небольшое племя ибрани (евреи) – это семиты, у которых не было ни искусства, ни цивилизационных достижений, только религия⁵¹³. Отношение к древнему Ирану в учебнике было осмотрительным. Волны тюрок оккупировали регион в 2500 и 2000 гг. до н.э., оставив существенные следы своего пребывания, но сами мидяне и персы не считались тюрками, хотя парфяне, правившие Ираном с 255 по 225 гг. н.э., были тюркским племенем⁵¹⁴.

Учебник «История» представил свидетельства о якобы тюркском происхождении некоторых известных греков и римлян⁵¹⁵. Так, император Максимин⁵¹⁶ (235–38) был якобы тюрком⁵¹⁷. Указывалось на тюркское происхождение скифских, киммерийских и кельтских племен, которые пришли из Центральной Азии, принеся цивилизацию в такие места, как Дания, спасая европейцев от пещерного существования и выводя их на путь научных открытий⁵¹⁸. «Герменлеры» (германцы) также были определены учебником «История» как тюрки⁵¹⁹. Гунны, которых авторы пособия также именовали тюрками, часто вторгались в Китай и завоевывали его в период с 1230 г. до н.э. по 93 г. н.э. Они двинулись на запад, чтобы способствовать падению Рима. Другие вторгшиеся

⁵¹¹ Tarih. 1. Cilt. S. 127–149.

⁵¹² Ibid. S. 101–126.

⁵¹³ Ibid. S. 162–163.

⁵¹⁴ Ibid. S. 164–176.

⁵¹⁵ Ibid. S. 260–346.

⁵¹⁶ Происхождение императора Максимиана Фракийца является предметом споров. Согласно готскому историку VI в. Иордану, Максимин был аланом. Иордан О происхождении и действиях гетов (*Getica*) / Вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скряинской. СПб.: Алтейя, 2000. С. 77. Однако уже в XX в. появилось предположение о том, что Максимин родился от смешанного брака. Altheim F. Die Abstammung des Maximinus Thrax // *Rheinisches Museum Für Philologie*. – 1941. – № 90 (3). – S. 205–206.

⁵¹⁷ Tarih. 1. Cilt. Tarihtenvelki Zamanlar ve Eski Zamanlar. İstanbul: Devlet Matbaasi. 1931. S. 336.

⁵¹⁸ Ibid. S. 32.

⁵¹⁹ Tarih. 2. Cilt. Ortazamanlar. İstanbul: Devlet Matbaasi. 1931. S. 16.

племена, такие как аланы и авары, также, по мнению создателей «Истории» были тюрками⁵²⁰.

Обсуждение истории происходило и во время лингвистических преобразований. Первый турецкий лингвистический конгресс 1933 г. подчеркнул официальный исторический тезис, согласно которому Центральная Азия (родина тюрок) считалась колыбелью всех цивилизаций, сравнив «древнетюркские языки» (включая хеттский и шумерский) с индоевропейскими и семитскими языками. Этот антиисторический тон был в основе большинства выступлений на Конгрессе. Утверждалось, что турецкий является прародителем всех языков в мире: «В программе конгресса было доказано, что турецкий язык распространился от Центральной Азии до берегов Тихого, Атлантического и Индийского океанов и Финского залива... Весьма вероятно, что он был языком шумеров и хеттов... Турецкий был языком первой и древнейшей культуры. Он лежит в основе санскрита, греческого и латыни, которые составляют базис современной лингвистики. Таким образом, турецкий был языком тех, кто основал большие города и государства, а также тех, кто возделывал землю и просвещал человечество»⁵²¹.

Таким образом, «турецкий исторический тезис», представлял собой тюркоцентричную теорию, которая должна была, по мнению ее разработчиков, стать центральной в исторической политике Турции, направленной на правильное трактование истории внутри страны. Учебник истории, опубликованный в начале 1930-х гг., стал одним из ярких свидетельств интереса, которое проявляло кемалистское правительство по отношению к историческому прошлому. Распространяя эти идеи через учебники истории, кемалисты добивались не только большего охвата, но и правильного направления с идеологической точки зрения преподавания уроков истории в школах. Тем самым, пример «турецкого исторического тезиса» демонстрирует неограниченность способов ведений

⁵²⁰ Tarih. 2. Cilt. Ortazamanlar. İstanbul: Devlet Matbaası. 1931. S. 23–28.

⁵²¹ Birinci Türk Dil Kurultayı: Tezler Müzakere Zabıtları. İstanbul: Devlet Matbaası, 1933. S. 470.

пропагандистских кампаний в кемалистскую эпоху – это не только пропаганда в прессе, но и в образовательных учреждениях.

Впрочем, для кемалистов наиболее тяжелым и важным испытанием в идеологической пропаганде стал ноябрь 1938 г. – месяц, когда умер Мустафа Кемаль Ататюрк. Именно смерть первого президента Турции стала самым ярким маркером успешности кемалистской пропаганды, направленной как вовнутрь, так и вне Турции. Эпитеты, которыми характеризовался Кемаль, были распространены в европейских публикациях, так и в СМИ некоторых «экзотических», на первый взгляд, странах, таких как Новая Зеландия.

3.3.5. Смерть Мустафы Кемаля Ататюрка в зеркале кемалистской пропаганды

Реакция на смерть Ататюрка 10 ноября 1938 г. в турецкой прессе характеризовалась общим транслированием скорби от утраты своего лидера. Вся турецкая пресса в едином порыве оплакивала первого президента Турции. Газета “Cumhuriyet” вышла в тот день с его портретом на первой странице и с заголовком «Мы потеряли нашего Ататюрка»⁵²². На следующий день издание опубликовало большое количество статей и панегириков, посвященных турецкому лидеру (*Рисунок 39*)⁵²³. Такие фразы, как «Его смерть – наше страдание... Мы плачем!»⁵²⁴ встречались повсеместно на страницах издания. Вот что писал известный турецкий журналист и основатель газеты “Cumhuriyet” Юнус Нади: «На самом деле наш дорогой Великий Начальник закрыл свои глаза навсегда. Это правда, печальная и горькая правда»⁵²⁵. Главному редактору газеты вторил турецкий писатель и политический деятель Абидин Давер (1886–1954): «Пока мы плачем о его смерти, мы не должны забывать правду. Он был великим командиром. Он воспитал

⁵²² Cumhuriyet. 10 İlkinci Teşrin 1938. S. 1.

⁵²³ Cumhuriyet. 11 İlkinci Teşrin 1938. S. 1.

⁵²⁴ Ibid.

⁵²⁵ Cumhuriyet. 11 İlkinci Teşrin 1938. S. 1.

турецкую нацию...»⁵²⁶ Памятные статьи, посвящённые Ататюрку, были написаны также и такими писателями, как Пеями Сафа (1899–1961)⁵²⁷ и Ибрагимом Алаэддином Гёвса (1889–1949)⁵²⁸. На страницах газеты “Cumhuriyet” были подробно изложены последние дни жизни президента Турции, а также проведенные им реформы. Примечательно, что в некоторых публикациях первый президент Турецкой Республики именуется как «Наш отец» (Atamız), «Великий Начальник» (Büyük Şef), а также «Великий отец» (Büyük Ata) и «Великий Вождь» (Ulu Önder).

⁵²⁶ Cumhuriyet. 11 İlkinci Teşrin 1938. S. 2.

⁵²⁷ Ibid. S. 3.

⁵²⁸ Ibid.

Рисунок 39. Первая страница газеты “Cumhuriyet” от 11 ноября 1938 г.

Cumhuriyet. 11 İkinci Teşrin 1938. S. 1.

Не отставала от общей скорби и газета “Akşam”, которая уже 10 ноября начала публикации патетических статей, посвященных Ататюрку. «Вся Родина в

трауре», — именно с таким заголовком вышла газета в тот день⁵²⁹. В заголовок также была выведена цитата покойного президента Турции: «Однажды земля обязательно возьмет мое скромное тело. Однако Турецкая Республика останется вечной» (*Рисунок 40*)⁵³⁰. В выпуске от 10 ноября был опубликован также большой некролог, посвященный жизни «Величайшего турка» проиллюстрированный фотографиями из его жизни⁵³¹. На следующий день газета вышла с заголовком: «Турецкий народ! Ты потерял своего спасителя и своего самого великого сына!»⁵³² Не забывали и о визуальной составляющей. Так, в день похорон Ататюрка в газете “Akşam” появилось символическое изображение Турции, оплакивающей смерть своего президента. На платье было написано «10 ноября», а под рисунком была опубликована надпись «Траурный день календаря» (*Рисунок 41*)⁵³³. Все это лишний раз подчеркивало глубокую скорбь, которая транслировалась со страниц газет.

Рисунок 40. Первая полоса газеты “Akşam” от 11 ноября 1938 г. Akşam. 11 Teşrin-i Sani 1938. S. 1.

⁵²⁹ Akşam. 10 Teşrin-i Sani 1938. S. 1.

⁵³⁰ Ibid.

⁵³¹ Ibid. S. 2–3.

⁵³² Akşam. 11 Teşrin-i Sani 1938. S. 1.

⁵³³ Akşam. 21 Teşrin-i Sani 1938. S. 1.

Рисунок 41. Первая страница газеты "Akşam" от 21 ноября 1938 г. Akşam. 21

Teşrin-i Sani 1938. S. 1.

В общем тренде патетических заголовков и траурных статей следовала газета “Tan” (*Рисунок 42*)⁵³⁴. С самой первой страницы издание, как и “Cumhuriyet”, называла Ататюрка «Нашим отцом» (*Babamız*) и отмечала, что вся турецкая нация погружена в глубокую скорбь (*Türk milleti matem içinde*)⁵³⁵. В издании использовались фотографии турецкого лидера, отражавшие разные этапы его жизни⁵³⁶. Сопровождение статей о жизни первого президента Турции визуальным материалом было весьма распространено в турецких изданиях. Так, газета “Ulus” не только посвятила значительный объем своего номера от 11 ноября фотографиям турецкого президента⁵³⁷, но и разместила изображения «народной скорби и траура»⁵³⁸. На первой странице издания была помещена черная рамка и идентичный опубликованному в газете “Akşam” заголовок: «[Турецкий народ], ты потерял своего спасителя и своего самого великого сына!»⁵³⁹ Статьи и «кричащие» заголовки турецких газет не только отражали всю патетику печати по поводу смерти Мустафы Кемаля, но и задавали контуры официального кемалистского дискурса, который должен был проецироваться на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Турецкий народ потерял своего величайшего представителя и именно этот факт был отображен в качестве первоочередного на страницах турецких изданий.

⁵³⁴ Tan. 11 İkinci Teşrin 1938. S.1.

⁵³⁵ Ibid. S.3.

⁵³⁶ Ibid. S.7.

⁵³⁷ Ulus. 11 Son Teşrin 1938. S.7–9.

⁵³⁸ Ibid. S.6.

⁵³⁹ Ibid. S.1.

Рисунок 42. Первая страница газеты "Tan" от 11 ноября 1938 г. Tan. 11

İkinci Teşrin 1938. S. 1.

Все это в полной мере показывало однозначность турецкой позиции по поводу смерти первого президента Турции: страна осиротела, потеряла своего лидера, который вывел свою страну из тяжелейшего положения, в котором она оказалась после поражения в Первой мировой войне, провел ее через путь модернизации и сделал из нее независимое государство с независимой внешней политикой и международным авторитетом. Это дополнительно подкреплялось

траурными фотографиями с похорон Ататюрка, которые были опубликованы в разных турецких изданиях⁵⁴⁰. Ряд изданий, как например газета “Son Telgraf” (Последняя телеграмма, *Рисунок 43*)⁵⁴¹ вышли без каких-либо статей на первой странице и опубликовали только изображения с траурных процессий. Все это придавало патетического трагизма происходившим событиям.

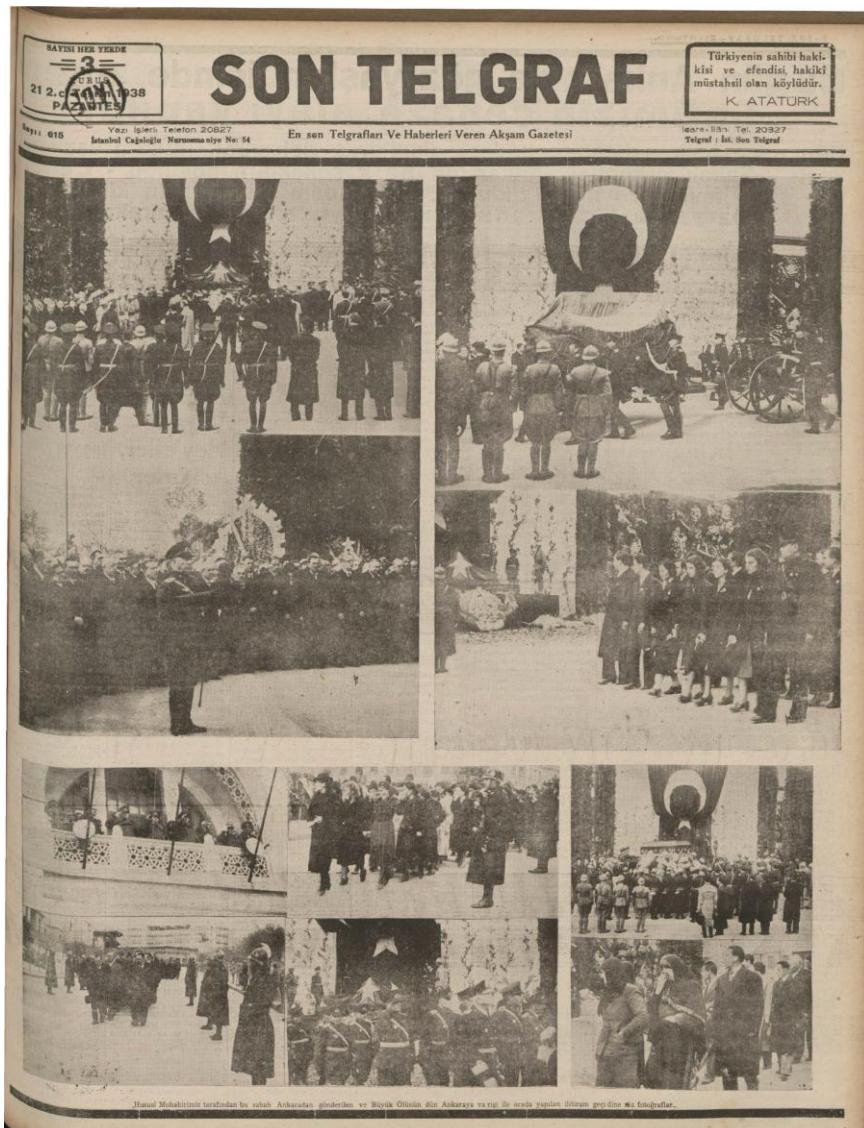

Рисунок 43. Первая страница газеты “Son Telgraf” от 21 ноября 1938 г. Son Telgraf. 21 İkinci Teşrin 1938. S. 1.

Кемалистская пропаганда усиленно транслировала новость о смерти своего лидера, как о невосполнимой потере для мировой истории. Все это публиковалось

⁵⁴⁰ Например в: Akşam. 21 Teşrinisani 1938. S. 1; 22 Teşrinisani 1938. S. 1; Tan. 21 İkinci Teşrin 1938. S. 1; Son Posta. 20 İkinciteşrin 1938. S. 1.

⁵⁴¹ Son Telgraf. 21 İkinci Teşrin 1938. S. 1.

не только турецкими изданиями. Советская газета «Правда» напечатала телеграммы первых лиц, в которых Ататюрк назывался «выдающимся президентом дружественной Турецкой Республики» (М.И. Калинин), «вдохновителем советско-турецкой дружбы» (М.М. Литвинов), «выдающимся руководителем борьбы за независимость своей страны» (В.М. Молотов, *Рисунок 44*)⁵⁴².

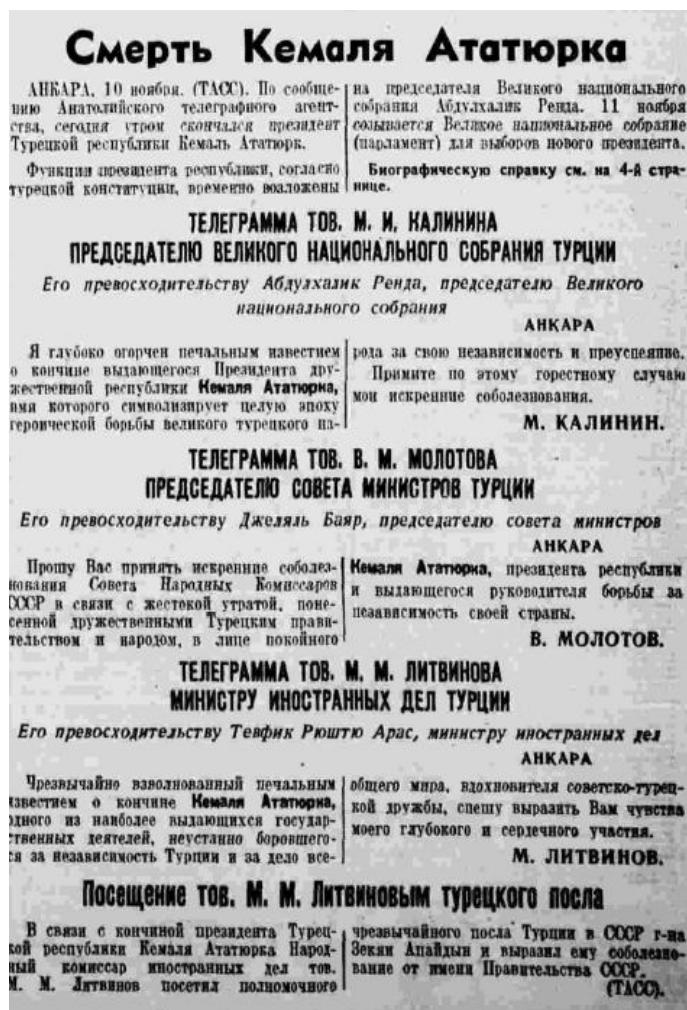

Рисунок 44. Официальные телеграммы соболезнований, высказанных первыми лицами советского правительства, на первой странице газеты «Правда» от 11 ноября 1938 г. Правда. 11 ноября 1938 г. С. 1.

Впрочем, не во всех странах нарратив кемалистской пропаганды был подхвачен печатными изданиями. В частности, в Новой Зеландии, несмотря на всю ее периферийность и удаленность от Ближнего Востока, новость о смерти Ататюрка была воспринята двояко. Здесь сыграли, с одной стороны,

⁵⁴² Правда. 11 ноября 1938 г. С. 1.

неоднозначность личности Кемаля, и, с другой, коллективная память новозеландцев о событиях битвы при Чанаккале 1915 г.⁵⁴³

Некоторые издания восхваляли его деятельность на посту президента Турции. Так, газета “Evening Post” следующим образом подвела итог правления Мустафы Кемаля: «Страна, в которой 85% населения было безграмотным, превратилась в образованную нацию… Турция, которая всего лишь век назад была бичом мира, сыграла лидирующую роль в умиротворении Балкан. В первый раз за всю историю Турцию не боялись и не презирали, но уважали»⁵⁴⁴. “Evening Post” также обозначила важную роль Ататюрка в секуляризации Турции: «Его [Ататюрка] обновление религии Турции сравнимо с английской Реформацией… [мусульманские] монастыри были как небольшие форты на холмах, и они владели всеми землями вокруг них. В этом смысле они создали свои королевства внутри королевства и были внушительной оппозицией всякому движению в сторону цивилизации»⁵⁴⁵.

Ей вторила газета “Auckland Star”, которая практически дословно повторяла сообщение “Evening Post”, при этом не забывая и о других реформах: «В числе других реформ, кроме религиозной, были введение западной музыки, рукопожатий вместо поклонов [при приветствии], школ социальных наук, регулирование детского труда и введение ежегодной Детской недели, во время которой дети как бы руководили страной»⁵⁴⁶. Все это было направлено на создание позитивного образа реформ, которые проводил Мустафа Кемаль.

Несмотря на положительные комментарии о реформах, проведенных первым президентом Турции, в новозеландских газетах было немало критических комментариев в адрес турецкого лидера. Газета “Auckland Star” озаглавила новость

⁵⁴³ Именно так в турецкой историографии называется Дарданелльская операция, которая проходила в 1915–1916 гг. Примеры использования данного наименования в турецкой историографии: Semiz Y. 18 Mart 1915 Çanakkale Deniz Savaşı: Sebepleri, Gelişimi ve Sonuçları // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2003. – № 14. – S. 221–247; Özkaray Y. Türk ve Dünya Basınında Çanakkale Savaşları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1996. – № 12. – S. 295–313.

⁵⁴⁴ Evening Post. 11 November 1938. P. 9.

⁵⁴⁵ Ibid.

⁵⁴⁶ Auckland Star. 11 November 1938. P. 9.

о смерти Кемаля как «Режим закончился»⁵⁴⁷, что должно было показать своеобразное «избавление» Турции от режима Мустафы Кемаля. В тексте этой статьи неизвестный журналист цитирует биографию Ататюрка, написанную Х. К. Армстронгом, в которой давалось его двоякое изображение. С одной стороны, он герой, который нашёл своей стране «место под солнцем», с другой, – «игрок и пьяница, чьё здоровье серьезно пошатнулось из-за эксцессов⁵⁴⁸, [он был] нелояльным по отношению к соратникам и [их] идеям, ужасом для красивых женщин и беспощаден к [своим] оппонентам»⁵⁴⁹.

Раскрывались подробности личной жизни, причем довольно часто обрашаясь выдуманными деталями. “Waikato Times” рассказывала о бывшей жене Кемаля Латифе-ханым, приводя сведения о ее приданом: «После войны Камаль (*sic*) женился на Латифе Ханум (*sic*), дочери богатого измирского купца, который дал ей приданое в 130 тыс. фунтов. Получив образование в Англии, она стала лидером турецкого женского движения. Он развёлся с ней в августе 1925 г.»⁵⁵⁰ Газета “Hokitika Guardian” дала развёрнутое описание личной жизни Ататюрка, приведя в своей статье несколько историй, связанных с Латифе-ханым: «Она [Латифе-ханым] играла с ним осторожно на протяжении года и, наконец-то, к его [Ататюрка] неудовольствию, вынудила жениться. Диктатор был настолько нетерпелив с формальностями, что без всяких объявлений вытащил Латифе прямо на улицу... поймал проходившего мимо священника⁵⁵¹ за бороду и приказал обвенчать его с ней [Латифе-ханым]»⁵⁵².

Совершенно очевидно, что в мировой прессе отношение к покойному президенту Турции было неоднозначным. С одной стороны, турецкий лидер

⁵⁴⁷ Auckland Star. 11 November 1938. P. 9.

⁵⁴⁸ Журналист, видимо, имеет в виду разгульный образ жизни Ататюрка, который пристрастился к спиртному, а также т.н. «застолья в Чанкайе» (Çankaya Sofraları), о которых упоминают или рассказывают в биографиях Ататюрка Ильбер Ортайлы и Эндрю Манго. Подробнее см.: Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. С. 338–344. Ortaylı İ. Gazi Mustafa Kemal Atatürk. İstanbul: Kronik Kitap, 2018. С. 414. Mango A. Atatürk. İstanbul: Sabah Kitapları, 1999. С. 463–473.

⁵⁴⁹ Ibid.

⁵⁵⁰ Waikato Times. 11 November 1938. P. 7.

⁵⁵¹ Тезис о «священнике» или «муфтии», который был пойман на улице и, фактически, насилино женивший Ататюрка на Латифе-ханым категорически неверный. В данном случае имеет место выдумка журналистов. Подробнее о свадьбе см.: Mango A. Atatürk. İstanbul: Sabah Kitapları, 1999. С. 360–361.

⁵⁵² Hokitika Guardian. 11 November 1938. P. 2.

изображался выдающимся государственным деятелем, «строителем нации» и храбрым полководцем. С другой стороны, Ататюрк был показан «турецким диктатором», которому были присущи негативные черты – хитрость, коварство, неравнодушие к женщинам и алкогольным напиткам. Все это демонстрировало потенциальную возможность со стороны кемалистской пропаганды влиять на мировую повестку дня. Наиболее ярко это можно увидеть на примере таблицы 1, где показаны сюжеты, связанные со смертью Мустафы Кемаля, которые транслировали (либо нет) в газетах других стран.

Таблица 1. Нarrативы о президенте Турции Мустафе Кемале Ататюрке в мировой прессе по случаю его смерти 10 ноября 1938 г.

Нarrативы	Турецкая пресса	Советская пресса	Новозеландская пресса
«Отец турок»	+		
Скорбь и боль от утраты	+	+	
Реформатор	+	+	+
Спаситель Турции	+	+	+
Диктатор	-	-	+
Борьба с религиозными предрассудками	+	-	+
Игрок и пьяница	-	-	+
Восхваление	+	+-	+-

Из таблицы видно, что турецкая пропаганда все же сумела повлиять на создание положительного образа покойного первого президента Турции в мировой прессе. Новозеландская пресса, которая, несмотря на наличие элементов либеральной повестки демократических стран Европы об «авторитарной Турции

Ататюрка», во многом восприняла кемалистскую риторику и инкорпорировала ее в свое повествование о деятельности основателя Турецкой Республики. В самой кемалистской прессе образ Ататюрка был незыблем и священен. Используя такие клишированные словосочетания, как «Отец нации», «наш отец», «великий сын турецкого народа», издания демонстрировали определенную и четкую пропагандистскую установку относительно первого президента Турции: он герой турецкого народа, который защитил страну в тяжелый для нее период. Фотографии из жизни Кемаля, а также панегирики, составленные ведущими турецкими писателями, добавляли определенную траурную торжественность смерти и похоронам Мустафы Кемаля.

Турецкая пропаганда в 1930-е гг. достигла пика своего развития с точки зрения распространения и проецирования кемалистских идей на турецких граждан. Именно в начале 1930-х гг. окончательно оформились идеологические постулаты кемализма, нашедшие свое отражение в виде «шести стрел». Учитывая «руководящую роль» Народно-республиканской партии, можно говорить о принципах кемализма, как о государственной идеологии уже на момент их окончательного оформления во время III Съезда НРП в 1931 г. Довольно большую работу по выявлению основных идеологических трактовок сделала редакция журнала “Kadro”, которая пыталась найти определенные пояснения кемалистским постулатам, которые были в то время.

Индоктринация кемалистских идей не обошлась без «перегибов на местах». Так, получил распространение антисемитизм, который, по мнению их ретрансляторов, вписывался в кемалистские постулаты. Пантюркизм вновь набирал силу благодаря деятельности Нихаля Атсыза, который только начинал свой творческий путь в качестве яркого представителя пантюркистских и расистских идей, наиболее полное выражение которых они получили уже в 1940-е гг.⁵⁴³ Тем не менее все эти концепции уже были актуальны на начало 1930-х гг. Впрочем, официальные власти критиковали данные идеологические отклонения

несмотря на то, что подвергшиеся критике газеты не раз говорили о соответствии их кемалистским «шести стрелам». Издания, в которых и антисемитизм, и пантюркизм получали распространение, закрывались.

В 1930-е гг. кемалистская пропаганда на волне окончательного завершения оформления своей собственной идеологии активно использовала разного рода инструменты, которые должны были способствовать успешному распространению идей среди населения страны. Газеты, журналы, кино, радио – стандартные для того десятилетия инструменты – применялись в разной степени интенсивности турецкой пропагандой. Впрочем, говорить о всеобъемлющем и всеохватывающем использовании всех видов распространения информации не приходится, так как кино тогда не имело широкого хождения среди внутренней аудитории, а радиопропаганда находилась в зачаточном состоянии и не имела той массовости, как в странах Европы. Все это обедняло турецкий пропагандистский инструментарий и сводило активность кемалистов лишь к печатной пропаганде. Применение газет и иллюстрированных журналов в полной мере отразило пик кемалистской пропаганды 1930-х гг., проявившийся в освещении многочисленных сюжетов. Например, ярко был обставлен визит Реза-шаха Пехлеви в Турцию, красочно-гротескно изображалась Италия в своей кампании по покорению Эфиопии в 1935–1936 гг., поднималась важная для модернизации тема авиации как двигателя прогресса. Апогей пропагандистских штампов пришелся на смерть Ататюрка и освещение его похорон в ноябре 1938 г. Яркие и выразительные первые полосы газет транслировали массовую скорбь от утраты «отца турок», а панегирики от известных в Турции деятелей политики и искусства следовали в фарватере общего траура.

Все это дает картину положения, в котором оказалась кемалистская пропаганда после двух десятилетий своего формирования. Инструменты, которые имелись в арсенале правительства, позволяли без особых осложнений распространять нужные мысли и правильные оценки среди турецких граждан. Это время ярко охарактеризовал в одной из своих статей уже в начале XXI в. Сонер Чагаптай: 1930-е гг. были эпохой «высокого кемализма», то есть его апогея. После

смерти Ататюрка идеология еще некоторое время продолжала свое существование, но уже в середине 1940-х гг. вместе со становлением многопартийности эпоха доминирования кемализма в информационном поле завершилась.

Заключение

Победа кемалистов в Освободительной войне 1919–1922 гг. стала прелюдией к радикальным реформам 1920–1930-х гг. Кемалистская революция – как в последствии стали именовать эти преобразования – серьезным образом трансформировала общественную и повседневную жизнь в Турции. Важным фактором в распространении и популяризации идей о необходимости изменения страны и общества стала пропаганда, игравшая значимую роль еще в позднеосманскую эпоху. Эволюция пропаганды на протяжении всего периода президентства Мустафы Кемаля (Ататюрка) – 1923–1938 гг. – демонстрирует, с одной стороны, гибкость механизмов, подстраивающихся под конъюнктуру и задачи, с другой стороны, – бескомпромиссность, характерную больше для эпохи «высокого кемализма» 1930-х гг.

Основы некоторых тезисов кемалистской пропаганды были заложены в османское время, когда пантюркизм, панисламизм и национализм применялись для мобилизации масс перед лицом врага. Ввиду идеологической какофонии, которая образовалась в османской пропаганде, идеологию младтурок никак нельзя назвать цельной. Данный опыт оказался полезным для выработывания идей кемалистской пропаганды, которая после Освободительной войны 1919–1922 гг. стала основной в турецком информационном поле. В пропагандистской войне против стран Антанты, а также против стамбульского правительства кемалисты использовали все доступные тогда инструменты и начали вытаскивать свой собственный идейный базис, который отсутствовал во время Первой мировой войны.

Турецкая пропаганда прошла путь от эклектики во время первого этапа Освободительной войны, когда она вынуждена была адаптироваться для происламских, но боровшихся с интервентами сил, до окончательного оформления кемализма в заключительный период, когда идеологемы национализма начали превалировать и, в конце концов, стали доминантой в дискурсе пропаганды начала 1920-х гг. Во время Освободительной войны кемалисты столкнулись с

сопротивлением со стороны противоположного лагеря – султанской пропаганды. Несмотря на заметную слабость, стамбульское правительство использовало все доступные пропагандистские инструменты с целью дискредитировать кемалистское движение и выставить его лидеров неумелыми командирами, а все действия националистов – бессмысленными. Антикемалистская пропаганда представляла собой попытку ответить на популярную и широко распространившуюся кемалистскую карикатуру. Использовались яркие текстуальные и визуальные образы, однако стамбульская пропаганда не смогла противостоять кемалистской, не применила должным образом имевшиеся на руках ресурсы. Стамбульское султанское правительство в итоге проиграло информационное противостояние с Великим национальным собранием Турции по причине большей привлекательности сюжетов кемалистской пропаганды, а также из-за грамотной и умелой агитации, которая изображала Кемаля в качестве единственного спасителя турецкого народа от иностранной интервенции и порабощения.

Вместе с тем, именно во время Освободительной войны кемалисты были вынуждены столкнуться с сопротивлением со стороны противоположного лагеря – султанской пропаганды. Несмотря на откровенную слабость и отсутствие доминирования в информационном поле, стамбульское правительство использовало печатную пропаганду с целью дискредитировать кемалистское движение и выставить его лидеров неумелыми командирами, а все действия националистов – бессмысленными. Антикемалистская пропаганда представляла собой попытку ответить на популярную и широко распространившуюся кемалистскую карикатуру. Использовались яркие текстуальные и визуальные образы, однако стамбульская пропаганда не смогла противостоять кемалистской, не применила должным образом имевшиеся на руках ресурсы. Информационное поле битвы между Великим национальным собранием Турции и стамбульским султанским руководством осталось за первыми по причине большей привлекательности сюжетов, использовавшихся в пропагандистской войне, а также из-за грамотной и умелой агитации, которая изображала Кемаля в качестве

единственного спасителя турецкого народа от иностранной интервенции и порабощения.

После победы в Освободительной войне 1919–1922 гг. кемалисты несколько раз открывали фронт борьбы с внутренними врагами. Столкновение с Прогрессивной республиканской партией в 1925 г., и конфронтация со Свободной республиканской партией в 1930 г. отразились на формировании кемалистской идеологии. Демонстрация своих оппонентов как «чуждых» турецкой нации элементов, а также намеренное изображение их как «врагов» кемалистских реформ должно было создать определенный образ среди читателей проправительственной прессы. Победа в информационной войне была для кемалистов важна, так как гарантировала спокойную внутреннюю обстановку в период дальнейших реформ.

Середина 1920-х гг. стала временем формирования однопартийности, а также действенных идеологических и связанных с ними пропагандистских механизмов для популяризации кемалистских реформ, которые продолжали осуществляться на протяжении второй половины 1920-х гг. Для успешного взаимодействия с населением нужно было не только использовать доступные на тот момент средства и методы пропаганды, но также и задействовать новые инструменты, которые могли бы еще больше расширить охват проецирования пропагандистских установок на население. Дополнительно все это скреплялось турецким законодательством, в частности законом «О печати» 1932 г., который вводил строгую цензуру в стране. Он стал отправной точкой абсолютного доминирования кемалистской пропаганды в информационном пространстве Турецкой Республики.

Конец 1920-х гг. ознаменовал собой начало экспериментов в области пропаганды: внедрение радио, документальных фильмов, а также использование «инициативы снизу» для распространения идей лингвистических экспериментов, наиболее ярким образчиком которого стала реформа алфавита 1928 г., очевидным образом продемонстрировали поиски кемалистами наиболее удобных идей и инструментов для пропаганды своих идей среди турецких граждан. Так, кемалистская пропаганда широко использовалась для продвижения

лингвистической реформы: использовались как печатные издания, так и народная инициатива «Гражданин, говори по-турецки!»

Параллельно с процессами противостояния кемалистов с оппозиционными средствами массовой информации, турецкая пропаганда переживала трансформацию в идеологическом плане. Поиск «своей» идеологемы при младотурцах, а также решение о создании тройной основы (пантюркизм, панисламизм и национализм) стали важными вехами для турецкой пропаганды. Эти тренды и определили развитие идеологической мысли не только во время войны 1919–1922 гг., но также и на протяжении 1920–1930-х гг. Получили распространение как левые идеи, так и пантюркизм, которые, по мнению их основных идеологов, вписывались в кемализм. Благодаря деятельности Нихаля Атсыза, пантюркизм начал набирать обороты и уже в 1940-х гг. обрел свое второе дыхание. Официальные власти, несмотря на заявленную идеологами пантюркизма связь с кемализмом, критиковали данное направление как чуждое официальной риторике и запрещало выпуск откровенных антисемитских изданий. В то же время левый кемализм со страниц журнала “Kadro” трактовался как близкий к марксизму. Журнал пытался сформулировать идеологическую основу для интерпретации кемалистских реформ, особо выделяя ответственность за формирование идеологической основы для кадровых работников, бюрократов-интеллектуалов. Все эти идеи были отражены в пропаганде тех лет, которая велась как сторонниками левого, так и сторонниками правого крыла кемалистской идеологии.

Тем не менее, налицо очевидная «рыхлость» кемалистских постулатов: «шесть стрел» могли по-своему интерпретироваться как левыми, так и правыми кемалистами. Несмотря на фиксацию кемалистской идеологии в конституции Турецкой Республики, она была непрочной, существовали ее разные трактовки, как, например, те, что были использованы Нихалем Атсызом в своем журнале “Atsız Mecmuası”.

В 1930-х гг., кемалистская пропаганда активно экспериментировала с новыми инструментами в ее арсенале. Несмотря на зарождавшийся характер

передовых на тот момент средств пропаганды (таких как кино), до всеобъемлющего охвата кемалистам было далеко. В то время, как в Европе проводили эксперименты с телевидением, турецкое радио только-только начинало выходить за пределы больших городов. Эти факторы, с одной стороны, обедняли пропагандистский инструментарий, имевшийся в арсенале у кемалистов, с другой, — позволяли выявить закономерности в подходах турецкого правительства к пропаганде. Принимая во внимание отсталость кемалистской пропаганды в вопросе распространения передовых технологий, необходимо учитывать ту открытость, с которой кемалисты подходили к передовым западным технологиям.

Впрочем, использование газет и иллюстрированных журналов в полной мере отразило пик кемалистской пропаганды 1930-х гг., проявившихся в освещении многочисленных сюжетов. Ярко был обставлен визит Реза-шаха Пехлеви в Турцию, красочно-гротескно изображалась Италия во время итало-эфиопской войны 1935–1936 гг., поднималась важная для модернизации тема авиации, как двигателя прогресса. Апогей пропагандистских кампаний 1930-х гг. пришелся на смерть Ататюрка и освещение его похорон в ноябре 1938 г. Яркие и выразительные передовицы газет транслировали массовую скорбь от утраты «отца турок», а панегирики от известных в Турции деятелей политики и искусства должны были лишь дополнить общий траур.

Турецкая пропаганда могла в некоторой степени влиять на общественное мнение не только внутри страны. Кемалисты смогли транслировать свой нарратив об Ататюрке, его реформах и достижениях на посту президента Турецкой Республики на страницы новозеландской прессы, которая, несмотря на наличие элементов либерального дискурса демократических стран Европы об «авторитарной Турции Ататюрка», во многом восприняла кемалистскую риторику и инкорпорировала ее в свое повествование о деятельности основателя Турецкой Республики. В самой кемалистской прессе образ Ататюрка был незыблем и священен. Используя такие клишированные сочетания, как «Отец нации», «наш отец», «великий сын турецкого народа», издания демонстрировали определенный

и четкий пропагандистский нарратив относительно первого президента Турции: он был героем турецкого народа, который защитил страну в тяжелый для неё период.

Помимо трансляции образов первого президента Турции успешным можно считать и распространение журнала “*La Turquie Kémaliste*”, который демонстрировал повседневную жизнь Турецкой Республики. Его читатели могли лично убедиться в успехе кемалистских реформ по модернизации страны, эмансипации женщин и другим преобразованиям. Фотографии, опубликованные в издании, являлись слепками эпохи, демонстрировавшей то, в каких условиях жили турецкие граждане в 1930-х гг.

Все это дает четкую картину ситуации, в которой оказалась кемалистская пропаганда к концу 1930-х гг. После победы в Освободительной войне и борьбы с оппозицией, кемалисты доминировали в турецком информационном поле. Инструментарий, который имелся в арсенале правительства, позволял без особых осложнений распространять правильные нарративы и проводить идеологическую индоктринацию населения.

Изучение турецкой пропаганды на протяжении 1920–1930-х гг. помогает лучше понять раннереспубликанскую историю Турции. Без популяризации кемалистских реформ, которая осуществлялась при помощи пропагандистских методов и инструментов, была бы невозможна общественная поддержка модернизации страны. Пропаганда кемалистов и их противников позволяет видеть не только ее трансформацию, но и изменение самой Турецкой Республики, прошедшей путь от политической раздробленности к консолидированному государству с монопольной однопартийной системой.

Исследование пропаганды также позволяет сделать вывод о том, что ее основные тренды, суть которых заключалась в монополизации информации, полностью совпали с процессами, которые происходили во многих европейских странах в 1920–1930-х гг. Контроль над информационными ресурсами и доминирующее положение идеологии в средствах массовой информации были характерны для кемалистской Турции, в которой идея «шести стрел» была господствующей. Тем не менее смерть первого президента Турции отчасти

поколебала монолитность кемализма как идеологии. После 1938 г. в первые годы правления второго президента Исмета Инёню кемализм как идеологическая основа Турецкой Республики еще некоторое время сохранял свое влияние. Однако в результате внутренних и внешних перемен в 1945 г. эпоха его доминирования завершилась вместе с появлением оппозиционных партий и печатных изданий.

Список использованных источников и литературы

Нормативные акты и тексты законов:

1. 1924 Anayasası. Türkiye Cumhuriyeti Anayasa Mahkemesi. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 11.03.2024).
2. Matbuat Kanunu (Kanun № 1881, tarihli 25.07.1931) // Resmî Gazete. – 08.08.1931. – Sayı 1861. – S. 731–736. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/1867.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Millet Mektebi Talimatnamesi (Kararname Numarası 7284, tarihli 11.11.1928) // Resmî Gazete. – 24.11.1928. – Sayı 1048. S. 6102–6108. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/1048T.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
4. Telsiz tesisi hakkında kanun (Kanun № 554, tarihli 16.02.1925) // Resmî Ceride. – 26.02.1925. – Sayı 85. – S. 1002. – URL: <https://www.kanunum.com/files/554-1.pdf> (дата обращения: 26.12.2023).
5. Ulusal bayram ve genel tatiller hakkında kanun (Kanun № 2739, tarihli 27.05.1935) // Resmî Gazete. – 01.06.1935. – Sayı 3017. – S. 411. – URL: [https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc015/kanuntbmmc01502739.pdf](https://www5.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc015/kanuntbmmc015/kanuntbmmc01502739.pdf) (дата обращения: 01.07.2024).

Протоколы заседаний парламента:

6. Türkiye Büyük Millet Meclisi [TBMM] Gizli Celse Zabıtları. c. 2. 17 Mart 1921–25 Şubat 1922. – Ankara: TBMM Basımevi, 2023. – 1019 s.

Официальные публикации, выступления руководящих политических деятелей:

7. II конгресс Коминтерна. Тезисы по национальному и колониальному вопросам // Коммунистический интернационал и китайская революция: Документы и материалы. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 6–11.

8. Кемаль-Ататюрк М. Путь новой Турции, 1919–1927. Т. 1: Первые шаги национально-освободительного движения, 1919 / Мустафа Кемаль-Ататюрк. – М. Государственное издательство Литиздад Н.К.И.Д., 1929. – 480 с.
9. Atatürk M.K. Medeni Bilgiler / Mustafa Kemal Atatürk. – İstanbul, Toplumsal Dönüşüm Yayınları. 2010. – 447 s.
10. Birinci Türk Dil Kurultayı: Tezler Müzakere Zabıtları. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1933. – 167 s.
11. C.H.F. Üçüncü Büyük Kongre Zabıtları, 10–19 Mayıs 1931. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. – 287 s.
12. CHP Programı. Partinin Dördüncü Büyük Kurultayı Onaylamıştır. Mayıs 1935. – Ankara: Ulus Basımevi, 1935. – 68 s.
13. Cumhuriyet Halk Fırkası nizamnamesi ve programı. Fırkanın 10 Mayıs 1931 de toplanan üçüncü Büyük Kongresi tarafından kabul edilmiştir. – Ankara: T.B.M.M. Matbaası, 1931. – 39 s.
14. Gazi Mustafa Kemal Nutuk / Gazi Mustafa Kemal – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2015. – 1136 s.
15. Türk Tarihinin Ana Hatları. Türk Ocağı “Türk Tarihi Heyeti” azalarından Afet Hf. ile Mehmet Tevfik, Samih Rifat, Akçura Yusuf, Dr. Reşit Galip, Hasan Cemil, Sadri Maksudi, Şemsettin, Vasif ve Yusuf Ziya Beyler tarafından iktitaf, tercüme ve telif yollarile yapılmış bir teşebbüstür. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1930. – 622 s.
16. Türk Tarihinin Ana Hatları: Methyl Kısı. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. – 87 s.

Мемуары, дневниковые записи, публикации и сочинения современников:

17. Atsız H.N. Makaleler IV / Hüseyin Nihal Atsız. – İstanbul: Baysan Yayıncılık, 1992. – 472 s.
18. Buddecke H.J. Çanakkale Üzerinde Bir Şahin. – İstanbul, İş Bankası Kültür Yayınları. 2015. – 168 s.

19. Cevad A. Kırmızı siyah kitap: 1328 faciası (1912-1913 Balkan Savaşı) / Ahmed Cevad. – İstanbul: Pınar Yayınları, 2013. – 216 s.
20. Faguet É. Le libéralisme / Émile Faguet. – Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1903. – 359 p.
21. Gökalp Z. The Principles of Turkism / Ziya Gökalp. – Leiden: E. J. Brill, 1968. 149 p.
22. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları / Ziya Gökalp. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. – 197 s.
23. Kadri Karaosmanoğlu Y. Yaban / Yakup Kadri Karaosmanoğlu – İstanbul: İletişim Yayınları, 2024. – 214 s.
24. Karabekir K. Birinci Cihan Harbine Nasıl Girdik, vol. 2 / Kâzım Karabekir. – İstanbul: Emre, 1994. – 464 s.
25. Karabekir K. İstiklal Harbimiz / Kâzım Karabekir – İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1960. – 1171 s.
26. Sabiha Gökçen Dersim Katliamına Gidişini Anlatıyor 2 (Dersim Katliamı Kamal Atatürk ün emriyle Yapılmıştır.). Internet Archive. URL: https://archive.org/details/sabiha-gokcen-dersim-katliamina-gidisini-anlatiyor-2_20210814 (дата обращения: 03.03.2024).
27. Şakir [Soku] Z. 1914–1918 Cihan Harbini Nasıl İdare Ettik? / Ziya Şakir Soku. – İstanbul: Muallim Fuat Gücküyener Anadolu Türk Kitap Deposu, 1944. – 328 s.
28. Taranta-Babu'ya Mektuplar. URL: https://siirbox.tripod.com/9/taranta_babuya_mektuplar.htm (дата обращения: 15.04.2024).

Учебные пособия 1930-х гг.:

29. Tarih. 1. Cilt. Tarihtenvelki Zamanlar ve Eski Zamanlar. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. – 380 s.
30. Tarih. 2. Cilt. Ortazamanlar. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1931. – 391 s.

Пропагандистские фильмы 1920 – 1930-х гг.:

- 31.Анкара – сердце Турции. ВК Видео. – URL: https://vk.com/video-49466084_456243667 (дата обращения: 20.02.2023).
- 32.Ататүрк Французский Консульство (4K Renkli, Net Ses ve Görüntülerle...). YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HlaXmQ2cd4w> (дата обращения: 20.12.2023).

Периодические издания:

- 33.Правда. – Москва. – 11 ноября 1938. – № 311.
- 34.Akbaba. – İstanbul, 24 Ağustos 1935 – 7 Mart 1936. – № 86–113.
- 35.Akşam. – İstanbul. – 19 Haziran 1934 – 22 Kasım 1938. – № 5636–7222.
- 36.Alemdar. – İstanbul. – 28–30 Ocak 1921. № 3060–3062.
- 37.İtsiz Mecmua – Ankara. – Mayıs 1931– Nisan 1932. – № 1–12.
- 38.Auckland Star. – Auckland, 11 November, 1938. – № 267.
- 39.Aydede. – İstanbul. – 19 Ocak – 9 Kasım 1922. – № 7–90.
- 40.Cumhuriyet. – İstanbul. – 5 Haziran 1925 – 11 Kasım 1938. – № 683–5209.
- 41.Evening Post. – Wellington. – 11 November 1938. – № 115.
- 42.Hâkimiyet-i Milliye. – Ankara. – 13 Nisan 1920 – 22 Haziran 1934. – № 12–4638.
- 43.Hokitika Guardian. – Hokitika. – 11 November 1938.
- 44.Il Giornale d'Italia. – Roma – 27 Agosto 1935. – Anno XXXV, № 183.
- 45.İnkılâp. – İzmir. – Mayıs 1932. № 2–3.
- 46.Kadro. – İstanbul. – 1932–1933. – № 1–22.
- 47.La Turquie Kémaliste. – Ankara. – 1934–1941. – № 1–45.
- 48.Millî İnkılâp. – İzmir. – Haziran 1934. – № 3–4.
- 49.Milliyet. – İstanbul. – 9 Nisan 1928 – 30 Ağustos 1930. – № 770–1635.
- 50.Resimli Ay. – İstanbul. – Kasım 1929 – Ocak 1930. – № 9–11.
- 51.Serbes Cumhuriyet. – İzmir. – 26 Ekim 1930 – 4 Ocak 1931. – № 1–62.
- 52.Son Posta. – İstanbul. – 22 Haziran 1934 – 20 Kasım 1938. – № 1404–2986.
- 53.Son Telgraf. – İstanbul. – 21 Kasım 1938. – № 615.
- 54.Tan. – İstanbul. – 4 Ekim 1935 – 21 Kasım 1938. – № 165–1190.

55. Telsiz. – 7 Temmuz – 27 Ekim 1927. – № 1–8.
56. Tevhîd-i Efkâr. – İstanbul – 24 Temmuz 1923 – 25 Şubat 1925. – № 3735–4327.
57. Ulus. – Ankara. – 15 Ağustos 1935 – 11 Kasım 1938. – № 5047–6209.
58. Vakit. 25 Şubat 1930 – 24 Eylül 1934. – № 4358–6004.
59. Waikato Times. – Hamilton, New Zealand. – 11 November 1938. – № 20651.
60. Yedi Gün. – İstanbul. – 1933–1936. – № 1–190.

Научная литература на русском языке:

61. Абидулин А.М. К вопросу об историографии Османской религиозно-политической пропаганды и проекте строительства Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.) // Тюркологические исследования. – 2018. – №4. – С. 89–106.
62. Абидулин А.М., Валеев Р.М. Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 108–110.
63. Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 6–37.
64. Гатауллина Л. «Да будет дарована великая победа мусульманской армии и ее союзникам!» (Газета «Эль-Джихад» как средство пропаганды панисламизма среди татарских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1/2. – С. 37–45.
65. Гатауллина Л.Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива министерства иностранных дел Германии) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (2). – С. 109–115.
66. Глазов А.А. Журнал Sol y Luna: интеллектуальное издание аргентинских католических националистов в 1938–1943 гг. // Электронный научно-

- образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028357-1-1/>.
67. Голядкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения: Учеб. пособие для студентов вузов / Н.А. Голядкин. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 191 с.
68. Горячок К.Л. «Анкара – сердце Турции» Сергея Юткевича и Лео Арнштама: сценарий, замысел и история создания // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2021. – №4. – С. 102–115.
69. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней / Д.Е. Еремеев. – М.: Квадрига, 2017. – 376 с.
70. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 гг. / В.И. Журавлева. – М.: РГГУ, 2012. – 1147 с.
71. Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>.
72. Иордан О происхождении и действиях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., comment. Е.Ч. Скржинской. – СПб.: Алетейя, 2000. – 506 с.
73. Кириллина С.А., Сафонова А.Л., Орлов В.В. «Имперский синдром»: концепция османского халифата на Ближнем Востоке и в Южной Азии (первая четверть XX в.) // Исторический вестник. – 2019. – Т. XXIX. – С. 216–239.
74. Кириллина С.А., Орлов В.В., Сафонова А.Л. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020. – Выпуск 2. – С. 85–95.
75. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
76. Люльчак А.С. Воображая неминуемую победу: имагологический анализ османской карикатуры начала Первой Балканской войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 17–27.

- 77.Люльчак А.С. «Встречая дорогого гостя...»: кемалистская пропаганда о визите Резы-шаха Пехлеви в Турцию и отношениях с Ираном в 1930-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2023. – Т. 67, № 2. – С. 79–84.
- 78.Люльчак А.С. Идеологическая индоктринация и пропаганда в антикемалистской прессе начала 1930-х годов // Новая и Новейшая история. – 2024. – № 6. – С. 151–163.
- 79.Люльчак А.С. Кемалистская пропаганда не знает границ: нарратив об Ататюрке в турецких и новозеландских газетах 1938 г // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029122-3-1/>.
- 80.Люльчак А.С. Противостояние интересов и амбиций на Лозаннской мирной конференции через призму турецких, советских и британских карикатур 1922–1923 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032793-1-1/>.
- 81.Люльчак А. С. Трансформации образа Турции в советской сатирической прессе 1940-х – 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028602-1-1/>.
- 82.Мазур Л.Н. Кейс-стади // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 216.
- 83.Мазур Л.Н. Сравнительно-исторический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 438.
- 84.Медяков А.С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических

- наук: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. – 768 с.
- 85.Могильницкий Б.Г. Методология истории // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 272.
- 86.Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Петросян – М.: Издательство «Наука», 1971. – 328 с.
- 87.Поршнева О.С. Дискурсивный анализ // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание, исправленное и дополненное / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 92.
- 88.«Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России: монография / отв. ред. Т. Л. Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2021. – 596 с.
- 89.Симакова С.И. Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 10 (420). – С. 225–226.
- 90.Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор / А.Г. Ушаков. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 381 с.
- 91.Br. XIX. Авиационная энциклопедия Уголок неба. – URL: <http://www.airwar.ru/enc/bww1/br19.html> (дата обращения: 03.03.2024).

Научная литература на турецком языке:

- 92.Akagündüz Ü. Radyoculuğumuzun Cumhuriyet'in ilk yıllarındaki serüveni ve telsiz mecmuası // Kebikeç İnsan Bilimleri İçin Kaynak Araştırmaları Dergisi. – 2014. – № 37. – S. 359–386.
- 93.Akulut D.A. Muhafaza-i Mukaddesat ve Müdafaa-i Hukuk Cemiyeti Erzurum Merkezi Hey'etiyesi. – Atatürk Ansiklopedisi. – URL:

- <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/bilgi/muhafaza-i-mukaddesat-ve-mudafaa-i-hukuk-cemiyeti-erzurum-merkezi-heyetiyesi/> (дата обращения: 30.07.2024).
94. Akgül L.H. Rıza Han’ın (Rıza Şah Pehlevi) Türkiye Ziyareti // Yakın Dönem Türkiye Araştırmaları. – 2012. – № 7. – S. 1–42.
95. Akyüz K. Türk Ocakları // Belleten. – 1986. – № 50. – S. 201–228.
96. Alkan R. Die “Türkische Post”: Türkiye’de Bir Nazi-Propaganda Gazetesi ve Matbuat Umum Müdürlüğü // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – 2019. – № 42 (1). – S. 200–208.
97. Altan B., Akbaş M., Çağlayan E. Kürdistan Teâli Cemiyeti’nin Şubeleri ve Bağlı Kuruluşları // Akademik Tarih Ve Düşünce Dergisi. – 2018. – № 6 (1). – S. 313–339.
98. Atay T., Ulusoy Nalcioğlu B., Gezgin S. Medyanın Aydınlanması ve Entelektüellerin Sorumluluğu: “Yüzellilikler / 150’likler” ve Hatay’da Yerel Basın // Etkileşim. – 2019. – № 3. – S. 64–74.
99. Aybars E. İstiklal Mahkemeleri. Atatürk Ansiklopedisi. – URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/detay/695/%C4%B0stiklal-Mahkemeleri> (дата обращения 10.01.2024).
100. Aydemir Ş.S. İkinci Adam. Birinci Cilt (1884–1938) / Ş.S. Aydemir. – İstanbul: Remzi Kitabevi, 2011. – 448 s.
101. Aydın Varol F.B. Türk Modernleşmesinde Jön Türkler ve Hüseyin Cahit Yalçın’ın Gazeteci ve Siyasi Kimliği // Erciyes İletişim Dergisi. – 2023. – № 10 (1). – S. 205–221.
102. Azman A. Türk Basınında Siyasi bir Gazeteci – Hüseyin Cahit Yalçın. Doktora Tezi. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 1994. – 243 s.
103. Baycan N. Mareşal Fevzi Çakmak // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1989. – № 6 (16). – S. 177–206.
104. Çanlı M.I. Dünya Savaşında Propaganda Amaçlı Yayınlanan Dergi: Cihan-ı İslam // Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 3 (4). – S. 79–111.

105. Dağlı E. İstanbul'da bir Alman Gazetesi *Turkische Post* // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. – 2017. – № 59. – S. 511–532.
106. Demirci F. Kadro Hareketi ve Kadrocular // Dumluşpınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2015. – № 15. – S. 35–54.
107. Demiryürek M. İngiliz Muhibler Cemiyeti Hakkında Bazı Notlar ve Belgeler // Atatürk Yolu Dergisi. – 2006. – № 10 (37). – S. 77–101.
108. Demiryürek M. Kıbrıs'ta Bir 150'lik: Sait Molla (1925–1930) // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2003. – № 19 (57). – S. 1211–1238.
109. Deniz Ü. İstanbul Radyosu'nun İlk Dönemindeki (1927) Müzik Yayınları // *Eurasian Journal of Music and Dance*. – 2019. – № 14. – S. 63–88.
110. Dimdik Emeksiz P. Akbaba Dergisinde Yayımlanmış Hüseyin Cahit Yalçın Karikatürleri Hakkında Bir Araştırma // *The Journal of Academic Social Science Studies*. – 2020. – № 80. – S. 245–259.
111. Durukan A., Uraz U. Cumhuriyetin kültür kurumu olarak Halkevi Binaları // İTÜ Dergisi Seri A: Mimarlık, Planlama, Tasarım. – 2008. – № 7 (1). – S. 38–49.
112. Erkek M.S. Milli Mücadele Başlarken Yayınlanan Turancı Gazete: Türk Dünyası // Büyük Taarruzun 90. yılında Uluslararası Milli Mücadele ve Zafer Yolu Sempozyumu Bildiriler Kitabı, Cilt 2. – Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi Yayınları, 2014. – S. 705–718.
113. Ersal A. Karl Müller'in Türkiye'de Bir Merkez Bankası Kurulmasına İlişkin Raporunun Siyasi Yansımaları // *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi*. – 2015. – № 22. – S. 481–508.
114. Ersal A. Tevhid-i Efkâr Gazetesi Başyazarı Ebuzziya'yı Şark İstiklâl Mahkemesine Götüren Süreç // *Belleten*. – 2019. – № 83. – S. 335–366.
115. Giz A. Kurtuluş Savaşı'na karşı çıkan gazete // *Yıllarboyu*. – Eylül 1978. – № 6. – S. 4–8.
116. İhsanoğlu E. Teâlî-i İslâm Cemiyeti // *İslâm Ansiklopedisi* 40. Cilt. – İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2011. – S. 207–208.

117. İlaslan S. Türkiye'de Televizyon Yayıncılığının Kuruluşu Üzerine Temel Tartışmalar: Kalkınma, Eğitim ve Milli Güvenlik // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. – 2014. – № 69 (3). – S. 481–510.
118. İnan A. Atatürk ve Tarih Tezi // Belleten. – 1939. – № 3. – S. 243–246.
119. Kılıç M. Büyük Nutuk'un Cumhuriyet Tarihindeki Yeri ve Önemi // Türk Dünyası Araştırmaları. – 2019. – № 121 (238). – S. 113–136.
120. Kocabasoğlu U. Şirket Telsizinden Devlet Radyosuna: TRT Öncesi Dönemde Radyonun Tarihsel Gelişimi ve Türk Siyasal Hayatı İçindeki Yeri / U. Kocabasoğlu. – İstanbul: İletişim Yayıncıları, 2010. – 528 s.
121. Koçak M. Tevhid-i Efkâr Gazetesinin Milli Mücadele'ye bakışı (1921–1923). Yüksek Lisans Tezi. – İstanbul: Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 2018. – 156 s.
122. Korkmaz T. Cumhuriyetin Kuruluş Dönemi'nde Resmi İdeoloji ve Türk Tarih Tezi'ne Alternatif Bir Yaklaşım: Atsız Mecmua // Akademik Hassasiyetler. – 2023. – № 10. S. – 642–669.
123. Kurtcu F. Türkiye'de Harf Devrimi: Latin Alfabetesine Geçişin Tipografik Dönüşümü. // Art-e Sanat Dergisi. – 2024. – № 17 (33). – S. 513–533.
124. Levend A.S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri / A.S. Levend. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayıncıları, 1960. – 498 s.
125. Malkoç E. Türk Basınından bir Süreç iki Perspectif: Londra Konferansını Anadolu'da Yeni Gün ve Alemdar'ın Sayfalarından Karşılaştırmalı okumak // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2022. – № 6 (100). – S. 1–26.
126. Mango A. Atatürk / A. Mango. – İstanbul: Sabah Kitapları. 1999. – 637 s.
127. Mazıcı N. 1930'a Kadar Basının Durumu ve 1931 Matbuat Kanunu // Atatürk Yolu Dergisi. – 1996. – № 5 (18). – S. 131–154.
128. Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce 4. cilt: Milliyetçilik. – İstanbul: İletişim Yayıncıları. 2003. – 1024 s.
129. Necdet Aysal N., Ökte S.K. Tek Parti Döneminde Cumhuriyet Halk Partisi Üçüncü Büyük Kongresi (10–18 Mayıs 1931) // The Journal of Academic Social Science. – 2016. – № 30. – S. 39–71.

130. Nuhoğlu M., Boyraz B., Dolunay A., İlhan M. Der Adler Örnekleminde Nasyonal Sosyalist Almanya'da Süreli Yayınlarında Propaganda // Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. – 2015. – № 8 (40). – S. 292–299.
131. Odabaşı H.Y. Hakimiyet-i Milliye Gazetesinde Bolşevizm Algısı ve İslam Dünyasına Bakış (1920–1921) // İstanbul Arel Üniversitesi İletişim Çalışmaları Dergisi. – 2017. – № 4 (7). – S. 33–55.
132. Ortaylı İ. Gazi Mustafa Kemal Atatürk / İ. Ortaylı. – İstanbul: Kronik Kitap, 2018. – 476 s.
133. Osmanoğlu A. Babam Abdülhamit / A. Osmanoğlu. – İstanbul: Güven Yayınevi, 1960. – 262 s.
134. Önder M. Milli Mücadele'nin Gazetesi Hâkimiyet-i Milliye Nasıl Çıkarıldı? // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1991. – № 7 (20). – S. 285–302.
135. Özdemir M. Demokrat Parti'nin Muhalefetten İktidara Geçiş Sürecinde Zafer Gazetesi (1949–1950). Yüksek Lisans Tezi. – Kırıkkale: Kırıkkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Anabilim Dalı, 2018.
136. Özkaya Y. Türk ve Dünya Basınında Çanakkale Savaşları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 1996. – № 12. – S. 295–313.
137. Ravanoğlu Yılmaz S. Nihal Atsız Türkçülüğü ve Milliyetçi Hareketin Yol Ayırımı // Ekonomi Politika Ve Finans Araştırmaları Dergisi. – 2022. – № 7 (3). – S. 784–797.
138. Sarf Ç. İstanbul'daki Milli Mücadele Karşılı Basın. Yüksek Lisans Ödevi. – Ankara: Ankara Üniversitesi, 2010. – 45 s.
139. Semiz Y. 18 Mart 1915 Çanakkale Deniz Savaşı: Sebepleri, Gelişimi ve Sonuçları // Selçuk Üniversitesi Turkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2003. – № 14. – S. 221–247.
140. Süer R. Mehmed Fazullah es-Sivasi'nin el-İtidal fi Mhabettü'l-al Adlı Mesnevisi // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 2016. – № 1. – S. 309–364.
141. Sürücü B. İlk bölünme: Terrakiperver Cumhuriyet Fırkası'nın doğuşu // Turkish Business Journal. – 2022. – № 3 (6). – S. 1–28.

142. Şallı H. Bölgesel Kurtuluşta Milli Mücadele'ye Edirne'nin Sesi: Trakya Paşaeli Gazetesi // Karadeniz Araştırmaları. – 2021. – № 18 (72). – S. 875–904.
143. Şen İ. Vilayat-1 Şarkıye Müdafa-i Hukuk-1 Milliye Cemiyeti Erzurum Şubesi'nin Kuruluşu Ve Atatürk'ün Cemiyete Katkıları // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2000. – № 16 (47). – S. 537–559.
144. Taşdemir S. Ayvalık Türk Ocağı ve Etkinlikleri // Türkçük Bilimi Araştırmaları. – 2010. – № 28. – S. 341–362.
145. Ünalp F.R. Türk İstiklal Harbinde Batı Cephesi Tayyare Bölgeleri // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2022. – № 105. – S. 55–100.
146. Vural M.K. Belgelerin Gözünden Hasan Tahsin Ve 'İlk Kurşun' Meselesine Yeniden Bakmak // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. – 2011. – № 35 (100). – S. 377–414.
147. Yalçın O. Osmanlı İmparatorluğu Dönemi Türk Askeri Havacılığı // Bılıg. – 2021. – № 96. – S. 147–176.
148. Yalçınkaya A., Kardaş A. Meşrutiyet Dönemi Osmanlı Aydınlarının Hurufat Ve Dil Meselesi Hakkındaki Bakışları // Tarih Ve Gelecek Dergisi. – 2023. – № 9 (2). – S. 420–442.
149. Yılmaz A.Y. Millî Mücadele Döneminde Cemiyetlerden Bazıları ve Kuruluş Nedenleri // Turkish Studies-Social Sciences. – 2020. – № 15 (6). – S. 3257–3272.
150. Zürcher E.J. Cumhuriyetin İlk Yıllarında Siyasal Muhalefet Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası (1924–1925) / E.J. Zürcher. – İstanbul: İletişim Yayıncılığı, 2021. – 216 s.

Научная литература на других иностранных языках:

151. Ahiska M. Occidentalism in Turkey. Questions of Modernity and National Identity in Turkish Radio Broadcasting / M. Ahiska. – London, I.B. Tauris, 2010. – 271 p.
152. Akkaya E. Textual Intervention during the Spanish Civil War. Voices of Solidarity from Turkey // Untold Stories of the Spanish Civil War. / eds. R. Rein, S. Zepp-Zwirner. – L.: Routledge. 2023. – P. 238–247.

153. Altheim F. Die Abstammung des Maximinus Thrax // *Rheinisches Museum Für Philologie*. – 1941. – № 90 (3). – S. 192–206.
154. Arthur Ciciliato Franzolin J. Die Wehrmacht, organe de propagande des forces armées allemandes, et sa représentation de l'ennemi soviétique (1936–1944) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – P. 48–55.
155. Aslan S. “Citizen, Speak Turkish!”: A Nation in the Making // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2007. – № 13 (2). – P. 245–272.
156. Atakuman Ç. Cradle or crucible: Anatolia and archaeology in the early years of the Turkish Republic (1923–1938) // *Journal of Social Archaeology*. – 2008. – № 8 (2). – P. 214–235.
157. Aslangul-Rallo C. Signal (1940–1945): propagande “universelle” ou adaptation à des publics hétérogènes: L'exemple de la version francophone // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – P. 56–67.
158. Aslangul-Rallo C., Camarade H., Zunino B. La presse illustrée allemande: émergence, évolutions et perspectives de recherche (1880–1945) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. – 2020. – № 135–136. – P. 3–7.
159. Aytürk İ. The First Episode of Language Reform in Republican Turkey: The Language Council from 1926 to 1931 // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – 2008. – № 18 (3). – P. 275–293.
160. Baer G.W. The Coming of the Italian-Ethiopian War / G.W. Baer. – Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1967. – 412 p.
161. Barsotti E.M. Race and Risorgimento: An unexplored chapter of Italian history // *Journal of Modern Italian Studies*. – 2020. – № 25 (3). – P. 273–294.
162. Belge M. Trapped in its own history // *Index on Censorship*. – 1995. – № 24 (1). – P. 127–134.
163. Benjamin L. Working it out together: Radio policy from Hoover to the radio act of 1927 // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 1998. – № 42 (2). – P. 221–236.
164. Bleichmar D., Schwartz V.R. Visual History: The Past in Pictures // *Representations*. – 2019. – № 145 (1). – P. 1–31.

165. Bozdoğan S. Modernism and Nation Building. Turkish Architectural Culture in the Early Republic / S. Bozdoğan. – Washington DC: University of Washington Press, 2001. – 367 p.
166. Boyar E., Fleet K. “Mak[ing] Turkey and the Turkish Revolution Known to Foreign Nations Without Any Expense”: Propaganda Films in the Early Turkish Republic // *Oriente Moderno*. – 2005. – № 85 (1). – P. 117–132.
167. Briant E.L., Jones M.O. A century of propaganda studies: from pen and sword to surveillant smartphone // *Critical Studies in Media Communication*. – 2025. – № 42 (1). – P. 64–68.
168. Bytwerk R.L. Julius Streicher: Nazi Editor of the Notorious Anti-Semitic Newspaper *Der Stürmer* / R.L. Bytwerk. – New York: Cooper Square, 2001. – 246 p.
169. Card H. The Tate Modern’s USSR In Construction // *Totalitarian Movements and Political Religions*. – 2007. – № 8 (1). – P. 149–152.
170. Çağaptay S. Reconfiguring the Turkish nation in the 1930s. // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2002. – № 8 (2). – P. 67–82.
171. Dallimore J., Heffernan E. “The USSR in construction”: A basic research guide for teachers and students // *Teaching History*. – 2020. – № 54 (3). – P. 26–34.
172. Deriu D. Picturing modern Ankara: New Turkey in Western imagination // *The Journal of Architecture*. – 2013. – № 18 (4). – P. 497–527.
173. Doğar M. “Complete Neutrality” or “Controlled Enmity”? The Role of the Turkish Press during the Italo-Ethiopian War of 1935–36 // *Turkish Historical Review*. – 2020. – № 10 (02–03). – P. 213–251.
174. El Rafaie E. Multiliteracies: How Readers Interpret Political Cartoons // *Visual Communication*. – 2009. – № 8 (2). – P. 181–205.
175. Fortna B.C. Learning to Read in the Late Ottoman Empire and the Early Turkish Republic / B.C. Fortna. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 247 p.

176. Goetgheluck E. Die NS-Frauen-Warte : l'image des femmes comme outil de propagande (1941–1944) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2020. – № 135–136. – P. 38–47.
177. Güçlü Y. Turkey's entrance into the League of Nations // Middle Eastern Studies. – 2003. – № 39 (1). – P. 186–206.
178. Güven E., Yılmazata M. Milli İnkılap and the Thrace Incidents of 1934 // Journal of Modern Jewish Studies. – 2014. – № 13 (2). – P. 190–211.
179. Harris T. John Reith and the BBC 1922-1939: Building an Empire of the Air? // Revue Française de Civilisation Britannique. – 2021. – № 26 (1). – P. 1–16.
180. Heins L. The “experiential community”: early German television and media theory // Screen. – 2011. – № 52 (1). – P. 46–62.
181. Heyer P. America under Attack: A Reassessment of Orson Welles' 1938 War of the Worlds Broadcast // Canadian Journal of Communication. – 2003. – № 28 (2). – P. 149–165.
182. Hoff P. German Television (1935–1944) as subject and medium of National Socialist Propaganda // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 1990. – № 10 (2). – P. 227–240.
183. Köroğlu E. Ottoman Propaganda and Turkish Identity / E. Köroğlu. – London: I.B. Tauris & Company, 2007. – 244 p.
184. Kuzgun M. An Assessment on the Contribution of Şevket Süreyya Aydemir to the Establishment of Kemalist Ideology and his Writings in the Kadro Journal // History Studies. – 2018. – № 10 (2). – S. 95–112.
185. Lamprou A. The journal İnkılâp and the appeal of antisemitism in interwar Turkey // Middle Eastern Studies. – 2022. – № 58 (1). – P. 32–47.
186. Landau J.M. Ultra-Nationalist Literature in the Turkish Republic: A Note on the Novels of Hüseyin Nihâl Atsız // Middle Eastern Studies. – 2003. – № 39 (2). – P. 204–210.
187. Lippmann W. Public Opinion. With a New Introduction by Michael Curtis / W. Lippmann. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1991. – 427 p.

188. Liu Z., Shu M. Nationalist Thoughts and Islam in the Late Ottoman Empire // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies.* – 2017. – № 11 (2). – P. 14–26.
189. Manias C. *Race, Science, and the Nation: Reconstructing the Ancient Past in Britain, France and Germany* / C. Manias. – Abingdon: Routledge, 2013. – 301 p.
190. Matthewson A. *Satirising imperial anxiety in Victorian Britain: Representing Japan in Punch Magazine, 1852–1893* // *Contemporary Japan.* – 2021. – № 33 (2). – P. 201–224.
191. McMeekin S. *The Berlin–Baghdad Express: the Ottoman Empire and Germany’s Bid for World Power* / S. McMeekin. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. – 496 p.
192. Mitchell W.J.T. *The Pictorial Turn* // *ArtForum.* – 1992. – № 5. – P. 89–94.
193. Nereid C.T. *Domesticating Modernity: The Turkish Magazine “Yedigün”, 1933–9* // *Journal of Contemporary History.* – 2012. – № 47 (3). – P. 483–504.
194. O’Sullivan E., Immel A. *Sameness and Difference in Children’s Books: An Introduction* // *Imagining Sameness and Difference in Children’s Literature: From Enlightenment to the Present Day* / eds. E. O’Sullivan, A. Immel. – London: Palgrave McMillan, 2017. P. 1–28.
195. Özkan B. *Ottomanism and the Ottoman Vatan, 1908–1918* // *War and Collapse: World War I and the Ottoman State* / eds. M.H. Yavuz, F. Ahmad. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2016. – P. 223–244.
196. Pittard E. *Race and History: An Ethnological Introduction To History* / E. Pittard. – New York. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co.ltd., 1926. – 505 p.
197. Potter P. B. *The Wal Wal arbitration* // *The American Journal of International Law.* – 1936. – № 30 (1). – P. 27–44.
198. Sanders M. L. *Wellington House and British Propaganda During the First World War* // *The Historical Journal.* – 1975. – № 18. – P. 119–146.

199. Staudenmaier P. Racial Ideology between Fascist Italy and Nazi Germany: Julius Evola and the Aryan Myth, 1933–43 // *Journal of Contemporary History*. – 2020. – № 55 (3). – P. 473–491.
200. Tachau F. Language and Politics: Turkish Language Reform // *The Review of Politics*. – 1964. – № 26 (2). – P. 191–204.
201. Topinard P. Anthropologie, ethnologie et ethnographie // *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*. – 1876. – № 11. – P. 199–229.
202. Tranca A. The Illustrated Press and the Writing of History: The Recueils of *L'Illustration* in 1848 // *Dix-Neuf*. – 2017. – № 21 (4). – P. 280–296.
203. Turkish Foreign Policy, 1919–2006. Facts and Analyses with Documents / ed. Baskın Oran. – Salt Lake City: The University of Utah Press. 2010. – 968 p.
204. Türkeş M. The ideology of the Kadro [cadre] movement: a patriotic leftist movement in Turkey // *Middle Eastern Studies*. – 1998. – № 34 (4). – P. 92–119.
205. Tworek H.J.S. The Savior of the Nation? Regulating Radio in the Interwar Period // *Journal of Policy History*. – 2015. – № 27 (3). – P. 465–491.
206. Uludağ M. The First Visit of a British Monarch to Turkey: Edward VIII // *Journal of Anglo-Turkish Relations*. – 2023. – № 4. – P. 55–75.
207. Uzer U. Racism in Turkey: The Case of Huseyin Nihal Atsiz // *Journal of Muslim Minority Affairs*. – 2002. – № 22 (1). – P. 119–130.
208. Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. – 2006. – № 45 (1). – P. 30–50.
209. Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. – 2003. – № 1. – P. 7–36.
210. Who's who of Victorian Cinema. – URL: <http://www.victorian-cinema.net> (дата обращения 04.11.2023).
211. Wolf E. When Photographs Speak, To Whom Do They Talk? The Origins and Audience of SSSR na stroike (USSR in Construction) // *Left History*. – 1999. – № 6. – P. 53–82.

212. Yılmaz H. Learning to Read (Again): The Social Experiences of Turkey's 1928 Alphabet Reform // International Journal of Middle East Studies. – 2011. – № 43 (4). – P. 677–697.
213. Zürcher E.J. The Progressive Republican Party of 1924–25: Reactionaries, Conservatives, or Moderates? // European Journal of Turkish Studies. – 2021. – № 33. – URL. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/ejts/7676> (дата обращения: 02.06.2023).
214. Zürcher E.J. The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement, 1905–1926 / E.J. Zürcher. – Leiden: E.J. Brill, 1984. – 198 p.
215. Zürcher E.J. Turkey: A Modern History / E.J. Zürcher. – London and New York: I.B. Tauris, 2017. – 480 p.